

ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА

Логический анализ языка

ТОЖДЕСТВО И ПОДОБИЕ

СРАВНЕНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Москва 1990

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА

Логический анализ языка

Т О Ж Д Е С Т В О И П О Д О Б И Е

С Р А В Н Е Н И Е И И Д Е Н Т И Ф И К А Ц И Я

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. Д. АРУТЮНОВОЙ

Москва 1990

Редакция:

Отв. редактор - Н. П. Артюнова

Отв. секретарь - Н. К. Рябцева

Рецензенты:

В. Н. Телія

Е. В. Краси́льникова

И. М. Кобозева

* * *

Наша реклама:

С 1988 г. в Издательстве "Наука" выходит ежегодник "Логический анализ языка": вып. 1. Знание и мнение (1988); вып. 2. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов (1989); вып. 3. Противоречивость и аномальность текста (1990); планируется вып. 4. Концептуальный анализ (1991). Заказы принимаются во всех магазинах "Академ-книга" и "Книга почтой".

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Из рецензии И.М.Кобозевой..... 4

ТОЖДЕСТВО И ПОДОБИЕ

Н.Д. АРУТЮНОВА. Тожество и подобие (заметки о взаимодействии концептов).....	7
А.Д. ШМЕЛЕВ. Парадоксы идентификации	33
И.Б. ШАТУНОВСКИЙ. Тожество и его виды	52
АОШУАН ТАНЬ. Предложение тождества и акт отождествления (на материале китайского языка)	69
Л.Б. ЛЕБЕДЕВА. Сходство, различие, тождество в интенциональных и экстенциональных общих высказываниях	84
Н.И. ЛАУФЕР. От образа к подобию	98

СРАВНЕНИЕ. МЕТАФОРА. АНАЛОГИЯ

А.И. ПОЛТОРАЦКИЙ. Соотнесение лексических синонимов в англоязычной художественной речи	110
Г.Е. КРЕЙДИН. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке. I24	
Ц. СЕРЬЮ. Сравнение, тождество и имплицитная предикация	140
М.А. ДМИТРОВСКАЯ. Тожественность себе и неизменность: мир и человек в произведениях Андрея Платонова	153
Н.А. СМОЛЯРОВА. Метафора в географической терминологии	166

СХОДСТВО. РАЗЛИЧИЕ. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Н.К. РЯБЦЕВА. Научное знание и мнение: пределы нейтрализации ...	177
Н.И. ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА. Тожество возможных миров и вопросоответная последовательность	187
В.М. ТРУБ. К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания	194
Е.С. ЯКОВЛЕВА. Языковая картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой "далеко" / "близко"	205
А.Д. КОШЕЛЕВ. Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам	218

Рецензируемый сборник представляет собой очередной коллективный труд исследователей, объединенных вокруг семинара "Логический анализ языка", работающего в Институте языкознания АН СССР под руководством профессора Н.Д.Арутюновой. Как и в предшествовавших изданиях данной серии в центре внимания находятся объекты, входящие в компетенцию как лингвистики, так и логики. На сей раз анализу подвергается отражение в естественном языке категорий тождества, подобия и связанных с ними операций сравнения, отождествления и идентификации, составляющих базис освоения мира сознанием человека.

Сборник состоит из трех разделов, выделенных по двум основаниям: 1) отнесенности рассматриваемых явлений к традиционным разделам филологической науки; 2) характеру связи с темой (непосредственному/опосредованному).

Первый раздел - "Синтаксис и лексика", самый большой по объему и теоретически наиболее значимый, включает в себя работы, подвергающие логико-лингвистическому анализу сами ключевые концепты и их функционирование в языке.

Раздел открывает статья Н.Д.Арутюновой - "Тождество и подобие (взаимодействие концептов)", в которой дан глубокий лингво-философский анализ понятий тождества и подобия. Если использовать применительно к содержанию статьи противопоставление "данного" и "нового", то в качестве "данного" здесь выступает различие между тождеством и подобием, ранее подробно обсуждавшееся в известной работе того же автора, а в качестве "нового" - интерференция этих понятий, возникающая в результате снятия различий между ними при определенных семантических условиях. Изучая явления, возникающие на границе между тождеством и подобием, автор не только значительно обогащает наши представления о том, как устроены эти категории в обычном языке, но и дает глубинно-семантические описания ряда языковых конетрукций (например, такой X, как Y, это (не) то).

Статья Н.Д.Арутюновой не случайно поставлена первой: в ней кратко и с большой ясностью обозначены все важнейшие аспекты темы сборника в их взаимосвязи.

Сопоставима по глубине анализа языковых фактов с работой Н.Д.Арутюновой статья И.Б.Шатуновского "Тождество и его виды". Автор вносит существенный вклад как в понимание самой проблемы тождества применительно к языку (разграничение внут-

ренного и внешнего тождества), так и в описание семантики предложений тождества (анализ условий употребления предложений типа Это тот самый X, который . . . , и Хи есть У). Автор в очередной раз доказывает плодотворность учета категорий коммуникативной организации смысла при семантическом анализе.

Тема, поднятая в статье И.Б.Шатуновского, находит интересное продолжение в статье Тань Ао Шуан "Предложения тождества и акт отождествления (на материале китайского языка)". Роль этой статьи в сборнике трудно переоценить, так как только сравнимая отражение объективно одного и того же явления в "зеркалах" столь разных по структуре языков, как русский и китайский, можно понять, что в языковом проявлении категории тождества универсально, а что обусловлено структурой языка или национально-культурной спецификой.

Статья Н.И.Лауфер "От образа к подобию" – единственная в сборнике попытка процедурного, процессуального описания семантики слова (похож) и тем самым деятельностной интерпретации соответствующего концепта (сравнения как установления сходства). Если данная работа и уступает некоторым другим статьям сборника по глубине и тонкости лингво-философского анализа, то она во всяком случае, позволяет продвинуть изучение вопроса в весьма актуальном направлении – в сторону конкретного моделирования интеллектуальной деятельности.

О предложениях тождества и сходства идет речь и в статье Л.Б.Лебедевой. Но здесь в центре внимания не столько сами реляционные концепты, сколько референциальные характеристики термов, соединяемых данными отношениями. На примере предложений тождества автору удается эксплицировать тонкое семантическое различие между общими высказываниями с универсальным и родовым субъектом.

В статье А.Д.Шмелева "Парадоксы идентификации" анализируются разные виды биноминативных предложений, поводом для совместного рассмотрения которых служит их кажущаяся, чисто формальная парадоксальность. Отметим некоторую искусственность такого повода, уместного, пожалуй, только применительно к тавтологиям и их отрицаниям, некая семантическая "экстравагантность" которых действительно ощутима. Что же касается структуры типа A (не) есть B, то осознать их парадоксальность гораздо труднее, настолько они привычны и естественны в силу центрального их положения в языке. Может быть, поэтому наиболее интересной показалась нам часть статьи, посвященная интерпретации тавтологий в русском языке. В трактовке проблем

идентификации и псевдоинтенсификации автор менее оригинален, что, впрочем, отчасти искупается мастерским подбором иллюстративного языкового материала.

В разделе II в центре внимания уже не непосредственное отражение в языке исследуемых концептов, а их конструктивная роль в формировании стилистических приемов и языковых средств самой разной семантики. Две статьи раздела посвящены метафоре. Г.Е.Крейдлин уточняет принятый в модели "Смысл-Текст" способ лексикографирования метафорических значений и пополняет список моделей регулярных метафорических переносов. Статья вводит в рассмотрение богатый лексический материал в новой интерпретации, хотя не всегда можно согласиться с предложенной трактовкой переноса (ср. анализ метафоры тушиковая (ситуация)) как произведенной по модели "вне дома" - "плохой". В статье Н.А.Смоляровой показана важная роль метафоры в становлении терминосистем на примере гляцеологии. А.И.Полторацкий предлагает тонкий анализ семантических механизмов, лежащих в основе стилистического приема соположения лексических синонимов в английской художественной прозе.

В статье французского лингвиста П.Серьо рассмотрены русские конструкции типа N_1 как N_2 . Обращая особое внимание на имплицитные смыслы, автор с удивительной тонкостью показывает их неоднозначность, условия ее возникновения и снятия. П.Серьо выявляет грамматические средства, свидетельствующие о полифонии высказывания. Статья отличается изяществом и точностью мысли. Особняком стоит статья М.А.Дмитровской, представляющая собой самую удачную, если не считать неопубликованного доклада Ю.И.Левина, из известных нам попыток проникновения в поэтический мир А.Платонова через анализ его языка.

Статьи третьего раздела, хотя и не имеют прямого отношения к теме, представляют значительный интерес, освещая новые грани традиционных, но оттого не менее актуальных логико-лингвистических проблем: пропозициональных установок мнения и знания (Н.К.Рябцева), вопросо-ответных соответствий (Н.И.Голубева-Монаткина), отрицания (В.И.Трубо),

Благодаря выделению небольшой и компактной тематической области и участия специалистов разного профиля и ориентации, авторскому коллективу удалось обеспечить подлинно стереоскопическое видение предмета, раскрыть исследуемые явления во всей сложности их внутренних и внешних связей.

Публикация сборника, несомненно, будет способствовать прогрессу в различных направлениях логико-лингвистического анализа и вызовет интерес широкого круга специалистов, которые осознают кардинальную роль языка в человеческом познании.

ТОЖДЕСТВО И ПОДОБИЕ

Н.Д. Арутюнова

ТОЖДЕСТВО И ПОДОБИЕ

(Заметки о взаимодействии концептов)

I.

Концепты дискретны, мир континуален. Его членение не может в точности соответствовать системе понятий. Многие объекты и ситуации подводятся под разные концепты, к некоторым не подходит ни один. Таковы объекты, лежащие на границе разных понятийных полей. Для их обозначения язык либо вырабатывает слова с неотчетливым смыслом, либо прибегает к словам, взятым из соседствующих ареалов. Выбор ареала может быть нормативным или свободным. В последнем случае формируются стилистические приемы и возникают коннотации, в первом значение приобретает черты синкретизма [19, с. 80; 8]. Все это позволяет говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности, зависящей от многих факторов, в том числе и прагматических. Континуальность мира не проходит бесследно для отражающих его концептов.

X

X

X

Настоящая статья посвящена взаимодействию понятий тождества и подобия. Эти понятия могут быть выражены различными средствами языка — грамматическими и лексическими. Так, тождество передается и предложениями идентификации [2, гл. 5], и дейксисом (местоимениями тот, тот же, тот самый, этот) и предикатами (идентичный, тождественный, один и тот же). Еще более разнообразны способы выражения подобия. Сколь бы разнообразны ни были языковые ресурсы и их смысловое варьирование, понятия тождества и подобия, рассматриваемые в их речевом преломлении, всегда выражают отношения между объектами (предметами, явлениями, признаками, понятиями) ¹. Сходство — это отношение между разными объектами; тож-

¹ В логике тождество рассматривается по-разному: как рефлексивное отношение между объектами — вещами (онтологическое тождество) или свойствами (тождество модусов) [7, с. 380 и сл.], либо как отношение (знак "=") между знаками (именами), указывающими на одно и то же обозначаемое. Если денотат представлен

дество это отношение объекта к самому себе, точнее, между разными "явлениями" одного объекта. Тождество **уста-** навливается в акте идентификации, сходство - в акте уподобления. Оба эти акта предполагают сравнение. Психологически при уподоблении сравниваются либо два разных объекта, либо объект и образ, либо два образа. При отождествлении, осуществляемом в контексте жизни, сравнивается объект и его образ, извлеченный из памяти.

В орбиту отождествления и уподобления, наряду с объектами, вовлечены их признаки. Совпадение признаков дает основание и для идентификации объектов, и для вынесения вердикта об их сходстве. Само выделение признаков во многом зависит от значений предикатных слов, т.е. от концептуализации действительности. Ни тождество, ни подобие поэтому не могут быть отделены от интенциональной сферы.

Отношения тождества и подобия близки и в то же время глубоко различны. Сходство предполагает существование по крайней мере двух объектов; понятие же тождества в классическом случае приложимо к тому, что "по числу одно" (Аристотель). Сходство, будучи отношением между разными объектами, необходимо сопровождается различием. Тождество, будучи отношением объекта к самому себе, стирает различия. Сходство зиждется на общности признаков, тож-

одинаково, то имеет место аналитическое, или тавтологическое, суждение ($a = a$), если денотат представлен по-разному, то суждение информативно ($a = b$) [11, с. 181-182]. Л. Витгенштейн не считал тождество отношением между объектами; ср. следующие его афоризмы: 5.53. Тождество объектов я выражаю тождеством знаков, а не с помощью знака тождества. Различие объектов - различием знаков. 5.5301. Очевидно, что тождество не есть отношение между объектами... 5.5303. Между прочим: сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, значит ничего не сказать... 5.533. Следовательно, знак тождества не является существенной составной частью логической символики [4, с. 76]. Точка зрения Витгенштейна связана с проводимым им различием между тем, что может быть показано, и тем, что может быть сказано (4.121. То что может быть показано, не может быть сказано.). Тождество "показывает" себя в тождестве используемых простых символов.

дество – на общности субстанции. Тождество отражает единство и континуальность мира во времени, подобие свидетельствует о единстве и континуальности мира в пространстве. Тождество формирует образ, подобие – концепт.

Если транспонировать отношения, существующие в мире, в план их языкового выражения, то могут быть выделены следующие формальные различия между тождеством и подобием. Отношения тождества рефлексивны, фактуальны (не допускают градаций), а следовательно, не подлежат интенсификации, константны, сопрягают коррелятивные имена, симметричны, не могут соединять имена объектов, входящих в разные классы. Отношения подобия не рефлексивны, градуированы, допускают интенсификацию, могут быть как константными, так и преходящими, могут соединять имена с разнотипной референцией, а также имена объектов, входящих в разные классы (при метафоре); они поэтому асимметричны. (Подробнее см. [3, с. 3-7]). Перечисленные формальные признаки имеют содержательную интерпретацию. Так, утверждение о том, что отношения подобия могут соединять имена с разным типом референции (Это облако похоже на распластанную беличью шкурку), подразумевает, что конкретный объект может быть уподоблен классу объектов (его эталону). При этом сближаются индивидуальные признаки – с одной стороны, и родовые – с другой.

Все перечисленные различия вытекают из одного "идеологического" источника: тождество независимо от человека, сходство же зависит от субъективного восприятия. Восприятие не всегда может быть вербализовано, и тогда говорят о неуловимом сходстве. К тождеству такое определение не применимо. Апеллирующая к сходству метафора заложена не столько в природе мира, сколько в природе человека. Тождество составляет необходимую истину; сходство в общем случае не поддается истинностной оценке. Возможности отождествления ограничены количеством объектов и ситуациями, в которых они участвуют. Возможности уподобления безграничны и предопределены особенностями изменчивого восприятия действительности разными субъектами, с одной стороны, и неисчерпаемостью признаков воспринимаемых объектов – с другой.

Сказанное обуславливает разное отношение логики к концептам тождества и подобия: логика не оперирует понятием сходства, но принимает тождество в качестве одной из своих ключевых кате-

горий. Сходство – орудие семантики, тождество – логики. Сходство порождает концепты, тождество – законы. У.О.Куайн писал в этой связи:

"Понятие сходства, вообще говоря, обладает сомнительным научным статусом, и это парадоксально, поскольку нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше чувство сходства, благодаря которому мы распределяем предметы по разрядам и категориям. Все общие термины – будь то общее имя, глагол или прилагательное, приобретают обобщающее значение благодаря сходству референтов ... Трудно представить себе более нам знакомое и более важное понятие, чем сходство, или, наконец, понятие, более широко применяющееся ... Однако странным образом есть в нем что-то отталкивающее для логики" [12, с. 7].

Различие в логическом статусе тождества и подобия не мешает им иметь в референтном пространстве общую границу.

Вдоль этой границы расположены неклассические ситуации, при обозначении которых предикаты подобия "заряжаются" значением тождества, а идентифицирующие средства языка (в частности действительные) приобретают значение уподобления [3]. Такая семантическая двойственность прослеживается достаточно регулярно и ее отмечают словари.

Ниже приводятся толкования основных предикатов тождества и подобия в "Словаре" Д.Н.Ушакова.

Начнем с анафорического местоимения ТАКОЙ, отсылающего к признаку и участвующего в сравнительной конструкции (такой, как этот). Уже первое значение совмещает семантику тождества и подобия: "именно этот, подобный этому, данному или тому, о чем говорилось в предшествующей речи. Клянусь тебе, Лаура, никогда с таким ты совершенством не играла. Такой человек был неопасен Александру. Отродясь я не видела нарядов таких".

В статье ПОДОБНЫЙ первым дано значение сходства ("сходный; совершенно похожий"), во втором объединены значения подобия и тождества – адъективной и субстантивной анафоры: "такой, этот (о котором говорится). Где еще мыслимы подобные вещи. Перечислить подобного рода факты. Поступить подобным же образом".

В статье ОДИНАКОВЫЙ также отмечаются оба значения: "тождественный, такой же, совпадающий с другим".

При этом остается несомненным, что слова ТАКОЙ, ПОДОБНЫЙ и ОДИНАКОВЫЙ указывают на близость признаков и свойств разных объектов, т.е. на их сходство.

В толковании прилагательного ТОЖЕСТВЕННЫЙ (ТОЖДЕСТВЕННЫЙ) указывается не значение идентичности, а, скорее, значение подобия: "такой же, одинаковый, вполне сходный". Такая интерпретация предполагает, что и в этом случае речь идет об отношениях между разными объектами.

Аналогично толкуется и антонимический ряд. В статье РАЗНЫЙ отрицание тождества и отрицание подобия даны в одном (первом) значении, но разделены двойной чертой: "неодинаковый, несходный в чем-н., различный. Разные мнения, вкусы. Разные способы; // иной, другой, не один и тот же. Они живут в разных домах."

То же находим и в статье ДРУГОЙ с различием в порядке следования: "не этот, не тот. Об этом поговорим в другое время и в другом месте; // не такой, иной, отличный от данного. У него были совсем другие намерения. После женитбы он стал совсем другой". В качестве третьего значения дается "почти-тождество": "такой же, как кто-нибудь, равный, почти тождественный с ним. Это - другой Наполеон". Такое употребление - оно возможно в сочетании с именами собственными - фиксирует идентичность признаков при различии в субстанции, тогда как в предложениях типа "Он стал другим", напротив, сообщается о различии признаков, присущих одному объекту (лицу) в разные периоды его существования. Таким образом, прилагательное другой может обозначать противоположные ситуации: в одной из них тождество отнесено к признакам, в другой различие признаков основано на пресуппозиции тождественности субстанции.

Обращение к словарным толкованиям раскрывает основную причину смешения понятий тождества и подобия: оба они функционируют в принципиально разных сферах - денотативной (экстенциональной) и сигнификативной (интенциональной), материальной и идеальной. Концепты тождества и подобия могут быть отнесены как к предметам, так и к признакам предметов (в широком смысле). В первом случае они четко противопоставлены, во втором нет.

Объекты признаются сходными при наличии между ними сходных, (одинаковых, общих, тех же самых, аналогичных, похожих, тождественных, одних и тех же) признаков. Уже набор слов, допустимых

применительно к признакам, служащим основанием для уподобления объектов, свидетельствует о некоторой неясности существующего между ними отношения.

Если сходные признаки подводятся под одно понятие и к ним прилагается идея тождества, то этим делается шаг от онтологического тождества к концептуальному.

Иначе говоря, понятие тождества незаметно для говорящих транспонируется из мира реальности в мир концептов. С этой точки зрения разные объекты могут обладать одним (тождественным) признаком. Такие объекты образуют номинальный класс (например, класс круглых или зеленых предметов). Если же тождество распространяется на некоторую совокупность природных черт, то соответствующие объекты объединяются в естественные рода и виды, входящие в национальную картину мира, то есть в то, что принято называть **folk genera**. Суть этого понятия и его роль в изучении семантики "природных слов" прекрасно показаны А. Вежицкой [16, гл. 3].

При отсутствии необходимости в индивидуализации членов естественных родов и видов на них распространяется идея тождества. Объекты, входящие в один род (или вид), признаются идентичными. Логика в этом случае говорит о тождестве неразличимых (при определенном интервале абстракции), то есть о тождестве, заданном концептом.

Тождество членов рода есть не что иное, как тождество родовых признаков. Если оставить в стороне нечаянности природы и патологию жизни, родовые признаки постоянны, объективны и неградуированны. Они обычно интерпретируются в терминах тождества. Переменные же признаки могут квалифицироваться и как сходные, и как тождественные. Различие в интерпретации, однако, не всегда может быть выявлено языковыми средствами. Если признаки выражены теми категориями слов, для которых признаковое значение является первичным, то есть прилагательными и глаголами, то тождество и подобие не противопоставлены формально. Это значит, что в области наречий - слов, зависимых от предикатов, - эти концепты не различаются. Наречия только уподобляют: Все так же светит луна. Все так же зелены луга. Зелень так же свежа, как в мае. Адверб так же указывает и на подобие, и на неизменность (тождественность) признака, свойственного субъекту в разные периоды времени.

Номинализация предиката открывает возможность выбора между тождеством и подобием: при имени может быть употреблено и идентифицирующее то (тот, та, те) и уподобляющее такой. Предложение Все так же светит луна, номинализуясь, дает две формы: 1) все то же свечение луны (тождество) и 2) все такое же свечение луны (подобие), или: 1) Свечение луны было все тем же (тождество) и 2) Свечение луны было все таким же (подобие).

Тождество - категория предметного мира. "В природе вещей не может быть двух или более субстанций одной и той же природы, иными словами, с одними и теми же атрибутами" [9, с. 363]. Принцип неповторимости, лежащий в основе понятия тождества, распространяется на все то, что мыслится как предмет: **No entity without identity.**

Любой объект допускает и уподобление и отождествление.

Ср. переход от подобия предикатов к тождеству номинализации в следующем отрывке из Л.Толстого: Никогда ни в ком не встречал я такого фамильного сходства, как между сестрой и матушкой. Сходство это заключалось не в лице, не в сложении, но в чем-то неуловимом: в руках, в манере ходить, в особенности в голосе и в некоторых выражениях. <...> Но необыкновеннее всего было это сходство в игре ее на фортепьяно и во всех приемах при этом: она так же управляла платье, так же поворачивала листы левой рукой сверху, так же с досады кулаком била по клавишам, когда долго не удавался трудный пассаж, и говорила: "ах, Бог мой!", и та же неуловимая нежность и отчетливость игры, так хорошо названной jeu perlé, прелести которой не могли заставить забыть все фокусы-покусы новейших пианистов.

Предложение Она играла так же нежно и отчетливо, как ее мать может дать два типа номинализаций: 1) такая же нежность и отчетливость игры, как у ее матери и 2) та же нежность и отчетливость игры, что у матери (которая была у ее матери). Локализация признаков в разных объектах не мешает их отождествлению.

В мире признаков (идеальных объектов) разница между тождеством и подобием становится не качественной, а количественной (скалярной, градационной): тождество - это предел сходства, его максимум; это - тождество неразличимых, совпадение в одном концепте. Тождество и подобие превращаются в однородные понятия. Если тождество материальных объектов в принципе может быть огра-

ничено общностью только родовых признаков, то тождество идеальных объектов требует совпадения всех релевантных для соответствующего концепта черт.

х

х

х

Отождествление объектов может осуществляться в контексте жизни и в контексте речи (дискурса). В первом случае объект, данный в непосредственном наблюдении, идентифицируется с объектом, присутствовавшим в нашем предопыте. Во втором случае мы отождествляем объект, о котором говорится в высказывании, с тем, о котором уже шла речь в предтексте. Об идентификации, производимой нами в жизни, мы можем сообщить в форме предложений тождества и отождествления, в которых идентификация выведена в рему. Если отождествление не было автоматическим, используется глагол узнавать. Текстовая идентификация выражается большей частью анафорическими средствами языка – субстантивной анафорой (местоимениями тот и этот). Факт тождества при этом не находится в коммуникативном фокусе.

Сходным образом, уподобление объектов может осуществляться в контексте жизни и в контексте речи (дискурса). В первом случае сопоставляются наши впечатления от разных объектов и, если они сходны, то мы можем сообщить об этом, используя специальные предикаты (сходен, похож, напоминает, такой же, подобен) или метафору. Во втором случае говорящий отождествляет признак, о котором идет речь в данном высказывании, с тем, о котором сообщалось ранее. Этой цели служит признаковая анафора (такой, подобный): И хотя Маркелов и величал его счастливецем, – он не смотрел и не чувствовал себя таким (Тургенев).

Отождествление объектов и признаков является важной и достаточно хорошо изученной текстовой категорией. Среди средств ее выражения большую роль играют местоимения тот, то, такой, таковой и так.

Из уже сказанного выше можно заключить, что тождество и подобие особенно тесно переплетены в двух случаях: во-первых, при выделении и обозначении родов и видов объектов – естественных и номинальных, во-вторых, при сравнении идеальных объектов разной

степени опредмеченности, входящих в одно или разные пространства, в частности, личные сферы. Этим вопросам посвящены следующие два раздела. В первом будут рассмотрены процессы объединения объектов в категории и разряды. Во втором – некоторые из тех объектов, которые лежат на границе между предметами и признаками. К их числу принадлежат, прежде всего, идентифицирующие (индивидуальные) свойства объекта (лица). В первом разделе внимание сосредоточено на родах, во втором – на индивидах.

2

Связь понятия тождества не только с индивидуальными объектами, но также с видами и родами была отмечена Аристотелем, который писал: "Прежде всего должно определить, в скольких значениях говорится "одно и то же". Если сказать в общих чертах, то "одно и то же" имеет, по-видимому, тройкий смысл. Действительно, мы обычно называем тождественным то, что одно и то же по числу, или по виду, или по роду. По числу одно и то же то, что имеет, правда, несколько названий, но есть одна вещь, например, "одежда" и "платье". По виду же одно и то же, что по количеству больше одного, но не различается видом, как, например, человек тождествен человеку и лошадь – лошади. Ведь называют одним и тем же по виду то, что подпадает под один и тот же вид. И точно так же одним и тем же по роду называется то, что подпадает под один и тот же род, например, лошадь и человек". И далее: "Более всего тождественным считается, по общему признанию, единое по числу" [I, с. 356].

Дополнительными к понятиям подобия и тождества являются понятия различий и единств (см. о них [10, с. 515–529]).

Родовые различия предполагают отсутствие общих родовых признаков. Тогда, когда речь идет о высших родах (категориях), это значит, что имена родов не могут иметь общие предикаты (ср. такие категории, как субстанция и количество). Видовые различия предполагают общность родовых признаков при отсутствии одинаковых специфических черт. Таково различие между всеми категориями, занимающими промежуточное место в таксономической иерархии.

Родовые и видовые различия в античной и схоластической философии принято было считать формальными, поскольку им соответствуют некоторые понятия, выраженные признаковыми словами

(предикатами).

Индивидуальные различия схоласти квалифицировали как числовые, или нумерические. Индивиды дифференцируются по тому, что присоединяется к различиям по формальным признакам. Нумерические различия определялись как материальные.

Трем типам различий соответствуют и три типа единств — родовое, видовое и индивидуальное (нумерическое). Первые два единства формальны, т.е. устанавливаются на концептуальном уровне, не исключая материальную раздельность (числовую множественность). Они, однако, не сводимы к наборам индивидов (как полагали логики-номиналисты), поскольку между индивидом и классом существует принципиальная разница. Индивидуальное единство материально. Оно не подлежит концептуализации (не рационально) и может быть обозначено только символом (именем собственным). Позитивизм в логике предпочитает интерпретировать индивида как одночленный класс. Конкретный объект тем самым сводится к сумме абстрактных признаков, исчислимых и имеющих предел. Между тем "жизнь превышает рассудок" (А.Бергсон): индивиду свойственны непредсказуемые творческие потенции [10, с. 523, ср. также с. 78-79].

Различие в формальном и материальном единствах требует различать отношение индивида к классу (знак \in) и вида к роду (знак $>$). Последнее связывает между собой однородные категории (классы) и является импликацией. Если x класс людей, а y — класс смертных, то $x > y$ означает, что признак "человечности" имплицитно подразумевает признак смертности. Это отношение транзитивно: из $x > y$ и $y > z$ следует, что $x > z$.

Отношение же \in соединяет гетерогенные категории (индивида и класс). Оно, строго говоря, не транзитивно. Из того, что $x \in y$, а $y \in z$, не следует, что $x \in z$, поскольку z является классом классов, а не классом индивидов. Неразличение отношений \in и $>$ является источником многих софизмов [10, с. 522-523].

Если же подойти к роду (классу) со стороны экстенционала, то тождество по роду можно рассматривать как сходство объектов по родовым признакам. В понятии рода осуществляется переход от сходства к тождеству неразличимых. Куайн считает, что сходство и род в сущности образуют одно понятие [13, с. 8].

Имена родов указывают и на класс объектов и на объединяющие

их свойства. Они отделяют таксономические признаки от индивидуальных. Родовые признаки сохраняют свою значимость и при отождествлении конкретных объектов, опирающиеся на индивидуальные черты. Условием идентификации индивидов является принадлежность к одному роду: дерево не идентично бревну, а бревно – деревянным поделкам. Даже в мире, в котором не исключаются метаморфозы, необходимо усилие, чтобы отождествить, например, кота с человеком (его оборотнем); ср. следующий эпизод из повести А. Погорельского "Лафертовская маковница": "Батюшка! Это бабушкин черный кот, – отвечала Маша, забывшись и указывая на гостя, который странным образом, повертывая голову и умильно на нее поглядывал. – С ума ты сошла! – вскричал Онуфрий с досадою. – Какой кот? Это господин титулярный советник Аристарх Фалеевич Мурлыкин. – Батюшка! – сказала Маша вне себя, – воля ваша! Это бабушкин черный кот! ... – Послушай, Маша! – сказал Онуфрий, – Хотя я очень хорошо знаю, что титулярный советник не может быть котом, или кот титулярным советником, – однако мне самому он показался подозрительным".

Идентичность индивида не терпит изменения родовых признаков: осел останется ослом, хотя осыпь его звездами.

Итак, тождество индивидов не выходит за пределы естественных родов, подобие легко пересекает их границы. Благодаря этому, наряду с естественными родами, формируются номинальные классы, в которые входят разнородные объекты, характеризуемые одной или немногими четко определимыми чертами.

Члены номинальных классов не отождествляются: интервал абстракции был бы в этом случае слишком велик. Номинальный класс не может быть сформирован методом предъявления образца. Образец, или модель, – это этап в переходе от предмета к признакам, от образа – к концепту, от класса предметов к концепту класса. Он эффективен при формировании естественных и квази-естественных родов.

Будучи причастными и к тождеству, и к подобию, естественные рода стимулируют и формирование образов, и формирование концептов: тождество однородных объектов составляет материал для создания типового образа, общие признаки рода консолидируются в концепт. В качестве образца естественных родов и видов используется их типичный представитель или его изображение. Этот метод весьма полезен в пособиях, научно-популярных и учебных фильмах, а также в иллюстрированных словарях. Образец легче показать,

чем пересказать. Когда ребенку говорят в зоопарке, "Вот - слон", это значит "Все животные, такие как этот, - слоны". Местоименное прилагательное такие осуществляет признаковый дейксис: оно "извлекает" из объекта образ и превращает его в образец. Образец (стереотип, прототип, эталон) имплицитует сравнение: с ним сравнивают для того, чтобы объединить объекты в класс. В случае естественных родов и видов местоимение такой (такие) сопротивляется переводу на язык дескрипций². Сходство избавляет от перечисления "подобных". Оно сокращает список до и т.п., отсылающего к бесконечному множеству.

Выделение классов (разрядов, категорий, типов) через сравнение с образцом составляет ресурс не только устойчивой таксономии природных реалий (*folk genera*). Оно отвечает постоянно возникающей потребности в окказиональной типизации объектов. В этом случае тип задается индивидом (образом индивида). На вопрос "Какие девушки тебе нравятся?" можно ответить "Высокие блондинки" или "Скромные и застенчивые", но можно сказать "Такие, как Вера". Образ индивида субъективен. Поэтому такой ответ неоднозначен и лишен условий истинности. Он, однако, более содержателен, чем ответ, прямо указывающий на искомые признаки. На вопрос "Какую жену ты хотел бы иметь?" можно ответить "Такую, как Наташа Ростова". Предъявление литературного персонажа в качестве модели не столько выделяет, сколько формирует тип и деформирует природу имитаторов.

Люди чувствуют в индивиде черты типа. Вместо того, чтобы сказать "Мне не нравится Иван", говорят "Я не люблю людей такого типа". Ср. следующий диалог; - Я никогда не думал, что вы отдадите предпочтение человеку такого типа. - Чем же вам не нравится тип м-ра Озмонта, если только выражение это здесь уместно?

² Удачный опыт толкования имен естественных родов и артефактных категорий содержится в книге А.Вежицкой [16]; ср. также "семантические схемы общего знания", предложенные Ст.Тейлером для описания естественных родов [14, с. 245] и сл.

(Авторство примеров, взятых из переводных произведений, не указывается). Желая узнать мнение о конкретном лице, мы спрашиваем "Что это за тип?". Имя тип употребляется в значении "индивид, человек": Пришел какой-то тип.

Механизмы типизации рутинны, они действуют незаметно. В любом разговоре, в любом тексте встречаются выражения подобные явления, такие люди, такого рода действия, такие высказывания и т.п. Все они имплицитно сравнение - отсылку к образцу или примеру: поступки подобного рода - такие поступки, как этот (данный); такие люди, как, например, Иван. Мы будем называть их компаративными, или уподобляющими, номинациями.

Компаративный способ номинации применяется и в высказываниях о естественных родах, и в сообщениях о квази-естественных типах; ср.: Такие насекомые, как это, не опасны и Такие люди, как Ваня, не опасны; Такие грибы, как эти, не следует есть; они ядовиты и С такими мальчиками, как Вася, не следует играть: побьют. Компаративность сохраняется и при эллипсисе сравнительного оборота: Такие не опасны. Например: Взять бы этого Канта да за такие доказательства года на три в Соловки, - совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич (М.Булгаков), Он тут же поставил себе вопрос: не стыдно ли, не позорно ли сидеть и слушать подобные мнения и не протестовать? (Тургенев).

Компаративные номинации имеют в повседневной речи специфическое употребление: если в референтной позиции возникает необходимость указания не только на объект, но и на его признаки, идентифицирующая номинация заменяется уподобляющей. Вместо того, чтобы сказать Ваня не подведет говорят Такие люди как Ваня не подводят (не подведут). Использование уподобляющей номинации сопровождается генерализацией суждения. Автор рассчитывает на способность адресата вывести конкретное утверждение из общего. Например: Дай, кажется, тебе три жизни, тебе и тех будет мало; ... ну а такие большей частью добряки (Достоевский). Из приведенного высказывания адресат речи заключает, что говорящий считает его добряком.

То, что за общим суждением скрыто мнение о конкретном объекте (лице), подтверждается заменой множественного числа на единственное: Он никак не ожидал, что такая важная и красивая барыня, такая аристократка в состоянии заинтересоваться им, простым

студентом (Тургенев). Но для такого свирепого верзиля как вы, писать нежные стишки – это почти гнусно (М.Горький). Он умолк величественно, как бы упрекая самого себя в том, что мог ожидать каких-либо дальних сведений от такого еще незрелого субъекта (Тургенев).

В компаративных номинациях нередко эксплицируются признаки, мотивирующие суждение (см. примеры выше). Их перечень, вообще говоря, не является исчерпывающим. Указание на конкретный объект всегда открывает возможность выделения других черт. Утверждение "Он не ожидал, что на него обратит внимание аристократка" не эквивалентно утверждению "Он не ожидал, что на него обратит внимание такая аристократка, как эта". В последнем высказывании характеристика типа индивидуализирована.

При отсутствии указания на признаки компаративная номинация обозначает квази-естественный класс; если признаки эксплицированы, то можно говорить о квази-номинальном классе.

Компаративная номинация, за которой скрывается отсылка к индивиду, причем уже введенному в текст, допускает употребление в экзистенциальных высказываниях, исключающих конкретную референцию: Бывают же такие люди, как Ваня; Есть же такие идиоты, как этот господин. Существование конкретного лица имплицитно предполагает возможность бытия ему подобных: если есть, то значит бывает. Однако такие высказывания не являются утверждениями о существовании класса. Они выражают мнение о конкретном объекте. Обычно это эмоциональная реакция удивления, восхищения или возмущения: Бывают же такие живописные уголки, как этот! Есть же еще такая девственная природа, как в этом краю. Реакция на свойства объекта обрабатывается реакцией на сам факт существования объектов, имеющих данные свойства.

Заметим попутно, что утверждение о несуществовании охарактеризованного объекта (или объектов) может получать значение ложности приписывания ему данной характеристики: Таких девушек, как Офелия, не бывает; ср. также: Я видел, что они раскрашивали народ слишком нежными красками, я знал, что "народа", о котором они говорят, – нет на земле (М.Горький). Речь идет не о несуществовании народа, а о ложности высказываемых о нем мнений. Ресурс компаративной номинации вводит в повседневную речь прием художественного обобщения, создающего тип через образ индивида.

Чередование референции к типу (разряду, категории) объектов и к его эталонному представителю ("лидеру") можно непосредственно наблюдать в произведениях фальштонного жанра (очерках, бытовых зарисовках), в которых фигурируют откровенно условные персонажи.

Так, в "Петербургской летописи" Достоевский пишет: "Мне, например, потому досадно за наш патриархальный кружок, что в нем всегда образуется и выделяется один господин самого несносного свойства. Этого господина вы очень хорошо знаете, господа. Имя ему легион". Речь идет, таким образом, одновременно и о данном (этом) господине и о легионе ему подобных господ (о таком господине). В "Летописи" говорится об индивидуе, скрепляющем своей личностью сюжет — жизнь одного человека, и вместе с тем — дается характеристика типа. Референция к конкретному субъекту все время чередуется с референцией к типу; ср.: "Если этот человек заведет себе друга, то друг у него тотчас же обращается в домашнюю мебель, во что-то вроде плевательницы" и "Забывает, да не подозревает такой человек в своей полной невинности, что жизнь — целое искусство, что жить значит сделать художественное произведение из самого себя". Употребление личных или указательных местоимений обусловлено необходимостью сквозной идентификации предмета по отношению к тексту.

Итак, компаративная номинация постоянно создает конфликтную ситуацию. Речь идет и о разряде однородных объектов и о конкретном представителе этого разряда. Указание на конкретный объект достигается через указание на класс (такие люди), а указание на класс — через сравнение с конкретным объектом (такие люди, как Иван). Этим "кругом" обеспечивается возможность референции к объекту, как члену класса, имеющего определенные характеристики.

Компаративные номинации опираются на принцип подобия. Сравнительный оборот (как этот) может вводиться только местоимением такой. В данном контексте невозможно чередование такой и тот.

Если же признак, выделяющий номинальный или квази-номинальный класс, выражен придаточным, то оно может вводиться как уподобляющим местоимением такой, так и дейктическим тот: Для меня существует только два класса людей: те (такие), которым я доверяю, и те (такие), которым я не доверяю. В следующем предложении также можно заменить те на такие: Я теперь четко разделяю людей

на три типа: те, чья совесть "кричит" всю жизнь и доставляет им массу всяких неудобств; те, у которых ее нет, и третьи, в принципе обычные люди, но совесть свою основательно заглушившие (Н.Думбадзе).

Выделение дейксисом ставит акцент на референтах, выделение через подобие – на признаках класса, ср.: Правда, многие полагали, что в этом безразличии он заходил слишком далеко, особенно те – а таковых нашлось немало – кому он не платил долгов.

Как и при компаративной номинации, в этих случаях множественное число может быть заменено единственным: – Про того, кто не страдает, люди говорят – какой бессердечный. – Про того, кто страдает, те же люди говорят – какой болван.

Уже приведенные примеры свидетельствуют о неустойчивости употребления тот и такой. Кроме того, происходит контаминация действительной и уподобляющей формулы: наряду с тот, который и такой, какой встречаются тот, какой и такой, который: Он уже не тот, каким (такой, которым) мы его знали. Даже в бытийных предложениях можно встретить действительное тот: Наш замечательный хирург В.Федоров, обследовав большое количество слепых, установил, что среди них есть те, которым можно вернуть зрение (Г.Бакланов). Такое употребление не вполне корректно. Бытийный контекст требует неопределенной референции. В бытийных предложениях референция имени в главном и придаточном различна. Поэтому в них сочетание такой, которые правильно: Были такие, которые учились в Академии по 12 и 14 лет. Местоимение такие может быть опущено: Были, что горячились, были, что молчали и выжидали, были, что купили и раскаивались (Достоевский).

Распределение местоимений тот и такоу в описанных условиях аналогично распределению определенного и неопределенного артиклей: дейксис, отсылая к предмету (референту), аналогичен определенному артиклю, уподобление (такой), высвечивая признаки предмета, аналогично неопределенному артиклю. Не случайно, например, в английском языке после such допустим только неопределенный артикль (such a girl). Категория неопределенности, прежде всего, выводит в фокус признаки (смысл выражения), для категории определенности признаки (смысл дескрипции) вы-

полняют вспомогательную роль, обеспечивая "попадание в точку" — идентификацию предмета или категории предметов.

3

Проблема тождества и подобия, как уже говорилось, меняет свой характер при переходе от материальных объектов и идеальным. Это заметно уже при обращении к наиболее вещественным и наиболее овеществленным свойствам предметного мира. К числу первых относятся индивидуальные (идентифицирующие) признаки объектов (особенно лиц), к числу вторых — компоненты внутреннего мира человека. Эти две категории и будут основным предметом анализа.

Сходство предполагает наличие общих свойств. "Общее" значит "по числу одно", но принадлежащее разным владельцам. Если этим общим являются материальные объекты, то совладение влечет за собой сокращение имущества каждого партнера, но если речь идет об общих свойствах, то ущемления прав собственности не происходит. Это отличает сходные объекты от совладельцев. Общее не становится одним по числу: "одинаковый" не значит один, а "один" может не быть одинаковым, "одно и то же" не сводимо к одному и тому же. Одинаковые вкусы, мысли, привязанности и идеалы у разных людей весьма различны и даже на концептуальном уровне не всегда сводимы к тождеству. Например: Славянофилы и западники были враги-друзья. Герцен писал: "Мы подобны двуликому Янусу, у нас одна любовь к России, но не одинаковая". Для одних Россия была, прежде всего, мать, для других — дитя (Н.Бердяев).

Возникает вопрос: можно ли отождествлять признаки, рассматриваемые не как отвлеченные категории (концепты), а как качества, внедренные в конкретные объекты, как вочеловеченные или вопредмеченные черты?

Этот вопрос представляет особый интерес применительно к миру и личности человека³. Разве не очевидно, что одно и то же не может находиться одновременно в двух разных существах, точно так же как не может одно и то же существо одновременно обитать в разных пространствах? На это обращали внимание скептики. Гор-

³ Об основаниях для установления тождества человека *qua* человека, *qua* личности и *qua* морально ответственного лица писали крупнейшие философы, в частности, Дж.Локк [7, с. 380-402]. Г.Лейбниц, как известно, полемизировал с ним, придав своим

гий полагал, что даже если бы во многих одновременно пребывало одно и то же, оно должно было бы приниматься за различное, ибо сами они между собой различны. Горчий видел в этом доказательство невозможности взаимопонимания людей [5, с. 125-126].

Ниже излагаются некоторые наблюдения над взаимодействием концептов тождества и подобия в применении к индивидуальным признакам.

Начнем с внешних характеристик человека, прежде всего тех его динамических проявлений, по которым он узнается – голоса, манеры говорить, смеха, улыбки, выражения лица (глаз, губ) и т.п. Будучи опознавательными приметам, они часто более устойчивы, чем статические черты человека. Они определяют его образ. Динамика индивида, обнаруживающая его внутреннюю сущность, стабильна; статика, подверженная влиянию времени, мобильна. Статика трудно отождествить с молодым человеком по фотографии, но непосредственное общение позволяет узнать в нем некогда знакомого юношу. Е.Фейнберг писал об акад. Сахарове: "Странное дело, какая-то нелепость, но мне все кажется, что все эти 45 лет Андрей Дмитриевич оставался таким, каким он был тогда. Конечно это чепуха, наваждение.... Стройный, худощавый, темноволосый почти юноша стал сильно сутулым пожилым человеком с остатками седых волос на голове. Но спокойная уверенность, основанная на неспешном обдумывании, вежливость и мягкость, наконец, уникальная его искренность – эти черты сохранились в целостности" ("Литературная газета", № 51, 1989).

Интонации разговора, жесты, мимика, походка, наблюдаемые в разные периоды, рассматриваются не как протекающие во времени процессы, а как неотъемлемые составляющие их носителя. При перечислении индивидуальных признаков человека глаза, губы и улыбка входят в один ряд. Например: Шрамов на лице не было заметно никаких, но прелестные выпуклые глаза и светлая, добродушно веселая улыбка были те же, которые я знал и любил в детстве (Л.Толстой). Все компоненты, создающие образ индивида, имеют равный статус: все они "предметны". Только парадоксальность ситуации с улыбкой чеширского кота, появляющейся до него и отдельно от него, демонстрирует различие между губами и выражением губ: улыбка оказывается не частью лица, а лишь временным его состоянием в размышлениях форму диалога [6, с. 230-248].

нием, не предметом, а признаком.

Хотя узнавание требует сравнения человека с его образом и определения степени сходства его статических и динамических свойств, оно констатируется в терминах тождества. Процедура мы узнаем человека по сходству звучащего голоса с ранее слышанным, но сходство воспринимается и утверждается как тождественность. Например: Два года назад, в Италии, в Сорренто, слышал я ту же самую песню, тот же самый голос... Да, да... Vieni, pensando a me segretamente. Это они, я узнал их, это те звуки (И.Тургенев), И на лестнице из-за стука шагов, дверей и тяжелого дыхания пожилой дамы раздался тот же смех, который слышался в возке, который когда кто слышал, непременно думал: вот славно смеется, завидно даже (Л.Толстой).

Задача идентификации целого предполагает поиск тождественных, а не сходных составляющих.

Когда идентичность образа и оригинала установлена, а их сличение производится с целью определения меры их расхождений, то могут употребляться как уподобляющие, так и отождествляющие местоимения: Смех его был все таким же (все тем же), ср.: Все то же в вас очарованье и Все такое же в вас очарованье, Он все такой же и Он все тот же. Образ и оригинал в этом случае принимаются как автономные сущности. Констатация их тождества указывает на максимум подобия, а отрицание тождества - на максимальный "раствор ножниц". Например: ... но она не переменилась. Те же светло-голубые глаза и улыбающийся взгляд, тот же составляющий почти одну линию со лбом, прямой носик с крепкими ноздрями и ротик со светлой улыбкой, те же крошечные ямочки на розовых прозрачных щечках, те же беленькие ручки ... и к ней по-прежнему почему-то чрезвычайно идет название чистенькой девочки (Л.Толстой); Я уже был не тем человеком, каким они меня знали в течение трех недель (Тургенев), Присутствие в тождестве значения подобия обнаруживает себя в употреблении местоимения какой.

Если мысль развивается от части к целому, то части (признаки) воспринимаются сами по себе и их тождество имплицитно подразумевает тождество целого. Когда осуществляется сравнение разных состояний заведомо одного объекта (целого), то суждение о его неизменности влечет за собой признание идентичности его частей, даже если в составе целого были произведены подстановки. Например: И обступают бурную реку Все те ж цветы... Но девушки другие (Н.Рубцов); Старый священник выходил в ризе, сделанной из покрова гроба моего отца, и служил тем самым голосом, которым с тех пор как помню себя, служилась церковная служба в нашем доме ... И тот же дребезжащий голос дьячка раздавался на клиросе, и та же старушка, которую я помню всегда в церкви при каждой службе, согнувшись стояла у стены (Л.Толстой).

Идентичность старушки как личности (отдельного объекта) не то же, что ее идентичность как детали картины. Границы между признаками и предметами весьма зыбки: индивидуальные признаки и части целого имеют практически одинаковый статус.

Мы рассмотрели ситуацию узнавания, в которой установление идентичности объекта является целью сравнения образа и оригинала, и ситуацию оценки изменений, в которой идентичность объекта принимается как предпосылка сравнения. Различие целей сопоставления отражается на выборе местоимения: Я узнал его. Да, это был тот человек. Но он был уже не такой, каким я его знал. При узнавании прибегают к ресурсу отождествления, при выяснении изменений - к уподоблению. Во втором случае может быть использовано и дейктическое местоимение: Да, это был тот человек, но это был уже не тот человек (он был уже не тем человеком). Это был тот, но в то же время не тот человек. При утверждении дейксис подчеркивает предельность сходства, при отрицании - глубину изменений.

Сопоставление разных объектов (лиц) в принципе пользуется тем же механизмом уподобления и расподобления, какой наблюдается при сличении оригинала и его образа: Он не такой человек, как ты. Он такой же, как все. У нее такая же открытая улыбка, как у моей сестры.

Однако дейктические местоимения здесь избегаются. Условия их использования ограничены. Их, например, естественно встретить тогда, когда имеются в виду индивидуальные приметы в условиях фа-

мильного сходства: Она ... сказала, взглянув на меня тем же несколько холодным, открытым взглядом, который был у ее сына, что она меня давно знает по рассказам Дмитрия (Л.Толстой).

В ситуации семейного сходства или подражания индивидуальные признаки получают совладельцев и начинают интерпретироваться как отчуждаемая собственность, которая может быть общей, передаваться по наследству, приобретаться, перениматься и усваиваться. Например: У нее совершенно та же улыбка, что у ее матери. У него глаза отца. Ты приобрел манеры своего приятеля. К дочке перешел твой нос. Сын унаследовал твою внешность (все твои недостатки). Общий признак интерпретируется в этих примерах не только как тождественный, но и как собственность, имеющая "перволадельца". Поэтому имя может характеризоваться как действительным, так и прилагательным прилагательным: У девочки твои глаза.

Ситуация совладения (У нее характер отца) благоприятна для преобразования родительного принадлежности в родительный сравнения. Сравнимые объекты в этом случае однородны и объединяются в одной номинации, приобретающей двоякую референцию (Ее характер похож на характер отца → У нее характер отца). Но важнее здесь другое: имя "совладельца" может получать неопределенную референцию. Оно указывает не на конкретное лицо, а на некоторую категорию лиц. Тем самым в фокус выводится не денотат, а смысл имени. Например: У него было лицо оратора, лицо человека, исполненного непоколебимой веры в силу слова, как в некий принцип, ради которого стоит умереть, если потребуется. Тысячу лет назад это было бы лицо монаха, воинствующего фанатика.

Если обычно лицо характеризует "владельца" (конкретного человека), чем объясняется метонимическое употребление этого имени, то при неконкретной референции свойства "владельцев" (ораторов, фанатиков, монахов) служат целям типизации их лица. Отношения между частью и целым инвертируются: уже не часть является признаком, индивидуализирующим целое (принцип метонимии), а целое определяет часть, и эта часть "передается" совладельцу, чтобы его индивидуализировать. Снова действует принцип метонимии. Приведем еще один пример, любопытный тем, что обе стороны ("совладельцы") представляют тип, несмотря на конкретную референцию их имен: И давно появились среди этой толпы люди со слишком глубокими, слишком ясными глазами ... Первым задумался над этим человеком

Шекспир и назвал его Гамлетом, принцем Датским. И с тех пор в цепи бытия кровь Гамлета передается от рода к роду; и последние потомки его названы страшным именем "лишних людей". Если хочется жить - не надо думать, если хочется думать - нельзя жить. "У моря сердитого, у моря полночного юноша бледный стоит" (Гейне)... И если мы всмотримся в лицо этого юноши, нас поразит странное его несходство со средним человеческим лицом; это лицо Гейне, и лицо Лермонтова, и лицо Гамсуна, это лицо - Гамлета!" (Ю.Тиньянов).

Процесс типизации коснулся, хотя и в другом смысле, также идентифицирующих признаков и проявлений человека. Инвариантные относительно его внешнего облика, они вариативны относительно его внутренних состояний. Мимика, глаза, галос и т.п. дуалистичны. Как индивидуное свойство лица они устойчивы и "предметны", как "событие" (признак) - вариативны и выразительны. "Одни" интонации мы идентифицируем как личный знак конкретного лица, "другие" - как знак, несущий определенный смысл. Первые составляют неотчуждаемую собственность, и они индивидуальны, вторые отчуждаемы и социальны. По "одним" глазам мы узнаем человека, по "другим" - его чувства или подаваемый нам сигнал. Мы различаем глаза и выражение глаз. Первые идентифицируются на онтологическом уровне, вторые интерпретируются в соответствии с усвоенной паралингвистической системой.

Человек учится понимать значение мимических сигналов, наблюдая за их появлением в условиях спонтанных и неподобных реакций: глаза людей, под которыми дрогнула земля, не могут обмануть. Семiotический аспект мимики описывается через апелляцию к ситуации-стимулу, своего рода "лидеру" класса, объединяющего все те положения дел, которые способны вызвать реакцию данного типа: Софья Петровна улыбнулась той незаметной самодовольной улыбкой, которой улыбаются люди, подметившие смешную сторону человека (Л.Толстой).

Выбор ключевой ситуации может определяться конкретным опытом наблюдателя: Катенька, Любочка и Володя посмотрели на меня в то время, как Сен-Жером за руку проводил меня через залу, точно с тем же выражением, с которым мы обыкновенно смотрели на колодников, проводимых по понедельникам мимо наших окон (Л.Толстой).

Речь в таких случаях идет не об индивидуализации лица, а об

интерпретации паралингвистического сигнала, взятого и со стороны означающего и со стороны его содержания: ситуация-стимул служит прежде всего ключом к идентификации эмоциональных состояний человека. Например: Три года назад никто не думал о Лабазовых, а ежели вспоминал о них, то с тем безотчетным чувством страха, с которым говорят о новоумерших (Л.Толстой); Я испытал то чувство страха и надежды, которое должен испытывать художник, ожидая приговора над своим произведением от уважаемого судьи (Л.Толстой).

Комментируя способ описания чувств у Л.Толстого, А.Вежицкая пишет: "С чем можно сравнить эмоцию? Прежде всего, мы можем сравнить ее с какой-либо другой эмоцией, которую мы знаем из опыта или способны вообразить себе" [15, с. 58-59]. Родовые имена чувств, замечает А.Вежицкая, семантически не элементарны, они дескриптивны. Такие слова как радость, грусть, ненависть, раздражение представляют собой замаскированные дескриптивные формулы и задача семантического анализа состоит в их развертывании. Чувства, как таковые, не могут быть описаны, описанию поддаются только ситуации, стимулирующие то или другое переживание. "Семантическая структура имен чувств компаративна; эмоции могут быть идентифицированы только путем отсылки к стандартной ситуации" [15, с. 58-59]. А.Вежицкая предлагает следующую лексикографическую формулу значения имен чувств: X испытывает чувство Y = X чувствует то, что обычно чувствуют, когда ..., например, X испытывает грусть = X чувствует себя как человек, когда он думает, что то, чего он желал, не произошло и не произойдет.

В писательской практике эта обобщенная лексикографическая формула конкретизируется через жизненный материал. Это - прием "художественной лексикографии": выбор адекватной ситуации позволяет истолковать разнообразные по своим оттенкам чувства.

Описываемая процедура отлилась в стандартизованной формуле с родительным сравнения: Он испытал радость первопроходца (победителя, голодного при виде обеда; ребенка, получившего желанную игрушку). В ней "совладение" эквивалентно сравнению, терминами которого являются две ситуации. Каждая ситуация имеет три составляющие: лицо, его психическое состояние и событие-стимул. Каково соотношение этих компонентов? Лицо-1 является предметом общения, и оно конкретно, лицо-2 условно - это любой, кому

довелось испытать определенную реакцию на событие. Точно так же событие-1 конкретно, а событие-2 представляет класс: "радость победителя" апеллирует к широкому классу побед. Цель сопоставления событий состоит в их зачислении в одну категорию по признаку вызываемого ими психического эффекта. При этом реакция-2 на событие-2 принимается как норма, а реакция-1 на событие-1 может отклоняться от нормы, быть характерной именно для данного лица. Норма ситуации-2 раскрывает индивидуальность ситуации-1. Здесь действует тот же принцип, который создает метафору и образное сравнение. Реакция-1 и реакция-2 не столько уподобляются, сколько отождествляются. Не случайно они обозначены в предложении одним именем, указывающим на "общее достояние", собственность разных владельцев.

Структура родительного сравнения в этом случае сложнее, чем в примерах приводившихся выше (тип "У этого человека лицо фанатика"). Однако и там и тут у него одна цель - идентифицировать "свое" через "чужое", индивидуальное через общее, иногда даже аномалию через норму.

Заметим, что этой же цели служит метафора, которая через признаки, нормативные для рода (например, для волков), дает характеристику индивида, создает "личный" образ человека.

Если логическое (дискурсивное) мышление движется от частного к общему, от индивида к классу, то художественное мышление наоборот по своей направленности: оно отталкивается от общего, чтобы прийти к индивидуальному. Для этого ему подчас приходится совершать то, что Г. Райл называл "категориальной ошибкой": создавать образ индивида через апелляцию к той категории реальных, в которую он не может быть отнесен по своим родовым признакам. Доступ к индивидуальному обеспечивается общим. В дальнейшем индивидуальные признаки нередко создают основу для типизации; например, образ волка или лисы служит для выделения определенной разновидности людей. Художественный образ приобретает черты модели и входит в оборот логического мышления, распределяя и перераспределяя членов рода по многочисленным категориям.

х х х

В заключение мы хотим подчеркнуть, что идентифицирующий дейксис, устанавливающий тождество, органически связан с представлением о единичности (особенности) объекта и индивидуальности его свойств. Это хорошо показывает следующее, например, предложение, в котором вместо признаковой анафоры (такою женщиной) употреблена идентифицирующая (этой женщиной), поскольку в предтексте фигурирует "гипербола единственности": А он считал меня первую и прекраснейшую женщиной в мире, одаренную всеми возможными добродетелями, и я старалась быть этой женщиной в глазах первого и лучшего человека во всем мире (Л.Толстой). Можно сказать "Вы тот единственный человек, который может нас выручить", но не ^{*}"Вы такой единственный человек...". Значение единственности, индивидуальности способно ввести дейксис даже в контекст, близкий к бытийному: Бурмин был в самом деле очень милый человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, без всяких притязаний и беспечно насмешливый (Пушкин).

Значение индивидуальности реализуется действительным местоимением не только применительно к предметам, но и применительно к признакам и абстрактным категориям. Так, например, понятие истины мыслится как единичное, единственное и единое. К нему, поэтому, в еще большей степени, чем к другим абстрактным понятиям предъявляется требование удовлетворять условиям идентификации. В.Соловьев писал: "Мы должны требовать от истины как такой (безусловной истины), чтобы она была тождественною с собой (себе равною) и внутренне единою". Индивидуальная совокупность признаков обозначается указательным местоимением среднего рода то, через которое достигается сопоставление разных объектов или разных состояний одного объекта. Естественно, что сравнение через дейксис исключает градуирование: можно быть либо "тем же", либо "не тем". Например; Вы не то, что Колосов (Тургенев); Это, мол, не то, что западное искусство (Тургенев); Но полно, что пользы мне душу открыть. Зачем я не то, что я был (Лермонтов); Я знаю, что вам нужно - вам нужен дом, где любят спектакли, пикники и все такое прочее. Моя сестра как раз то, что вам нужно.

Индивидуальные признаки создаются не только реально существующими объектами, но и целенаправленным поиском: "то" - это то, на чем ищущий остановил свой выбор (как раз то, что нужно). Это синтез сравнения и идентификации, определяющий ситуацию выбора. Сравнение в этом случае производится не с целью установления степени схожести объектов, а ради выбора объекта, наиболее под-

ходящего для осуществления той или иной задачи, для удовлетворения желаний и потребностей. Предметные устремления человека различаются по степени индивидуальности "нужного" объекта: влюбленность, например, требует индивида, для утоления голода хороша любая пища. Поэтому для влюбленного естественно сказать "Вы то, о чем я мечтал", но изголодавшийся человек не употребит аналогичной фразы. "То" – это также реализация творческого замысла. Пробуя разные интонации в поисках единственно верной и в то же время индивидуальной, артист повторяет "Не то, не то", пока не найдет верный тон, а найдя его, он скажет "Как раз то, что надо, эврика!".

Тождество связано с индивидом и его образом, подобие – с классом и концептом класса. Тождество тяготеет к предметам, подобие – к признакам. Индивидуальность и единичность – сфера показателей тождества. Категории и классы – сфера показателей подобия. Но тождество отвоевывает позиции у подобия, а дейксис – у признаковой анафоры (тот у такой) всякий раз, когда возникает необходимость индивидуализации признаков или выделения их индивидуальной совокупности.

Основная цель настоящей статьи состояла в том, чтобы показать связь присутствующих в языке логических категорий с условиями их "вхождения" в речь и с тем жизненным материалом, к которому они прилагаются.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах, т. 2, М., 1978.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
3. Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? "Проблемы структурной лингвистики – 1981". М., 1983.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
5. История лингвистических учений. Древний мир., Л., 1980.
6. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах, т. 2. М., 1983.
7. Локк Дж. Сочинения, в трех томах, т. I. М., 1985.
8. Перцова Н.Н. Формализация толкования слова. М., 1988.
9. Спиноза Б. Избранные произведения, т. I, М., 1953.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Берлин, 1929.
11. Фреге Г. Смысл и денотат/Семиотика и информатика, вып. 8, 1977.
12. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
13. Quine W.O. Natural kinds/ Essays in honor of Carl G. Hempel, 1977.
14. Tyler St.A. The said and the unsaid. N.Y., L., etc, 1978.
15. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M., 1972.
16. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis, Ann A., 1985.

ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Высказывание, не приписывающее объекту какое-либо свойство, а сообщаемое о тождестве объекта А объекту В, является само по себе парадоксальным. Это хорошо известно философам (с.Павел Флоренский, С.Л.Франк). Ср. часто цитируемые замечания Л.Витгенштейна (9): "Сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, - значит ничего не сказать". Более того, парадоксальными являются не только высказывания вида А есть В, но и высказывания вида А был бы В или А был бы не А, поскольку, как показал С.Крипке, любое истинное суждение тождества является необходимым, а любое ложное - невозможным (см., напр., (12)).

В то же время в текстах на естественном языке (в частности, русском) встречаются все указанные виды "парадоксальных" высказываний: "тавтология" А есть А; "противоречие" А есть В (где А и В - имена разных объектов); "собственно идентификация" А есть В (где А и В - разные имена одного объекта); "контрфактические" высказывания тождества А был бы не А; А был бы В и т.п. Здесь будет рассмотрен каждый из названных типов.

I. "Тавтология"

В своем буквальном значении высказывания вида Х есть Х; Х - это Х; Х всегда Х и т.п. абсолютно неинформативны и поэтому "бесполезны и неупотребительны" (Кант); они могут быть лишь объектом насмешек, подобных описанию речи председателя суда в "Воскресении": Прежде изложения дела он очень долго объяснял присяжным, с приятной домашней интонацией, то, что грабеж есть грабеж, а воровство есть воровство, и что похищение из запертого места есть похищение из запертого места, а похищение из незапертого места есть похищение из незапертого места. Обычно, интерпретируя "тавтологичное" высказывание, адресат речи как бы переосмысляет его, и высказывание, неинформативное на уровне того, что буквально сказано, становится информативным "на уровне того, что имплицитруется" (10, с.229). Необходимость такого переосмысления в последнее время принято связывать с общекоммуникативными постулатами Г.П.Грайса (10, с.229; 11, с.335-336; 14, с.84; 16, с.42; 2, с.40). Действи-

тельно, необходимость искать небуквальную интерпретацию высказывания естественно объяснить коммуникативной недостаточностью буквального осмысления. В то же время создается впечатление, что во многих работах указанного направления предполагается, что и способы переосмысления "тавтологических" высказываний также выводимы на основе универсальных постулатов речевого общения. В таком случае не было бы нужды строить для "тавтологических" высказываний особое семантическое представление, соответствующее небуквальному пониманию, оно получалось бы по общим (в частности, не связанным с особенностями конкретного языка) правилам из буквального. Это дало бы возможность "разгрузить" семантическое описание (14, с.85; 16, с.43).

Однако если необходимость переосмысления "автологий" сама по себе не зависит от конкретного языка, то способы их осмысления, равно как и форма наиболее часто встречающихся "тавтологических" высказываний, нередко оказываются лингвоспецифичными. Относительно английских "тавтологических" конструкций типа *Boys will be boys, War is war* и т.п. это было показано в статье А.Вежицкой (21). Демонстрируя отличия английских "тавтологий" от аналогичных конструкций других языков, А.Вежицка время от времени привлекает для сопоставления французские, русские и польские примеры. Примечательно, что упоминания русский материал А.Вежицка допускает ряд неточностей¹; но именно эти неточности только подтверждают общий вывод А.Вежицкой - специфику "тавтологических" конструкций в каждом отдельном языке, вследствие чего для каждого языка их необходимо подвергать специальному анализу.

Лингвоспецифичность "тавтологических" высказываний связана и с разнообразием факторов, которые определяют их интерпретацию в каждом языке. Так в английском языке способы интерпретации таких высказываний весьма разнообразны и зависят

¹ Так, А.Вежицка считает, что "по-русски не говорят Война есть война" (21, с.97). На самом деле Война есть война - одно из самых часто встречающихся в русских текстах "тавтологических" предложений. В статье Н.А.Николиной (13) приводятся примеры предложений типа X есть X из реальных текстов: из 43 примеров шесть - это именно употребления предложения Война есть война (на втором месте предложение Жизнь есть жизнь - три примера; предложение Дождь есть дождь встретилось дважды).

от наличия/отсутствия артикля, времени глагола, семантического типа существительного и др. (21). Соответствующие правила переосмысления конвенционализированы и должны быть включены в полное описание английского языка. Они не носят универсального характера; это ясно хотя бы из того, что они не могут быть применены, напр., к безартиклевому языку.

Способы осмысления русских биноминативных "тавтологий" не менее разнообразны и также зависят от целого ряда параметров (6). Специфичным для русского языка является противопоставление двух рядов "тавтологических" конструкций X (и) есть X; X всегда/везде X, и т.п., с одной стороны, и X - это X - с другой.

Значение конструкций первого ряда: все манифестации X-а, т.е. члены класса X или "инстанции" индивида X (7), в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого. Предложения данного типа чаще всего представляют собою "формулу примирения с действительностью" (13, с.45).

Варианты такого примирения могут быть различны.

С одной стороны, это может быть понимание неизбежности негативных аспектов явления, т.е. того, что недостатки данной манифестации X-а (члена класса или "инстанции" индивида), - это не его особенность, они присущи X-у вообще, поэтому с ними надо смириться: Дети есть дети; Реклама есть реклама; Для Троцкого, как и для Сталина, коллективизация и террор голодом были войной - войной коммунистического режима с крестьянством... За жестокость он Сталина не упрекал: война есть война (М.Хейфец); Таня есть Таня, обижаться на нее невозможно (В.Астафьев) и т.п. - словом, Обижаться тут не приходится, жизнь есть жизнь (Н.Катерли)².

Чаще всего первый вариант "примирения с действительностью" состоит в выявлении того, что все манифестации X-а имеют как позитивные, так и негативные стороны, так что и данная манифестация не исключение: Люди есть люди. У каждого есть плюсы и минусы. Достоинства и недостатки (13, с.43); Человек есть человек, Бог и Черт в нем всегда рядом (Р Вебер).

² Ср. пример, приводимый в (13, с.45): Жизнь есть жизнь, и ничего с ней не поделаешь (К.Симонов).

С другой стороны, "примирение с действительностью" ("ничего не поделаешь") может состоять в осознании необходимости выполнять свой долг по отношению к X-у, каким бы этот X ни был: Закон есть закон; Приказ есть приказ; Отец есть отец; Обещание есть обещание и т.п.

При обоих вариантах "примирения с действительностью" подразумевается значение уступки, однако эта уступка носит почти противоположный характер. В первом варианте предполагается, что несмотря на возможные достоинства данной манифестации X-а или связываемые с ней надежды, она по существу не лучше прочих манифестаций - ср. Женщина всегда женщина, даже если она и наделена от Бога ясным и насмешливым умом (Вас.Гроссман). Во втором варианте речь идет о том, что, несмотря на все недостатки данной манифестации X-а, они не отменяют исполнения - долга по отношению к ней как к X-у: Отец есть отец. Какой бы он ни был, а - отец (ИЗ, с.42). Высказывание Закон есть закон указывает на необходимость исполнения закона, несмотря на его суровость; Приказ есть приказ означает, что приказ надо выполнять, хотя бы он был жестоким, трудновыполнимым или сопряженным с риском для исполнителя: Я удивился такому приказу. Уж кто-то, а Сымч должен был знать, что распинать на кресте - дело не христианское. Но приказ есть приказ (Войнович); Приказ есть приказ. Но все собравшиеся офицеры понимали, что по раскинутой Выборгской стороне, набитой десятками мятежных рабочих, выполнять его почти нечем (Солженицын); А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ о "смертном бое". Приказ есть приказ, партийная дисциплина - дисциплина (Эрнст Генри).

"Примирение с действительностью" - самый характерный, но не единственный способ интерпретации рассматриваемых конструкций. Выбор интерпретации зависит от типа существительного или же проявляется в контексте. Так, предложение Жена есть жена могло бы указывать на готовность примириться с недостатками жены (свойственными, по мнению говорящего всем женам), на необходимость заботиться о жене, на то, что говорящий считает состояние женатого человека вообще лучшим, чем состояние холостяка (какова бы ни была жена) и т.п. Лишь контекст позволяет уточнить понимание этого предложения в словах Андрея из "Трех сестер" Чехова: Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до

мелкого, слепого, этакое шершавого животного. Во всяком случае, она не человек. В некоторых случаях интерпретация так и остается неясной, ср. пример, приводимый в (13, с.44): Мечта есть мечта, - сказала Ада Ефимовна неизвестно в каком смысле (И.Грекова).

Общее значение конструкций второго ряда (X - это X) совсем иное: индивид (или класс) X отличается от не- X -ов, т.е. прочих индивидов (или классов). Именно эти конструкции могут выражать значение тождества предмета самому себе; соответствующее сообщение строго говоря, не слишком информативно, но может в определенных ситуациях оказываться уместным: Если я - это я, меня не укусит собака моя (С.Маршак); Ложка - это ложка, ложкой суп едят. Кошка - это кошка, у кошки семь котят. Тряпка - это тряпка, тряпкой вытру под. Шапка - это шапка, оделся - и пошел. (И.Токмакова); Мы с Букашевым, как слепые, ощупывали друг друга, чтобы убедиться, что мы - это мы (Войнович). Обычно же высказывания вида X - это X переосмысляются как указывающие на "особость" индивида или класса X , на то, что он самым своим существом не походит на другие индивиды или классы ("не чета другим"). Отсюда ясно, что если высказывания вида X есть X чаще связаны с отрицательной оценкой X -а (пониманием, что лучшего от X -а ждать не приходится), то высказывания вида X - это X , напротив, часто бывают связаны с чрезвычайно высокой оценкой X -а: "Спартак" - это "Спартак"! Мы восстановимся и будем претендовать только на первое место (слова тренера женской гандбольной команды "Спартак" И.Турчина - "Советский спорт", 21 января 1990 г). Характерен эпизод из воспоминаний М.Шульмана "Петроградская гастроль кантора Шульмана": Шаляпин захотел познакомиться с кантором Борухом Шульманом и велел своему администратору Исаяю Дворищину привезти Шульмана в тот же вечер. Дворищин стал уговаривать Шульмана в таких выражениях: "Ты же знаешь Федю! Типичный гой! Еще какой! Если ему что захотелось, вынь да положи". Растерявшись, Шульман сказал, что, если Шаляпин желает с ним познакомиться, может хоть сейчас прийти к нему в гостиницу. На это Дворищин, ставший вдруг грустным и тихим, отвечал: "Ты, Береле, замечательный кантор. Может быть, один из трех или четырех лучших в мире. По мне, так самый лучший. Но Шаляпин - это Шаляпин. Он приглашает тебя в гости, а ты подумай, что ты говоришь, это Бог знает что!"

Впрочем, указанные оценочные компоненты вовсе не являются обязательными. Они появляются лишь как следствие общего значения каждого из рядов биноминативных "тавтологий". Для X есть X ; X всегда X это констатация общего свойства всех манифестаций индивида или класса X ; отличия и сходства X -а и других индивидов или классов находятся вне поля зрения. Для X - это X общее значение состоит в выделении X -а среди прочих индивидов или классов, констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание. Данное различие между двумя рядами русских "тавтологических" высказываний может стираться, но никогда не исчезает полностью, и оно, несомненно, лингвоспецифично.

2. Псевдоидентификация

Высказывания вида A есть B , когда A и B - имена двух разных объектов полностью аномальны с точки зрения логики и здравого смысла. Поэтому они всегда переосмысляются. Обычно переосмысление состоит в том, что B понимается метафорически (в широком смысле) и обозначает уже не объект B , отличный от объекта A , а свойство объекта A быть в определенном отношении похожим на B . Тем самым B приобретает предикатный статус, и никакой загадки не остается.

Так, героиня Чехова, заявляющая: Мой муж - Отелло, - конечно, совсем не хотела утверждать, что она замужем за персонажем пьесы Шекспира; она лишь сообщала о свойстве своего мужа, которое сближало его, на ее взгляд, с указанным персонажем.

Интерес может представлять лишь описание условий употребления подобных конструкций. Так, переносное употребление собственных имен в функции предиката, как правило, требует специальных показателей (19): напр., определений, несовместимых с "прямым" пониманием имени, неопределенных местоимений и т.п. Рудин-Тартиф какой-то (Тургенев); Вообразит, что он Дикург али Магомет... - будущий, разумеется (Достоевский); Он, видите ли, ... второй Толстой (Чехов); Моя Ниночка - Отелло в юбке (Чехов); Василий Смыслов - это шахматный Гайдн (В.Черняк). В отсутствие таких показателей высказывание часто выглядит не вполне обычным: ср. ... когда Достоевский был еще и Гоголем (Цветаева). Свободно употребляются в предикатной функции лишь такие собственные имена, переносное употребление которых конвенционализировано и которые тем самым близки к переходу в на-

рицательные (напр., Дон-Жуан).

Употребление нарицательных предметных существительных в рассматриваемой функции также связано с некоторыми ограничениями. Затруднено употребление ф форме предложений тождества без специальных показателей, сравнений, производимых в пределах одного класса; это согласуется с наблюдениями Н.Д.Арутюновой (5, с.9). Не вполне естественно выглядит предложение Вино-вода, ср. при наличии специальных показателей: Это не вино, а вода (ср. у Артема Веселого Это же не вода, а какая-то моча дамская); В сравнении с длином вино-вода (Мандельштам), Вино-сухая (совершенная) вода и т.п. Достаточным оказывается и параллелизм конструкций: ср. Вином упиться? Позвать врача? Но врач - убийца! Вино - моча (Галич).

3. Собственно идентификация

С точки зрения "неоказательного" подхода к референции, предложенного в (I9), для адресата речи установить референцию именной группы - значит локализовать впервые вводимый в его поле зрения объект в релевантном денотативном пространстве или идентифицировать объект с ранее известным ему объектом, сведения о котором хранятся в "мысленном досье" в соответствующем участии памяти.

Тем самым неспособность адресата речи установить референцию именной группы бывает двух типов.

Во-первых, ранее неизвестный ему объект может быть обозначен посредством именной группы, не несущей информации, которая позволяла бы локализовать референт в релевантном денотативном пространстве, напр., при помощи имени собственного (прагматический принцип употребления собственных имен (I9) состоит в том, что референтное употребление имени собственного возможно лишь в том случае, когда адресату речи известен носитель имени): "Где Степкин? - беседует со мной тот человек, самый главный в районной РКМ... - Куда ты укрыв Степкина? Какие сведения ты имеешь о Степкине?" Я отвечаю: "Какой такой Степкин. Не знаю Степкина. И в жизни своей не знал". Оказывается Степкин этот - не кто иной, как бывший сторож на кроличьем острове (С.Залыгин).

Во-вторых, адресат речи может расценить референцию к известному ему объекту как интродуктивную и заново локализовать объект в релевантном денотативном пространстве, вместо того

чтобы извлечь из соответствующего участка памяти "мысленное досье" данного объекта.

В первом случае неспособность установить референцию не может не сознаваться адресатом речи, и он тем или иным способом разрешает возникающие затруднения - напр., при помощи вопросов: Кто это такой (такая)?; Кто такой (такая) X?; Что это такое?; Что такое X? Во втором случае адресат речи может не сознавать своей неспособностью установить референцию и, заново локализуя объект в релевантном денотативном пространстве, завести на него второе "мысленное досье". В последнем случае неспособность установить референцию оказывается как бы "продленной"; один и тот же объект характеризуется в памяти адресата разными "мысленными досье" соответствующими разным ипостасям объекта.

Во всех случаях, для того чтобы устранить или предупредить неспособность адресата речи установить референцию, используются высказывания идентификации. Первый компонент высказывания идентификации - именная группа, референцию которой следует установить, второй компонент - именная группа, референт которой используется как средство локализации в релевантном денотативном пространстве референта первого компонента³.

В соответствии со сказанным выше, высказывания идентификации подразделяются на два типа.

Первый тип условно назовем "поясняющей" идентификацией. Она имеет место в тех случаях, когда первый компонент не информативен для адресата речи (напр., представляет собою ранее неизвестное ему имя собственное): Стапкин - не кто иной, как бывший сторож на кроличьем острове; "Кто такой Жак?" - "Жак, это-моя собака" (Булгаков). "Поясняющая" идентификация может использоваться для представления персонажа читателям: ср. Чарский был один из коренных жителей Петербурга (начальная фраза повести Пушкина "Египетские ночи"). В результате "поясняющей" идентификации у адресата речи формируется соответствующее "мысленное досье", содержание которого извлекается из второго

³ Обозначение компонентов высказывания идентификации как первого и второго обычно соответствует порядку их следования в предложении. Однако в специальных случаях (в просодически маркированных предложениях, при наличии частицы и т.п.) второй компонент может предшествовать первому (18).

компонента высказывания. К "поясняющей" идентификации примыкают также определения терминов (Корень уравнения - это значение переменной, при котором уравнение обращается в верное равенство). Правда, здесь идентификация носит в значительной степени мета-языковой характер, поскольку у адресата речи формируется "мысленное досье" не конкретного объекта, а понятия, обозначаемого термином, однако именно понятие является референтом определяемого термина (т.е. имеет место "простая" суппозиция по Оккаму).

При идентификации второго типа первый компонент сам по себе несет достаточную информацию, позволяющую адресату речи локализовать его референт в релевантном денотативном пространстве, однако без знания некоторого тождества такая локализация оказывается недостаточно точной. В рассматриваемых высказываниях идентификации (ее можно назвать "уточняющей" идентификацией) и сообщается соответствующее тождество.

Первый компонент высказываний "уточняющей" идентификации обозначает актуализованную ипостась, которая обычно бывает дана в непосредственном наблюдении или знании, а второму соответствует актуализуемая ипостась, обычно известная адресату речи из прошлого опыта (3, с.317; 8, с.455): То была Наина; Старый сей монах не что иное был, как Дук переодетый (Пушкин), Гость был не другой кто, как наш почтенный Павел Иванович, Чириков (Гоголь). Однако обязательным условием является лишь актуализованность первого и неактуальность второго компонента. Приведем пример, уточняющей идентификации, когда второму компоненту соответствует ипостась, данная в непосредственном наблюдении (присутствующая в ситуации речевого акта), а первому - ипостась известная из прошлого опыта: "И вижу дверь открыта, а в дверях какая-то женщина. Я смотрю на нее в упор. Она стоит... Я видел хорошо ее лицо. Это была вот кто" (Показывает на Елизавету Бам) (Хармс). Известность ипостаси, соответствующей второму компоненту, также не является, вопреки (8), обязательной; ср. примеры, в которых необходимость дать описание носителю имени свидетельствует как раз о его неизвестности адресату речи: Узнай, Руслан: твой оскорбитель-волшебник страшный Черномор, красавец давний похититель, полных обладатель гор; ... Неизвестный собиратель был не

кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор "Тетра Клары Газюль", "Хроники времен Карла IX", "Двойной ошибки и других произведений (Пушкин); "Что это за гусь такой?" - "Это наш знаменитый химик Ефросимов" (Булгаков). К "уточняющей" идентификации относится и таксономическая идентификация, когда второй компонент высказывания заведомо характеризуется неопределенной референцией (в отличие от первого, определенного). Парадокс (известное определяется через неизвестное) здесь имеет место только на первый взгляд; ведь "даже если предмет, о котором идет речь, присутствует в ситуации общения, но его принадлежность к классу не устанавливается адресатом или ему совсем неизвестна, смысл сообщения не может быть им усвоен в полном объеме" (4, с.194). Для такого объекта "установить принадлежность к тому или иному классу и значит его идентифицировать" (4, с.182): Стала Мура рисовать... "Это елочка мохнатая. Это козочка рогатая..." (К.Чуковский); Это, изволите ли видеть, патефон (Булгаков). Спор героев Булгакова: "Туллер, это не фотографический аппарат!" - "Ну, что ты мне рассказываешь!... Это заграничный фотографический аппарат", - свидетельствует не о расхождении в том, какой признак приписать известному объекту, а именно о затруднениях в идентификации.

Высказывание "уточняющей" идентификации может быть сделано как в ответ на естественную коммуникативную потребность адресата речи (в ситуации, когда все недоумевают, кто же тот лондонский убийца, которого условно называют Джек Потрошитель, уместно сообщение: Джек Потрошитель - это лорд Карфакс; сюда же относятся все случаи, когда первый компонент выражает значение атрибутивной определенности, как во фразе чеховского персонажа: Самое важное в жизни человеческой - это каланча), так и в том случае, когда адресат речи и не подозревает, что ему неизвестно важное тождество: Я Дубровский (Пушкин); Прометей - это Сатана (А.Ф.Лосев).

Высказывания идентификации могут быть омонимичны высказываниям с предикатной именной группой в роли именной части составного сказуемого, Высказывание Иван - мой друг может быть понято и как характеристика Ивана, и как ответ на вопрос Кто такой Иван? (т.е. "поясняющая" идентификация). В первом случае мой друг имеет предикатный статус, во втором - представляет собою референтную именную группу. Специальные

языковые показатели позволяют разрешить омонимию: Иван мне друг однозначно понимается как предикация, а Иван - это мой друг - как идентификация. К числу показателей идентификации относятся местоимение это, используемое в качестве первого компонента или наряду с ним (I5), а также, разумеется, референциальные показатели (этот, один и т.п.) в составе второго компонента; о том, что высказывание выражает характеристику, может свидетельствовать личное местоимение в функции первого компонента (подлежащего), а также специальные средства подчеркивающие предикативный характер второго компонента (именной части сказуемого). Эти показатели должны быть согласованы друг с другом: ср. Это один мой друг; Он мой друг и аномальное *Это мне друг⁴ (I5, с.85); *Он один мой друг.

Здесь необходимо сделать ряд оговорок.

Прежде всего отметим, что неупотребительность личных местоимений в качестве первого компонента высказываний идентификации является мотивированной. Так, местоимение третьего лица используется в ситуации, когда участники коммуникативного акта способны идентифицировать референт этого местоимения. Использование этого местоимения в качестве первого компонента высказывания идентификации (предполагающего неспособность правильно идентифицировать объект, обозначаемый первым компонентом) приводит к противоречию в "модальной рамке" и тем самым - к аномалии (I).

Аналогичным образом объясняется и неупотребительность в указанной функции местоимения второго лица. Ведь сообщение *Ты - это... предполагало бы, что адресат речи не в состоянии идентифицировать сам себя. По сходной причине малоупотребительны и логически корректные вопросы типа Ты Петя? Ведь, прежде чем употребить по отношению к адресату речи местоимение второго лица, надо знать, к кому обращаешься. Вместо этого в ситуации, когда говорящий не уверен, что правильно узнал собеседника (напр., по телефону), он может использовать прагматически более уместные вопросы Это Петя? или даже логически уязвимое Петя, это ты? ("нелогичность" распространенного воп-

⁴ Высказывание персонажа Зошенко Жена это мне (с одновременным употреблением это и "дательного possessивного") выходит за рамки литературной нормы.

роса Это ты? обигрывается в диалоге из "Литературной газеты", 3 апреля 1985 г.: "Это ты? - спросил старик. "Вроде я. Кому же еще быть мною?"

С местоимением первого лица дело обстоит несколько сложнее. Говорящий вполне может исходить из того, что адресат речи не в состоянии его идентифицировать. Обычно при отсутствии зрительного контакта между участниками коммуникации, говорящий представляясь, использует в качестве первого компонента местоимение это: Это Петя или даже - в расчете на узнавание по голосу (З, с.297) - Это я⁵. Если же говорящий находится в пределах видимости уместно только местоимение я: Я Дубровский; "Откуда же мне тебя знать? - спросил растерянно профессор. "Но ведь я же твой Максик", - рыдал мальчик (Э.Кестнер, пер. К.Богатырева). Использование местоимения я возможно и при отсутствии зрительного контакта (ср. диалог: Кто там? - Я монтер из "Мосэнерго"), хотя в подобных случаях предпочтительнее это (Это монтер).

Таким образом, местоимение I-го лица (в отличие от местоимений 2-го и 3-го лица) может в специальных условиях использоваться как первый компонент высказывания идентификации. И, если вне контекста высказывание Я один коллежский асессор звучит странно (ср. Я коллежский асессор, выражающее характеристику), то при наличии более широкого контекста, указывающего на необходимость идентификации говорящего, оно становится уместным: Если вы... вздумаете спросить меня: кто же я таков именно? - то я вам отвечу: я один коллежский асессор (Достоевский).

Еще одна оговорка касается употребления местоимения это в сочетании со словами оценочного или квалифицирующего значения. Такое употребление означает, что объект (чаще всего - лицо) рассматривается как "персонификация" указанного качества (15, с.83); ср. у Чехова: Это необыкновенный ребенок. Это странный, наивный человек; Это талант; Это молодчина. По существу здесь характеристика маскируется под идентификацию. На то, что эти высказывания подаются именно как высказывания идентификации указывает не только такой формальный признак, как употребление это, но и восприятие этих высказываний говорящими; ср. вос-

⁵ На нелогичность такого высказывания Винни-Пуха обратил внимание Кролик: Что значит "Я"? "Я" бывают разные.

приятие таких высказываний как "ярлыков", претендующих на то, чтобы выразить самую сущность определяемого объекта: Ноут, ненавистничают, болезненно клеветуют, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: "О, это психопат!" или "Это фразер!" А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: "Это странный человек, странный!" (Чехов). Делая такое высказывание, говорящий как бы делает вид, что, и как и в случае таксономической идентификации, незнание соответствующего свойства объекта не позволяет локализовать его в денотативном пространстве. Действительно, говоря: Этих двух нужно убить как бешеных собак. Это негодяи. Гнусные погромщики и грабители (Булгаков), - доктор Бакалейников имел в виду не бранить Куренного и полковника, а разоблачить (идентифицировать) их в глазах матросов⁶.

Поскольку местоимение это используется (если речь идет о конкретных объектах) только в высказываниях идентификации, оно в обычных условиях не может быть употреблено в предложениях, выражающих мнение говорящего о себе самом (так как себя-то говорящий способен идентифицировать и без того), в частности, как отметила Е.В.Падучева (16, с.82), - когда предложение самомнения подчинено предикату пропозициональной установки. Исключение составляют ситуации, когда говорящий затрудняется идентифицировать самого себя, напр. при разглядывании старых фотографий или своего отражения в зеркале: Неужели вон тот - это я (Ходасевич); Максик подбежал поближе к зеркалу и вытянул вперед руки, словно пытаясь обнять собственное отражение. "Это я", - кричал Максик. (Э.Кестнер, пер. К.Богатырева). Возможны и случаи, когда происходит потеря способности к самоидентификации: ср. Может быть я - это тоже не я? (Л.Квитко, пер. Ел.Благининой); Мы в адском круге, а может, это и не мы (Ахматова). В подобных случаях это возможно в предложении самомнения и в кон-

⁶ В подобных случаях субъективная оценка выдается за объективное определение, как в одной статье в "Русском вестнике" (1894), где говорится: "Вступить с ним в брань? К чему?... Достаточно понять, определить, самое большее - выговорить вслух определенное", - и автор дает своему оппоненту такие "определения" (а вовсе не "бранит" его): танцор из кордебалета; тапер на разбитых клавишах; слепец, ушедший в букву страницы; блудница; палка, бросаема из рук в руки.

тексте глагола пропозициональной установки (напр., Лирическая героиня Ахматовой чувствовала, что они в адском круге, и догускала даже, что это и не они).

Наконец, следует отметить, что сообщения об имени объекта могут использовать те же средства, что и высказывания идентификации: Знакомьтесь, это Коля; Вот это стол - за ним сидят (Маршак). Часто такие сообщения делаются одновременно с идентификацией: Это вот моя жена, Луиза, уроженная Ванценбах. А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса (Чехов).

В целом высказывания идентификации достаточно разнообразны с точки зрения референциальной характеристики компонентов (17). В то же время все они преследуют в общем одну и ту же цель - дать возможность адресату речи точно локализовать референт первого компонента. Это обеспечивает единство всего класса высказываний идентификации и объясняет то, что в них используются одни и те же языковые средства.

4. Контрфактическое тождество

Поскольку любое возможное суждение тождества является необходимым, а любое тождество, не имеющее места в реальном мире, - невозможным, невозможны контрфактические суждения тождества. Действительно, соответствующее суждение оказалось бы либо тавтологичным (А был бы А), либо противоречивым (А был бы не А; А был бы В). Поэтому ирреальные биноминативные предложения возможны лишь в том случае, когда один из компонентов (обычно второй) имеет предикатный статус: Если б я был султан...; Кабы я была царица... (ср. английский перевод: *Were our tsar to marry me...*).

Если оба компонента ирреального биноминативного предложения представляют собою жесткие десигнаторы (слова соотносящиеся с одним и тем же объектом, о каком бы из возможных миров ни шла речь, т.е. имена собственные или названия естественных классов), ирреальное биноминативное предложение возможно, лишь если один из компонентов понимается нежестко, в переносном значении: Если бы Хазанов был Сальери... (Э.Рязанов) ≈ 'Если бы Хазанов был завистлив...'.

Основной способ нежесткого понимания в русском языке - метафорическая интерпретация (Если бы А был В ... ≈ 'Если бы А был похож на В') Слова Пьера: Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире... - также могут по-

ниматься метафорически: Если бы я не был таков, как я есть... Реже встречается функциональная интерпретация (Если бы А был В... = 'Если бы А был на месте В'), иллюстрируемая примером Когда бы во власть твою мой брат был облечен, а ты был Клавдио, ты мог бы пасть, как он... (= '... а ты был на месте Клавдио'). Этот тип переносной интерпретации жесткого десигнатора характерен для многих европейских языков (*If I were you = 'На твоём месте...'*).

Возможно каламбурное столкновение указанных интерпретаций, как в уже приводившемся (20) диалоге: Когда Александр отверг условия Дария, то Парменион сказал: "Если бы я был Александр, я бы принял условия мира". Александр ему ответил: "И я бы принял их, если бы я был Парменион". В высказывании Пармениона предполагается функциональная интерпретация ('на месте Александра...') в высказывании Александра Македонского - метафорическая ('если бы я был такой (робкий), как Парменион...').

В ряде случаев граница между указанными пониманиями оказывается не вполне ясной, как в распространенном (особенно в переводах с западноевропейских языков) обороте Если бы я был Бог...: Если бы я был Бог, я дарил бы вечное блаженство тому, кто не кается до последнего (И.-П.Якобсон, пер. Е.Суриц); Будь я Богом, я бы вовсе не хотел, чтобы меня любили сентиментальной любовью (Дж.Сэлинджер, пер. С.Гаска). Во многих подобных случаях уместным представляется ответ И.А.Крылова на аналогичный оборот из стихотворения В.Гюго в переводе М.Д.Деларю (И если б Богом был - селеньями святыми / Клянусь - я отдал бы прохладу райских струй, / И сонмы ангелов с их песнями живыми / Гармонию миров и власть мою над ними / За твой единый поцелуй!); Мой друг! когда бы был ты Бог, то глупости такой сказать бы ты не мог.

По-видимому, оба значения (метафорическое и функциональное) синкретически выражены в остроумном ответе В.Пастернака на критическую статью некоего Джека Линдси, направленную против "Доктора Живаго" и опубликованную в просоветском журнале *Anglo-soviet Journal*. По свидетельству Пастернака, статья Линдси написана "важным, поучительным тоном" и начинается таким признанием: "Я был расположен к "Доктору Живаго" до того, как начал его читать, и приготовился восхищаться романом, о котором столько говорят". Пастернак замечает: В этом

месте, если бы был господином Линдси, я бы продолжил так: "Но после того, как я понял характер журнала, для которого я пишу, доброе предрасположение к книге, которой я собирался насладиться, внезапно переменялось. Теперь "Доктор Живаго" разочаровал меня". Условие Если бы я был господином Линдси означает одновременно 'на месте г.Линдси' и 'если бы я был таков, как г.Линдси (т.е. составлял мнение о книге до ее прочтения и был готов писать статьи для продажных изданий)'.

Таксономические предикаты в придаточных условных могут и не переосмысливаться. В этом случае все предложение чаще всего интерпретируется как сообщение о причинной связи: Если бы Дрейфус не был еврей, его бы не осудили; Была бы Шурка парнем, ей эти слова даром бы не прошли (С.Залыгин) (осудили, потому что еврей; спустил Шурке, потому что она не парень). Ср. также Если б я был евреем, вовеки не назвался бы словом другим (А.Петров-Агатов); Если бы я был молоденькой девушкой, - чего, по счастью для молоденьких девушек, не случилось, - я бы тоже, наверное, смущался (Э.Кестнер, пер. К.Богатырева), с несколько иной интерпретацией.

Обратим внимание на то, что свойства, приобретенные объектом А в рассматриваемой контрфактической ситуации, не изменяют языкового поведения единиц, обозначающих А: Была бы Шурка парнем, ей (а не *ему) эти слова даром бы не прошли; Если бы я был девушкой, я бы тоже смущался (а не *смущалась). Некоторую трудность составляют случаи, когда в рассматриваемом контрфактическом мире А сталкивается со своим аналогом (counterpart). Предположим, молоденькие девушки смущаются, увидев Кестнера. Мысль, что Кестнер на их месте тоже смущался бы, трудно выразить при помощи той же конструкции: Если бы Кестнер был молоденькой девушкой, он бы тоже смущался, увидев... (*себя? *Кестнера?). Известный пример Дж.Лакоффа I dreamed that I was Brigitte Bardot and that I kissed me трудно перевести на русский язык: Мне снилось, что я - Бриджит Бардо и что я поцеловал ... (*себя; *меня; *Лакоффа).

По-видимому, если А - говорящий, то единственная возможность для него - обозначать свой аналог "отчужденно", в третьем лице (напр., при помощи имени собственного), как в известном отрывке Пушкина: "Когда б я был царь, то позвал

бы Александра Пушкина (...) Александр Пушкин поклонился бы с некоторым скромным замешательством (...) Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь". Именно такое "отчужденное" обозначение аналога говорящего подчеркивает тот факт, что царь здесь понимается как жесткий десигнатор в функциональном переосмыслении, - в отличие от чисто предикатных султан, царица в примерах Если б я был султан, я б имел трех жен; Кабы я была царица ...

Примеры типа Если бы вы были птицей, то летали бы в поднебесье представляют собою усложненную метафору: Из птиц вы больше всего похожи на тех, что летают в поднебесье.

Высказывания вида Если бы..., то А не был бы А обычно означают, что по мнению говорящего, ирреальное условие, содержащееся в придаточном, противоречит самой сущности А: ср. Леонов не был бы Леоновым, если бы сознавая и вину, и беду своих героев....., по-человечески не сочувствовал им (Изв. ОЛЯ, т.39), Мог бы я быть добродетельным, почтенным, заслуженным и даже на всю жизнь? Мог. Но тогда я не был бы самим собой (слова А.А.Реформатского, приводимые Н.Ильиной): Если б я стал писателем в русле официальной советской литературы, я бы конечно не был бы собой (Солженицын); А если б мог решить проблемы эти - Я б был не Бог, Я б был не Я (В.Долина).

Распространены обороты типа Он в Риме был бы Брут, в Афинах - Периклес, а здесь он офицер гусарский (Пушкин); здесь утверждается сходство Чаадаева с Брутом и Периклом, а отличия связываются с отличиями условий, в которых действовали эти лица.

Поскольку при метафорическом понимании жесткий десигнатор утрачивает связь с объектом, может наблюдаться референциальная несогласованность подлежащего и сказуемого; ср. следующий пример, где подлежащее имеет родовой статус, а сказуемое выражено именем собственным: Чтобы многомиллионный читатель увидел то, о чем говорил Георгий Дмитриевич, ему нужно быть Георгием Дмитриевичем, т.е. разработать в себе... аппарат извлечения знаков и символов, воплощенных в каждом человеческом слове (В.Рожинов).

Как мы видим, ирреальные высказывания тождества почти всегда сводимы к стандартной семантике. Однако некоторая парадоксальность их все же продолжает ощущаться. Недаром они

могут служить удобным материалом для языковой игры. Нередко такая игра используется в творчестве А.Милна: ср. стихотворения Furry Bear (If I were a bear, / And a big bear too, / I shouldn't much care / If it froze or snow...) и A Thought (If I were John and John were Me, / Then he'd be six and I'd be three. / If John were Me and I were John, / I shouldn't have these trousers on), а также известное стихотворение из "Винни-Пуха": It's a very funny thought that, if Bears were Bees, / They'd build their nests at the bottom of trees. / And that being so (if the Bees were Bears), We shouldn't have to climb up all these stairs (ср. перевод Б.Заходера: Если б мишки были пчелами, то они бы ничем никогда и не подумали так высоко строить дом; и тогда (конечно, если бы пчелы - это были мишки!) нам бы, мишкам, было незачем лазить на такие вышки!).

С более изощренным языковым экспериментом мы сталкиваемся в творчестве Д.Пригова. Приведем примеры экспериментирования на тему "Он в Риме был бы Брут...": (1) Скажем, я вот - Геродот / Ну, понятно, скажут, / Геродот, мол, да не тот / И неверно скажут // Потому что Геродот / В наше время был бы Геродот, да уж не тот / А он Пригов был бы / То есть - я; (2) В Японии я б был /Катулл/ А в Риме - чистым Хоккусаем / А вот в России я тот самый / Что вот в Японии - Катулл / А в Риме - чистым Хоккусаем / Был бы. В примере (1) обыгрывается необратимость сравнений; аномальное высказывание Геродот был бы в наше время Пригов получается обращением сравнения героя с Геродотом (скажем, Я б в Древней Греции был Геродот). Пример (2) построен так, чтобы невозможной стала стандартная интерпретация: различия между сравниваемыми лицами обусловлены разными условиями, в которых они действуют. В самом деле, особые свойства Катулла никак не могут быть объяснены специфическими японскими условиями (а Хоккусаея - римскими). Наконец, выясняется, что в российских условиях герой вообще не обладает индивидуальными свойствами и может быть идентифицирован только через сравнение с Катуллом и Хоккусаем (своего рода "перекрестная" идентификация).

Таким образом, мы видим, что логические парадоксы, связанные с идентификацией, находят разрешение в естественном языке. Но естественный язык дает материал для конструирования новых парадоксов, экспериментирования, языковой игры.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka*. Wrocław, 1978.

2. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
4. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
5. Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
6. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Интерпретация семантических аномалий в реальном тексте // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1988.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. 1989, № 3.
8. Вайс Л. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV, М., 1985.
9. Витгенштейн Л. Логико философский трактат. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
10. Грайс Г.П. Логика и речевой общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI, М., 1985.
11. Кифер Ф.О. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI, М., 1985.
12. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII, М., 1982.
13. Николина Н.А. Структурно-семантические особенности предложений типа "Жизнь есть жизнь" // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984.
14. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. XVIII. М., 1982.
15. Падучева Е.В. Местоимение это с предметным antecedентом // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.
16. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
17. Падучева Е.В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. М., 1987.
18. Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биминативных предложениях) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979, Т.38. № 4.
19. Шмелев А.Д. Определенность - неопределенность в названиях лиц в русском языке. КД. М., 1984.
20. Шмелев А.Д. Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
21. Wierzbicka A. Boys will be boys // Language. Vol.63. 1987. N1.

ТОЖДЕСТВО И ЕГО ВИДЫ

Тожество индивидов: внешний и внутренний вопросы

1. Понятие тождества относится к числу фундаментальнейших концептов мысли и языка. Именно тождество и различие определяет саму "картину мира", делит ее на "сущности". Различным "сущностям", выделяемым в мире человеком, соответствуют различные виды тождества: тождество индивидов, тождество рода (таксономическое тождество), тождество признаков, тождество ситуаций и событий и т.д. В данной статье речь пойдет о тождестве индивидов — единичных, отдельных материальных объектов.

Проблема тождества имеет 2 аспекта, обыкновенно не различаемых. Эти 2 аспекта тождества можно назвать "внешним" (или "каркасным", "рамочным") и "внутренним", по аналогии с двумя видами вопросов о существовании у Р.Карнапа¹. Внешний вопрос применительно к тождеству — это вопрос расчленения мира на фрагменты разного вида и уровня, это вопрос о критериях тождества на уровне концептуального "каркаса" нашей мысли и нашего языка: почему и до каких пор мы считаем фрагмент действительности "одним и тем же", почему в какой-то момент или в каком-то месте он превращается в "иное". Это, например, вопрос, почему Петя вчера и Петя сегодня — это один и тот же человек, или почему этот оттенок и этот оттенок — один и тот же цвет. Внутренний вопрос о тождестве — это вопрос о тождестве внутри данного концептуального "каркаса", когда принципы расчленения мира на индивиды и их отождествления не обсуждаются и не осознаются, но принимаются как непосредственно данное. То, что Петя вчера и Петя сегодня — это один человек, в этом случае дано; но вопрос в том, Петя ли это был вчера.

2. Внешнее тождество. Именно внешнее тождество является предметом рассмотрения в большинстве философских трудов [см., напр., I3; II; 3; 20; I6; I9 и др.]². Попробуем хотя бы вкратце, вчерне

I "... Мы должны различить два вида вопросов о существовании: первый — вопросы о существовании определенных объектов нового вида в данном каркасе; мы называем их внутренними вопросами; и второй — вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом, называемые внешними вопросами" [9, с.309].

2 Ср. у Аристотеля: дело философа исследовать, "одно ли и то же Сократ и сидящий Сократ" [I, с.122].

охарактеризовать те принципы отождествления (и тем самым различения), посредством которых человек делит мир на индивиды. Заметим сразу, что в этом нам мало чем может помочь принцип тождества, сформулированный Лейбницем (закон Лейбница): А и В тождественны, если и только если А обладает каждым свойством, которым обладает В, и наоборот [17, с.91]. Ведь тождество (любое — и внешнее, и внутреннее) — немислимо без различия [20, с.312; 7, с.271; 19, с.183; 21, с.169], отождествить — значит увидеть одно и то же в различном. (Иначе — это бесполезное формальное, абстрактное тождество. Именно и только к последнему относится скептический афоризм Витгенштейна: "Сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, — значит ничего не сказать" [6,5.5303]). В случае внешнего тождества мы объединяем в один объект, отождествляем объективно различающиеся временным и пространственным положением "участки" действительности³. Ср. Юм: сказав, что объект тождествен самому себе, мы подразумеваем под этим, "что объект, существующий в один момент времени, тождествен самому себе как существующему в другой момент времени" [20, с.312]. Основной принцип индивидуации при этом: "есть не что иное, как неизменяемость и непрерывность какою-нибудь объекта при предположении изменения во времени" [20, с.312] и, дополним Юма Аристотелем, в пространстве. (Единое само по себе "называется так благодаря непрерывности, например: пучок — благодаря связанности, куски дерева — благодаря клею; так же и линия, хотя бы и изогнутая, но непрерывная, называется единой" [1, с.152-153]). Иными словами, в качестве индивида выделяется непрерывная в пространственно-временном отношении, однородная, "устойчивая", постоянная в качественном (признаковом) отношении область действительности [ср. 16, с.118, 490]. И конец этой "однородности", этого "постоянства" кладет конец индивиду — как в пространстве, так и во времени.

з "Участки действительности" — чрезвычайно косвенное, если не совершенно условное обозначение. Ведь все слова, которые мы имеем в своем распоряжении, отражают результаты, итоги концептуализации действительности; таким образом, у нас просто нет слов, чтобы обозначить то, что отождествляется и дифференцируется. Единственное, что мы можем определенно сказать, это то, что это не предмет, и не признак, и не "положение вещей" и т.д.

Важно подчеркнуть, однако, что индивид в концептуальном отношении \neq пространственно-временному фрагменту как таковому, во всей его целостности. Индивид определяется не только его границами в пространстве и времени. Концепт индивида (его "сущность") есть результат абстракции, абстракции отождествления [ср. IO, с. 9-10; 4, с. 207-208]. Понятие индивида отвлечено от всех различий, имеющих внутри данного фрагмента действительности. Оно отвлечено от конкретных (и поэтому различных) пунктов пространства и времени — тем самым единая пространственно-временная область действительности разлагается концептуализирующей мыслью на "индивид" и его "траекторию" в пространстве и времени. Оно отвлечено также от всех других переменных признаков, т.е. признаков, принадлежащих "фрагменту" не на всем его протяжении в пространстве-времени.

Разумеется, картина обрисована здесь в чрезвычайно общих чертах. Для некоторых индивидов положение в пространстве является неизменным и поэтому "существенным" признаком. Таковы, например, города и другие населенные пункты. Вообще для разных видов объектов применяются разные критерии отождествления. "...Единое — не одно и то же для всех родов" [I, с. 155]; ср. также [13, с. 384; II, с. 232-235]. Ведь в одних фрагментах постоянное одно, в других — другое. Ср. вино (как конкретная "порция вещества") и дерево, город и ураган, волну и камень. Для сложных объектов учитывается целый комплекс признаков, обычно постоянных в данного рода объектах.

Внешнее тождество (наряду с тождеством внутренним) определяет работу множества глубинных механизмов языка. В частности, употребление имен собственных, да и знаменательных слов вообще, можно описать одним простым правилом: слово в различных употреблениях обозначает "одно и то же" (вопрос "только" в том, что же такое "одно и то же" для разных классов объектов).

При всей неизмеримой важности внешнего тождества, оно не выражается предложениями тождества в естественном, обобщенном языке. Механизмы "каркасного" отождествления настолько "вросли" в наш ум,

что действуют в обычных условиях автоматически. И только тогда, когда привычные критерии отождествления начинают противоречить друг другу, мы задумываемся над проблемами внешнего тождества. Можно ли сказать о полностью перестроенном доме, что это тот же самый дом [ср. 3, с. 343]? Если разобрать церковь в Кижях, а затем снова собрать, то будет ли это та же самая церковь? А если бревна будут наполовину другие? А как быть с головой профессора Доуэля — это только мыслящая голова или это сам профессор? При этом обычный говорящий и в этих случаях не нуждается в предложениях (суждениях) тождества, он колеблется в вопросах номинации. Можно ли сказать применительно к голове профессора Доуэля "Профессор сказал..."? Хорошо ли будет сказать о полностью перестроенном доме "Этот дом был построен в ..."? Насколько правомерно высказывание "Библиотека им. В.И. Ленина была основана в 1862г."? Ведь имя объекта во многих случаях — весьма существенный его признак!

Как видно уже из этих примеров, "каркасное" отождествление в известной степени субъективно, произвольно, продукт соглашения [ср. 19, с. 181; 12]. Ведь факты остаются одними и теми же при любой трактовке и речь идет только о словах [3, с. 343-344]. В некоторых случаях эта произвольность просто бросается в глаза, как, например, при проведении границы между городом и его пригородами или между различными районами одного города. Относятся ли пункт А и пункт В к одному и тому же району, зависит здесь просто от решения исполкома. Это, однако, не должно затемнять объективность оснований "каркасного" отождествления и различения. При относительной произвольности проведения границ, наши деления в целом отражают объективную однородность / неоднородность действительности. И те различия, от которых мы отвлекаемся, равно как и те различия, которые мы учитываем, — это объективные различия между какими-то "участками" действительности.

3. Внутреннее тождество. Предложения тождества в обычном, повседневном, нефилософском языке отвечают на "внутренний" вопрос о тождестве. Соответственно, именно внутреннее тождество рассмат-

ривают лингвисты (и те из логиков, которые при решении логических вопросов в значительной мере опираются на естественный язык; как, например, Фреге в [18]).

Внутреннее тождество противоположно внешнему в плане объективности /субъективности: в том отношении, в каком первое субъективно, последнее объективно, и наоборот. Внутреннее тождество ни в коей мере не является продуктом соглашения. Те, кто расходятся в ответе на вопрос, является ли Утренняя звезда и Вечерняя звезда одним и тем же небесным телом, расходятся не в концептуализации, не в словах, но во взгляде на фактическое положение вещей [ср.18]. С другой стороны, различие между отождествляемыми "сущностями" является здесь не объективным, а сугубо субъективным. Различными в случае внутреннего тождества являются "отражения" объекта в уме человека. В общем случае источником этих предложений является противоречие между бесконечным разнообразием сторон и свойств объекта и односторонностью, ограниченностью его субъективного; чувственного и мысленного, отражения. Ум человека (тем более, его восприятие) не может отразить "фрагмент" действительности полностью, во всем многообразии его бесчисленных, меняющихся во времени черт. Отсюда — возможность различия в "отражениях", которое может приводить к ошибочному мнению или предположению, что они относятся к разным объектам действительности, что референты этих отражений также различны. Если бы не было мыслящих существ, отражающих в своем сознании мир, или если бы они обладали всеведением и никогда не заблуждались, то не было бы никаких различий и нечего бы было отождествлять (различия, от которых абстрагируются в случае внешнего тождества, сохранились бы и в этом варианте). Только в несовершенном зеркале человеческого ума может быть два объекта там, где в действительности — объект один. Различными в предложениях (внутреннего) тождества являются субъективные образы, концепты объекта, одним и тем же — сам объект. Как и предложения существования (и их разновидность — общеприказательные предложения), предложения внутреннего тождества служат для устранения или предотвращения заблуждения [ср. 8,

с.169⁷, говорят о соответствии /несоответствии субъективной "картины мира" действительному положению дел⁴. Общая схема этих предложений: то, что кажется различным (или, шире: может показаться различным), на самом деле одно и то же [ср.2, с.302; 2I, с.164⁵].

Концептуальное различие, присущее термам предложений внутреннего тождества, может быть никак не связано с пространственно-временными и качественными различиями в объекте. Оба концепта могут относиться к объекту в одном и том же пункте его пространственно-временной "траектории" (к одной и той же его "стадии", говоря словами Куайна [24], одному "пространственно-временному срезу" объекта), характеризовать объект с одной и той же признаковой стороны. В этом случае различие концептов обусловлено различием информационных каналов, по которым мы получаем сведения об объекте. Так, мы можем услышать об одном и том же объекте (не подозревая об этом) от человека X и от человека Y, или прочитать об объекте в газете, а затем увидеть его и т.д. Различие отражений, однако, может обуславливаться и тем, что мы воспринимаем объект в объективно различные моменты времени, в объективно различных "стадиях" его существования, с объективно различных его сторон. Но это не должно привести нас к смешению внутреннего и внешнего тождества. Никакая объективная разность пунктов пространственно-временной траектории, никакое объективное различие признаков объекта в разных её пунктах, не заставят нас высказать утверждение тождества, если ни у кого нет сомнений в том, что это одна и та же траектория, один и тот же объект. Сообщение онтологического тождества, отмечает Н.Д.Арутюнова, "уместны тогда, когда возникают сомнения относительно идентичности объектов, участвующих в разных положениях дел" [2, с.302]. Различие объективных признаков здесь лишь потенциальное основание (ошибочно) "расщепить" единый объект действительности на 2

4 Ср. замечание Е.В.Падучевой: описание семантики предложений тождества "требует эксплицитного обращения к понятию модели мира субъекта" [15, с.162].

5 Конечно, то, что говорящий полагает имеющим место на самом деле, на самом деле представляет собой его субъективную "картину мира", которая, в свою очередь, может оказаться неправильной.

различных объекта в мысли, и если такого "расщепления" нет, то утверждение тождества некорректно: *Вся очень сильно изменился, но это все-таки тот же самый человек, что и раньше. Резкое изменение признаков во времени или в пространстве разрушает, "прекращает" внешнее тождество. Но никакое признаковое различие само по себе не затрагивает внутреннего тождества. Никакое различие в признаках не приведет к разрушению, отрицанию тождества объекта, если это один и тот же объект [ср. 23]. Аналогично, тождество признаков, которое в определенном смысле является сущностью внешнего тождества, определяет его, для внутреннего тождества является лишь эвристическим средством, дающим основные предположить; а не один ли это объект?

Но что же тогда определяет в этом случае; один и тот же это объект или нет? Это определяет сам мир, то, как обстоит дело в нем — один и тот же это объект или нет. При этом "одни и те же объекты", с которыми, как с данным, имеет дело внутреннее тождество, "поставляются" ему процедурами и критериями внешнего тождества. Таким образом, внутреннее тождество действует в тех рамках, которые ставит ему внешнее тождество, и предполагает их.

От тождества к идентификации

1. В многообразной и неоднородной области предложений тождества выделяются два коммуникативно-семантических полюса. На одном — предложения, в коммуникативном фокусе которых идея (и, соответственно, показатель) тождества, "связка" тождества. Эти предложения употребляются в ситуации, когда заданы, известны объекты (точнее, объектные концепты); вопрос в том, тождественны они или нет. Схематически: X есть Y; X = Y (а не \neq). Назовем эти предложения предложениями собственно тождества. Показатель тождества в этих предложениях акцентно и линейно выделяется. А для этого он, естественно, должен быть эксплицирован. Важной чертой предложений собственно тождества является семантическая и коммуникативная эквивалентность (равноправность, "равновесность") входящих в него объектных компонентов (термов X и Y).

На другом полюсе — предложения, в которых в коммуникативном фокусе один из объектных компонентов: X есть Y (а не Z). В си-

туации, в которой употребляются эти предложения, дано, известно, что данный объект тождествен какому-то из ряда объектов, но неизвестно, какому именно. Поскольку идея тождества не в фокусе, связь тождества выступает здесь в общем случае в нулевой форме. Предложения этого типа отвечают на вопрос: кто это? что это? Будем называть эти предложения, в соответствии с существующей традицией [2;5;15], предложениями идентификации.

Между этими полюсами располагается ряд переходных моделей.

2. Собственно тождество в чистом виде выражается моделью X и Y (это) одно и то же [2, с.318; 5, с.438; 15, с.159]. Показатель тождества, составляющий рему⁶, акцентно и линейно выделен; термы отношения, совмещенные в одной позиции субъекта и образующие тему, в коммуникативном, семантическом и референциальном отношении равноправны. Они в равной мере актуализованы в предшествующем тексте и имеют одинаковый семантический (референциальный) объём. В противном случае предложение делается аномальным, ср.: * Человек, которого ты видишь, и Андрей Вознесенский — это одно и то же лицо, где 1-й компонент обозначает пространственно-временной "срез" индивида, а 2-й — индивида в его целостности.

3. В некоторой степени отклоняются от образца собственно тождества в сторону идентификации предложения с местоименным показателем тождества тот самый: Это /Вы/ Я тот самый X, который... Термы, заполняющие валентности показателя тождества в этой модели, неравноправны в коммуникативном отношении. 1-й компонент выражает концепт, актуализованный в предшествующем предложении, 2-й компонент актуализуется в самом предложении тождества и составляет вместе с показателем тождества рему: Автор повести — Б.Меттер. Это // тот самый Меттер, который аплодировал Зощенко. В то же время эти термы совершенно равноправны с точки зрения семантичес-

6 В том понимании этого термина, в котором он относится к поверхностной, линейно-интонационной структуре [14, с.112]. В коммуникативном фокусе находится семантический элемент, который может быть равен минимальному семантическому признаку, "между тем рема не может быть меньше, чем слово" [14, с.114].

кого объёма и степени референтности. Более того: они даже частично тождественны в концептуальном и номинативном отношении. А именно: они имеют одну и ту же "вершинную", "родовую" часть в описывающих их дескрипциях. Так, в примере выше идет речь о тождестве или различии людей, носящих одну и ту же фамилию — Меттер (Меттер₁, который является автором повести = Меттеру₂, который аплодировал Зоценко); в предложении Это тот самый сорванец, который... отождествляются 'сорванец₁' и 'сорванец₂'; в примере ниже оба отождествляемых концепта имеют заглавную часть 'горбоносый начальник': Горбоносый начальник... на пустой лестнице стоит ухмыляется... ... Силин замер... Это же тот самый горбоносый начальник, который кричал в предыдущем сне: "Айда ребята! По домам!" (А.Злобин: Демонтаж). Если в данном примере выражение горбоносый начальник, к которому анафорически отсылает это, заменить другим выражением, например, маленький толстяк (или Иван и т.д.), то текст станет аномальным: Маленький толстяк стоит ухмыляется. Силин замер. *Это же тот самый горбоносый начальник...⁷

Хотя, как было отмечено выше, тот самый и 2-й компонент вместе относятся к реме, в коммуникативном отношении они всё же неравноценны. В абсолютной коммуникативной вершине, в фокусе предложения — тождество. Это подтверждается следующими соображениями. В предложениях идентификации идентифицирующий концепт выбирается из ряда альтернативных (любая информация предполагает возможность иного, т.е. альтернативы). Как очевидно, в данном случае Меттер, аплодирующий Зоценко, не противопоставлен никакому другому Меттеру, скажем, аплодирующему Ахматовой, и т.д. То, что альтернативами в предложениях данного типа являются 'тождествен' / 'не тождествен', ярко видно при отрицании: Неверно, что это тот самый Меттер, который... = Это не тот самый Меттер, который... = Это другой Меттер (скажем, однофамилец). При этом отрицание тождества представляет здесь финальный коммуникативный акт: узнав, что это не тот Меттер, который..., мы успокаиваемся; положительной идентификации (какой это именно из Меттеров) не требуется. Не то в предложениях идентификации, где мы просто не можем двинуться дальше в

⁷ Конечно, это общая часть может быть весьма общей (напр., Это тот самый человек...), но сути дела это не меняет.

выбранном коммуникативном направлении, не произведя положительной идентификации. Так, если мы хотим узнать, кто это, то вряд ли мы удовлетворимся сообщением, что это не Вознесенский. То же самое ещё более ярко показывает вопросы. Альтернативы, которые "снимает" утвердительное предложение, в вопросительном формулируются эксплицитно. Предложения с тот самый не могут служить ответом на типичные вопросы идентификации: Кто это? Кто из них Меттер? Они могут быть произнесены только в ответ на вопрос типа Это тот самый Меттер, который... или не тот самый? Наконец, в эллиптических предложениях, где могут опускаться все элементы, кроме тех, что составляют коммуникативное "ядро" сообщения", в остатке — тот самый: Вы тот самый Меттер...?! — Тот самый (ср.: -*Меттер).

Предложение с тот самый может быть свернуто в именную группу особого рода: Это написал тот самый Меттер, который на собрании, где клеймили позором Зощенко, решился аплодировать уничтожаемому (Г.Иванова. У кого что болит). Оба компонента тождества совмещаются здесь не просто в одной синтаксической позиции (как в случае с одно и то же), но в одном языковом выражении, в одном слове, замещающем обе валентности тождества; одна идентифицирующая (концептуализирующая) дескрипция "извлекается" из предикатной группы главного предложения, другая — из придаточного. Хотя формально-синтаксически главным предикатом в приведенном примере является написал, в коммуникативном фокусе в нем — тождество. В других случаях тот самый... образует дополнительную, второстепенную в коммуникативном отношении предикацию, связанную по смыслу с главной: Тот самый X, который раньше клеймил позором Пастернака, теперь публично восхищается его творчеством = 'X раньше клеймил позором Пастернака; X сейчас публично восхищается творчеством Пастернака; X, который раньше..., и X, который теперь..., — один и тот же человек' (оставляем в стороне те прагматические импликации, ради которых и употреблено тот самый).

4. Ещё ближе к предложениям идентификации конструкции вида X и есть Y. С предложениями собственно тождества их роднят следующие признаки. В коммуникативном фокусе в этих предложениях —

показатель тождества есть, сильнеешим образом формально выделенный (акцентно и частицей). Предложения этого типа, как и предыдущего, очень плохо выглядят в качестве ответа на вопросы идентификации: Кто это? - ? Это и есть твой брат Николай; Скажи, которая Татьяна? - ? Та, которая села у окна, и есть Татьяна. В ситуациях, в которых употребляются эти предложения, нет важнейшего условия формирования идентифицирующих высказываний: возможности выбора из ряда потенциально идентифицирующих альтернатив. Ср.: Как ты думаешь /Отгадай, кто из этих девушек моя сестра - Маша, Вера или Оля? - Твоя сестра - Оля / *Оля и есть твоя сестра; *Твоя сестра и есть Оля. Выбор нет потому, что оба индивидуальных концепта, выражаемых терминами и-есть / предложений, уже актуализованы (выделены, "выбраны") в предшествующем тексте или ситуации. Так, предложение Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта "утаенная любовь" Пушкина (пример из [157]) просто не может быть употреблено, если в предшествующем тексте не шла уже речь о Е.А. Карамзиной и некоей женщине, которую тайно любил Пушкин. Вместе с тем имеется ряд черт, сближающих эти предложения с идентифицирующими. Хотя оба объекта и актуализованы в предшествующем тексте, актуализация их относится к разным моментам коммуникативной "истории". Объект, обозначенный 2-м компонентом, введен в рассмотрение в хронологически более ранний момент развития текста; объект, обозначенный 1-м компонентом, актуализован "только что" - в тексте (или в ситуации), непосредственно предшествующем высказываемому предложению тождества. Можно сказать поэтому, что хотя в терминах грубой бинарной оппозиции "данное - новое" оба именных концепта относятся к данному, имеется градуальное различие между ними: один компонент (2-ой) является "более данным", чем другой, являющийся, по сравнению с ним, "более новым" [ср. 15, с. 158]. Коммуникативной неравноправности компонентов соответствует и их семантическая неоднородность. 2-й компонент обозначает объект, известный адресату лишь "по описанию", 1-й компонент - объект, чувственно воспринимаемый (или вспоминаемый) адресатом, или объект, известный адресату в его "целостности", за исключением аспекта, отраженного 2-м компонентом. Коммуникативная "сверхзадача" - не предложения с и есть, но всего текста, его включающего - идентифицировать объект, известный по описанию (что значит создать, получить

целостный, а не односторонний образ этого объекта). Этот текст относится к ситуации "задержанной" или "отложенной" идентификации, наиболее распространенный случай которой можно описать следующим образом. Объект, введенный в текст descriпцией, оказывается "недоопределенным" [15, с. 158] для адресата. В связи с этим возникает задача "доопределить", идентифицировать его. Эта задача, однако, не может быть выполнена немедленно, ибо в "модели мира" адресата отсутствует соответствующий концепт. Поэтому говорящему приходится "вести" туда необходимый концепт посредством экзистенциального утверждения и (затем) достаточно подробного описания. Другой вариант ввода нужного концепта в "мир" адресата — дожидаться удобного случая и непосредственно указать адресату на искомый объект: Видишь, девушка сидит у окна? Это и есть Татьяна.⁸ Если в собственно идентифицирующих предложениях выбор идентифицируемого объекта из ряда альтернативных и отождествление его с идентифицируемым производится "в один прием", то в "идентифицирующих текстах" рассматриваемого типа идентификация делается в два этапа. На первом производится выбор и актуализация в тексте идентифицирующего объекта, на втором — производится операция отождествления. Предложение с и есть само по себе отражает лишь второй этап, но предполагает, что был и первый.

5. При употреблении предложений идентификации имеется презумпция, что объект, актуализованный в предшествующем тексте или ситуации, тождествен одному из множества объектов, входящих в общую "модель мира" говорящего и адресата, но адресат не знает, какому именно. Указание на этот объект и составляет коммуникативную цель предложений идентификации, а его обозначение (2-й термовый компонент) относится к новому. Разумеется, новым оно является не в том смысле, что обозначает что-то неизвестное адресату, не входящее в фонд его знаний [ср. 5; 15], но в том простом смысле, что в данном тексте оно появляется в поле зрения впервые, актуализовано впервые в данном предложении.

⁸ Имеются и другие варианты ситуации отложенной идентификации. Например, говорящий мог бы в нужный момент идентифицировать объект, но не захотел по каким-то причинам. Теперь он обращается к памяти адресата: Помнишь, к нам приходила девушка с собачкой? Это и есть твоя сестра.

С точки зрения содержательной структуры, конституирующим признаком предложений идентификации (отличающим их от предложений тождества) является семантическая неравноправность, неоднородность составляющих их термовых компонентов. Общее соотношение между ними таково: 1-й компонент (тема) обозначает какой-то частный аспект объекта – какой-то его пространственно-временной [24; 15] или атрибутивный "срез", 2-й компонент (рема) – объект в его целостности, "глобальный" объект (или, по крайней мере, нечто более глобальное, чем то, что обозначено 1-м компонентом). Почти то же самое другими словами: 1-й компонент обозначает нечто мимолетное, мгновенное или, по крайней мере, временное, непостоянное, преходящее или "приходящее". 2-й компонент относится к постоянному, устойчивому, неизменному. Но постоянным, неизменным в нашем постоянно изменяющемся мире может быть только абстрактная сущность, отвлечённая от изменений. Предложения идентификации "сводят" нечто мимолетное, временное, непостоянное к чему-то постоянному, устойчивому, надёжно "закрепленному" в мире, конкретное – к общему (или, по крайней мере, к более общему).⁹ Другими словами, идентифицировать – значит свести "явление" – к "сущности" (или, по крайней мере, к чему-то более существенному), узнать в "проявлении" – "сущность".¹⁰

Семантический контраст между идентифицирующим и идентифицируемым наиболее резко выражен в предложениях, где 1-й компонент – дейктическое местоимение, отсылающее к "проявлению" объекта в данный момент времени и в данном месте, а 2-й – имя собственное, обозначающее объект в его целостности, в отвлечении от места и времени и других изменчивых признаков, объект "вообще": Это Петя. Дейктическое указание может быть поддержано ситуативной дескрипцией: Тот, кто стоит у окна /Та, что в малиновом берете/ Женщина в малиновом берете ... и т.д. (в последнем примере дейктический элемент не эксплицитирован, но всё выражение, несомненно, употребляется дейктически, = 'та женщина из тех, которых ты видишь /видел/ увидишь, которая...').

9 Ср. очевидную структурно-семантическую близость предложений индивидуальной и таксономической идентификации: Это дерево /маведь/Петя.

10 Во времена Аристотеля это звучало бы объяснением, но на сегодняшнем уровне понимания – это всего лишь метафора.

I-й компонент может быть выражен атрибутивной дескрипцией [22, с.46]: Автор "Маскарада" - Лермонтов. Общее соотношение между компонентами здесь то же, что и в предыдущем случае: имя собственное обозначает объект его целостности, объект во все периоды его существования, объект "вообще", атрибутивная дескрипция - частный и непостоянный аспект объекта (ведь Лермонтов не родился автором "Маскарада").

Атрибутивная дескрипция может быть и идентифицирующим членом - в том случае, если в теме обозначен действительно пространственно-временной срез объекта: Это - автор (данной) статьи; Это /Мужчина у окна/ Человек с красной папкой - директор (данного) музея и т.д. Служба в качестве директора музея - это явно что-то более существенное и постоянное, чем нахождение у окна или наличие в руках красной папки.

Как видно уже из приведенных примеров, именно семантическое соотношение между именными компонентами является тем фактором, который обуславливает идентифицирующее ("предметное") или характеризующее, признаковое прочтение единичной атрибутивной дескрипции. Атрибутивная дескрипция в предложении Лермонтов - автор "Маскарада" не в меньшей мере предполагает наличие и единственность референта, чем она же в предложениях Автор "Маскарада" - Лермонтов и Это - автор "Маскарада". Но она просто не может выполнять идентифицирующую роль по отношению к объекту, обозначенному именем собственным. Это все равно что цеплять якорем судно за соломинку. Не может быть "сущность" идентифицирована через непостоянный, необязательный признак. Ведь Лермонтов мог бы и не быть автором "Маскарада". Но и в этом случае он все равно остался бы Лермонтовым [23].

Признаковое прочтение имеет 2-й компонент и в том случае, когда термины предложения "равновесны" в семантическом и референциальном отношении: Отец Пети - наш начальник; Директор музея - наш сосед и т.д., если признаковое прочтение невозможно, предложение делается аномальным: *Директор музея - это наш сосед, *Отец Пети - это наш начальник, *Утренняя звезда - (это) Вечерняя звезда, *Это - человек, стоящий у окна, *Этот блондин - молодой человек с бородой и т.д. II.

II В предложениях типа Чичиков - переодетый Наполеон компоненты очевидно неравноправны: только 2-й обозначает подлинную сущность.

Что касается личных местоимений, то они могут отсылать и к пространственно-временному срезу индивида, и к индивиду в его целостности [ср. 2, с. 324]. В последнем случае они могут быть ремой предложения идентификации: Автор статьи - я / Вы автор статьи не отпирайтесь! От более широкого или более узкого понимания личного местоимения в позиции субъекта (в роли темы) зависит идентифицирующее или характеризующее понимание атрибутивной дескрипции в позиции предиката, в соответствии с тем, сказывается ли её значение "шире" или "уже" значения местоимения. Так, предложение Я - директор (этого) музея понимается по-разному смотря по тому, слышим ли мы его от подошедшего к нам незнакомого человека или оно сказано нашим хорошим знакомым.

Предложения идентификации могут выступать в коммуникативно инвертированной (по отношению к рассмотренной выше) форме [ср. 15, с. 158, 161]: Маяковский - это я, Татьяна - это та, что сидит у окна и т.п. Инвертированные предложения выполняют ту же глубинную задачу, что и предложения прямой идентификации: соединяют "сущность" и "проявление", пространственно-временной срез индивида. Однако известным, данным, актуализованным в ситуациях, в которых употребляются эти предложения, является "сущность"; известно также, что она тождественна одному из наличных в ситуации, наблюдаемых (или вспоминаемых) "проявлений", пространственно-временных срезов различных объектов; сообщается, какому именно. Подчеркнем важное отличие этих предложений от предложений прямой идентификации. Идентифицирующий объект выбирается здесь из ограниченного ряда наличных в ситуации и воспринимаемых адресатом объектов (вариант: воспринимавшихся и вспоминаемых адресатом объектов). Соответственно, в предложениях рассматриваемого типа имеется семантическая валентность на обозначение этого ряда. Этот ряд обычно лишь подразумевается в утвердительных предложениях, но, как правило, эксплицируется в вопросах: Кто из вас Евтущенко? Кто здесь директор музея? Скажи, которая (из них) Татьяна? В собственно идентифицирующих предложениях множество сущностей - потенциальных идентификаторов представляет собой практически неограниченный, необозримый ряд, находящийся в "уме", в мысленных "моделях мира" коммуникантов. Последнее

ещё раз показывает, что объект в его "целостности", в его "сущности" — это абстракция особого рода. Абстракция не может быть "налицо"; она может быть только в уме. То, что мы видим, — это объект в такое-то время и в таком-то месте, с такими-то конкретными, непостоянными признаками. Индивида вообще, как и человека вообще, можно увидеть только очами разума.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. С.381.
3. Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С.556.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Когнитивные характеристики языковых выражений // Язык и логическая теория. М., 1987. С.203-209.
5. Вайс Д. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С.434-463.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
8. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6-ти т. Т.3.М., 1964.
9. Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С.299-320.
10. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965. С.III.
11. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения в 4-х т. Т.2. М., 1983.
12. Лейбниц Г.В. О принципе непрерывности. Письмо к Вариньену // Антология мировой философии. Т.2. М., 1970. С.483-486.
13. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3-х т. Т.1. М., 1985.
14. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. С.271.

15. Падучева Е.В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. М., 1987. С.152-163.
16. Рассел Б. Человеческое познание. М.: Изд-во иностр.лит., 1957.
17. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Изд-во иностр.лит., 1948. С.326.
18. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып.8. М., 1977. С.181-210.
19. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Изд-во политич. лит., 1987.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х т. Т.1. М., 1965.
21. Sutchvarov P. Identity // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979. P. 159-178.
22. Donnellan K. Reference and definite descriptions // Naming, necessity, and natural kinds. Ithaca; London, 1977. P.42-65.
23. Kripke S. Naming and necessity. Oxford (Englv.): Basil Blackwell 1980. P.172.
24. Quine W.V. Identity, ostension, and hypostasis // Quine W.V. From a logical point of view. Cambridge (Mass.):Harvard univ. press, 1953.

Предложение тождества и акт отождествления
(на материале китайского языка)

Не всякое предложение тождества предназначено для выполнения коммуникативного задания установления тождества имен или объектов. Высказывания, выполняющие указанное задание, маркируются в языке особым образом. Им соответствует формула "X и есть Y" с обязательным присутствием логического оператора "и". Человек, удовлетворяющий любопытство Георга IV, при произнесении фразы "Автор Ваверлея – Вальтер Скот" не ставил перед собой цели произвести акт отождествления. Он просто называет имя неизвестного собеседнику субъекта, написавшего дачное произведение. Он мог бы выбрать и другое синонимичное предложение, выражающее отношение логической предикации.

Таким образом, предложение "Автор "Ваверлея" – Вальтер Скот" соответствует формуле "X есть Y". Предложение же "Тулий – это Цицерон" (порядок его составляющих необратим и связан с большей известностью имени "Цицерон") произносится говорящим с целью указать, что оба имени принадлежат одному и тому же лицу. В таком же часто цитируемом примере как "Утренняя звезда есть Вечерняя звезда" порядок следования именных групп зависит исключительно от предмета речи, а не степени известности наименований. Замена любой из этих составляющих на слово "Венера" обяжет говорящего зарезервировать постсвяточную позицию за научным названием данного небесного тела.

Хотя предложения обоих типов предполагают эквивалентную однореферентность языковых выражений, значение ее установления, передаваемое эксплицитно формулой "X^И есть Y", содержится только во втором из них. Сравните следующие предложения: а) Gangsai qiao men de shi nage ren "Только что стучал в дверь этот человек" (досл. "Только что стучавший в дверь, был этот человек и б) Gangsai qiao men de jiu shi nage ren "Он и есть тот человек, который только что стучал" (досл. "Только что стучавший в дверь и является тем человеком"). Первое предложение может быть ответом на частный вопрос, касающийся субъекта действия: Gangsai qiao men de shi shui? "Кто стучал в дверь только что?" (досл. "Только что стучали в дверь – кто?"). Второе предложение не может служить ответом на такой вопрос. Оно возможно только после

появления в речи определенной дескрипции, позволяющей осуществить акт отождествления.

Таким образом, с коммуникативной точки зрения предложение, отвечающее формуле "X есть Y", отличается от предложения от предложения со значением "X и есть Y" тем, что при произнесении первого однореферентность языковых выражений не устанавливается говорящим, а является побочным или случайным результатом совершением другого коммуникативного задания. Статус предложения тождества такому предложению приписывается лингвистом. Роль говорящего сводится только к произведению акта референции. При произнесении фразы "Hong lou meng de zuozhe shi Cao Xueqin" "Автор "Сна в красном тереме" - Цао Сюецзинь" говорящий не обязан знать, известен ли слушателю автор этого романа, менее известный, чем сам роман. В этой ситуации для недостаточно образованного адресата высказывания послесвязочное собственное имя окажется употребленным неререферентно. Очевидно, именно поэтому такое предложение не может быть трансформировано в высказывание, построенное по модели "X и есть Y", а предложение, отвечающее такой модели, не обязательно является предложением тождества (см. с. 11).

Подобные рассуждения подкрепляются тем фактом, что в китайском языке имеется маркер, функционирующий как логический оператор при совершении акта отождествления. Это частица jiu которая располагается перед связкой shi (I, 64) .

В китайских грамматиках, вышедших за последние годы, сведения о предложениях тождества чрезвычайно скудны. В них связочному предложению наряду с классифицирующей функцией приписывается способность обозначения *dengtong* . Последнее слово, очевидно, следует понимать как "эквивалентность" или "тождество" ^I. Однако в качестве примеров значения *dengtong* безо всяких комментариев приводятся предложения, по сути дела выражающие отношение логической предикации: Zhang laoshi shi women de shuxue laoshi "Учитель Чжан - наш преподаватель (laoshi) математики" (3, 19) или Zhe pian wenzhang de zuozhe shi Wang Zhong "Автор (zuozhe) этой статьи - Ван Чжун" (4, 427) ². В первом предложении "учитель Чжан" употреблен как субъект, а постсвязочная дескрипция скрывает за собой его характеристику (5, 294). Во втором предложении фамилия неизвестного автора, входящая в изо-

лированное высказывание, воспринимается также как предикат "называется Ван Чжуном", поскольку, например, держа в руках статью автора, которого зовут Ван Чжун, говорящий может добавить: "Вы, наверное, не знаете, кто он". Таким образом, два указанные предложения могут быть прочитаны как *Zhang laoshi jiao wamen shuxue* "Учитель Чжан преподает нам математику" и *Zhe pian wenzhang de zuozhe jiao Wang Zhong* "Автора этой статьи зовут Ван Чжун".

В последней американской грамматике, осуществившей, согласно ее названию, новый подход к своему предмету, — "Mandarin Chinese. A Functional Reference Grammar" (6) ни в параграфах, посвященных связочному предложению, ни в других параграфах, упоминающих связку *shi*, не содержится информация о предложении тождества. В специальной работе, посвященной глаголам-связкам современного китайского языка [7], предложения тождества также не рассматриваются. Сведения о таком предложении отсутствуют и в классической грамматике Чжао Юань Жэня (8).

Упоминание о понятии тождества мы находим только в работе Чжу Дэси (9, 105) посвященной показателю номинализации *de*. Противопоставляя предложения *Xiao Wang shi di yi ge tiao xia shui qu de* "Сяо Ван был первым, прыгнувшим в воду" и *Di yi ge tiao xia shui qu de shi Xiao Wang* "Первым, прыгнувшим в воду, был Сяо Ван", Чжу Дэси указывает, что второе предложение выражает отношение идентификации. Однако приведенных автором объяснений недостаточно для характеристики отношения тождества.

Из вышеизложенного нетрудно видеть, что предложение тождества в китайской литературе еще практически не описано, не рассмотрено и многообразие средств его выражения. Задачу данной статьи, наряду с выявлением средств передачи отношения тождества в китайском языке³, составляет описание типов предложений, выражающих акт отождествления, отграничение их от предложений, не имеющих отношения к этому акту.

Синтаксическая модель, по которой конструируется предложение тождества в китайском языке, — это связочное предложение, в котором обе именные составляющие или употреблены референтно (номинативное или денотативное тождество (5, 309)), или обозначены равнообъемными понятиями (сигнификативное тождество (5, 306)).

Эти предложения, как правило, маркируются частицей *jiu*⁴. Исключения представляют те виды предложений, выражающих сигнификативное тождество, в которых понятие тождества можно передавать

и лексическими средствами. Связочные предложения без jiu мы не относим к категории, выражающей коммуникативную задачу "совершенные акта отождествления", хотя и не отрицаем возможности присутствия в них отношения тождества, если они удовлетворяют критериям, предъявляемым к предложениям тождества. Рассмотрим виды предложений, имеющих иллюкутивную силу "совершения акта отождествления":
номинативное тождество.

Ситуация, побуждающая говорящего совершить акт отождествления, во многом связана с природой идентифицируемого объекта: необходимость установить эквивалентность имен, например, может быть вызвана тем, что у одного лица окажется два или более имени. Такая ситуация типична для культурной традиции Китая. Ученному человеку, кроме имени ming, присваивается еще "псевдоним" zi и "литературное имя" hao, причем последнее, как правило, оставляет больше следов в истории. Поэтому часто встречаются фразы вида Kong Qiu jiu shi Kong-zi "Кун Цю – это Конфуций" или "Sun Wen jiu shi Sun Zhongshan "Сунь Вэнь – это Сунь Ятсэнь". Псевдоним для современных литераторов приобретает статус паспортных данных, которые уже не ассоциируются с настоящими именем и фамилией: Zhou Zuoren jiu shi Lu Xun "Чжоу Цзюжень – это Лу Синь". Необходимость идентификации имен может быть связана и с другим обычаем – уважительным обращением к известному лицу: Guo lao jiu shi Guo Moruo "Почтенный Го – это Го Можо" или Deng da jie jiu shi Deng Yingchao "Почтенная тетушка Дэн – это Дэн Инчао". Приведенные примеры можно считать ответами на частные вопросы, выясняющие личность человека с неизвестным именем. Ремой идентифицирующего предложения является либо известное спрашивающему второе имя (тождество имен устанавливается по правилу "неизвестное постигается через известное", в этом случае коэффициент данности принимает для ремы обратную величину (10, 106–112)), либо сам логический оператор jiu – новое состоит в новизне связи конкретных тем между собой, не отмеченной в предтексте (11, 137). Первую именную группу (ИГ) можно квалифицировать как активизированное контекстом данное, а вторую – как виртуальное данное (10, 43), извлекаемое говорящим из тезауруса спрашивающего. При акцентном выделении частиц jiu часто имеет место выражение говорящим неодобрения по поводу необразованности собеседника.

В случае незнания спрашивающим и второго именного выражения наступает коммуникативный провал. Неудачная идентификация личности здесь оказывается связанной с нерелевантным употреблением собственного имени. В таком случае предложение Guo lao jiu shi Guo Moguo означает для спрашивающего только Guo lao jiu shi yi ge jiao Guo Moguo de ren de Zuncheng "Почтенный Го - это уважительное наименование (zuncheng) человека по имени Го Можо" (досл. "одного (yige) человека (ren), которого зовут (jiao) Го Можо"); т.е. здесь собственное имя получает признаковое значение.

Предложения тождества не оформляются показателем jiu, если говорящий не ставит перед собой цели отождествления имен, ср. Shi xian shi Li Bai, Du Fu shi shi zhong "Небожитель среди поэтов - это Ли Бо, Ду Фу - это совершенномудрый среди поэтов". Такое высказывание уместно в том случае, когда собеседник путает дескрипции этих поэтов.

Вышеприведенные предложения тождества можно заменить более содержательными перифразами: Kong Qiu shi Kong zi de ming zi "Кун Цю - это имя Конфуция", Sun Wen shi Sun Zhongshan de zi "Сун Вен - это литературное имя Сунь Ятсена", Zhou Zuoren shi Lu Xun de zhen xingming "Чжоу Цзожень - это настоящее имя и фамилия Лу Синя, Guo lao shi Guo Moguo de zuncheng "Почтенный Го - это уважительное наименование Го Можо. В таком случае предложения данного типа можно считать косвенными речевыми актами отождествления. Они могут и самостоятельно выполнять свою идентифицирующую функцию, и дублировать собственно предложения тождества с данной коммуникативной установкой с целью снабжения собеседника дополнительной информацией, отсутствующей в предложениях первого вида.

Сигнификативное тождество

Близкими к вышерассмотренному типу предложения представляются предложения, устанавливающие отношения синонимии (5, 305). Сложная языковая ситуация в Китае создает дополнительные поводы для отождествления обозначений предметов одного класса. Это в первую очередь касается сельскохозяйственных культур, имеющих разные диалектные названия. Порядок следования языковых выражений в таких предложениях произволен, хотя и обратим. Благодаря лексическому и синтаксическому оформлению из таких предложений как Fanqie jiu shi xihongshi "Варварский баклажан и есть

Западная хурма" (речь идет о помидоре) и *Tu dou jiu shi shan yu* "Земляные бобы и есть горный нефрит (речь идет о картофеле) можно извлечь следующие лингво-культурные сведения. Во-первых, судя по выбору порядка именных групп, автор первого предложения северянин, а второго предложения - южанин, поскольку, как известно, на севере помидор называется *xi hong shi*, а картофель на юге называется *shan yu*. Во-вторых, если нам даже и неизвестны диалектные идентификации названий, знания о возможном распространении сельскохозяйственных культур подсказывают, что хурма растет только на севере, а баклажаны в основном на юге. В-третьих, если известно, что *tu dou* это "картофель", то нетрудно понять, что дескрипция "горный нефрит" имплицитно редкую встречаемость этой культуры, характерную для юга Китая. И, наконец, сравнение дескрипций "варварский" и "западный" свидетельствует о более раннем распространении помидоров на юге Китая, поскольку противопоставление запада востоку характерно для более позднего периода. Другим способом введения различных названий для указанных культур могло бы служить указание на их диалектное происхождение, например, *Tu dou nanfang jiao shan yu* "На юге земляные бобы называются горным нефритом". Но подобное предложение ничего общего с актом отождествления не имеет.

Выражения литературного языка, заимствованные из диалектов, обычно толкуются через синонимичные им выражения, например *Bisan jiu shi chengshi li de xiao liumang* "Бисань - это несовершеннолетние городские хулиганы" (досл. "несовершеннолетние (*xiao*) хулиганы в городах (*chengshi*)"). Недостающая сема в выражении *liumang* в дескрипции дополняется признаковым словом до семантической однородности.

Среди предложений сигнификативного тождества, характеризующих идентичность обозначенных языковыми выражениями понятий, можно выделить два типа, различающиеся способами оформления и выражаемыми значениями. К первому типу относятся такие "крылатые выражения" как лозунг *Shijian jiu shi jinqian* "Время - деньги", появляющиеся в период реформ, или похожее по форме изречение *shijian jiu shi shengming* "Время - жизнь". При нарушении симметричности таких шестисложных конструкций, когда, например, одна из ИГ замещается односложной лексемой, отношение тождества превращается в отношение подобия. Известное сравнение "жизнь

есть сон по-китайски передается четырехсложной конструкцией *rensheng tu meng* "жизнь подобна сну", а не асимметричным предложением тождества **rensheng jiu shi meng*. Описанная альтернативность, связанная с особенностями ритмической структуры китайского языка, стремящегося к симметричному расположению знаков в синтагмах вообще и в идиоматических выражениях в частности, хорошо согласуется с соответствующими наблюдениями Н.Д.Арутюновой [5, 306].

Но значительно более многочисленны в китайском языке случаи употребления асимметричных типов конструкций сигнификативного тождества, оформленных частией *jiu*. Примером такой конструкции может служить фраза из романа современного писателя Ван Мэна, ссылающегося в ней на Рассела: *Zhexue jiu shi i zhi xia le yan de mao zai yi jian hei wuzi li zhao laoshu, er na zhi laoshu bing meiyou zai na jian hei wuli*"Философия – это слепая кошка, которая охотится за мышью в темной комнате, при том что мыши в темной комнате нет". Вряд ли можно утверждать, что так построенное высказывание имеет своей целью установление тождества концептов. Скорее это способ выражения автором собственной интерпретации трудноопределяемого понятия, который используется в определенном функциональном стиле.

Такое высказывание (на основании преобразования *zhexue jiu shi ...* в *zhexue jiu haoxiang shi* "Философия подобна ...") еще можно связывать с вышеупомянутыми устойчивыми изречениями. Однако интерпретирующая функция уже приобретает первостепенное значение в таком примере: *Tamen keyi zai yiding de xiandu zhong "zou ziji de daolu", zhe yi xiandu jiu shi "wei hu liangmeng er bu shi fenlie ta* "Они могут в определенных пределах "идти по своему пути", этот предел – "сохранение союза, а не раскол этого союза" (I2). В процитированном предложении значение тождества не может быть преобразовано в значение сравнения. Перифраз допустим лишь путем уточнения понятия ограничения типа *zhe yi xiandu de neihan shi ...* "содержание (*neihan*) этого ограничения состоит в том, что ..."

Денотативное тождество

В предложении номинативного тождества функция *jiu* сводится к идентификации объектов, денотируемых разными именами, путем указания на эквивалентность первого языкового выражения,

неизвестного слушателю, но активизированного в его сознании, второму языковому выражению, известному слушателю, но не активизированному слушателю и поэтому извлекаемому им из его тезауруса. Частица jiu направляет внимание слушателя на определенную сферу его знания для удачного совершения акта отождествления. Снятие jiu не только разрушает отношение тождества – непризнаковый характер второго именного члена предложения мешает ему приобрести статус предикации, поэтому получившееся предложение просто лишается смысла.

Роль jiu в предложениях денотативного тождества иная. Во-первых, эта частица отграничивает идентифицирующее значение от предикативного. Предложение *Zhege nianqing ren shi wo de shuxue laoshi* "Этот молодой человек – мой учитель математики" (китайский аналог примера Н.Д.Арутюновой) построено по модели "X есть Y", а предложение с jiu *zhege nianqing ren jiu shi wo de shuxue laoshi* реализует модель "X и есть Y". Различие между этими моделями в поверхностной структуре русского языка может быть не выраженным [5, ЗП].

Во-вторых, jiu способно разграничивать предложения, выполняющие собственно коммуникативную функцию установления тождества, и предложения, этой функции не выполняющие⁵. Ср. *Di yige tiaoxia shui de shi Xiao Wang* "Первым прыгнувшим в воду был Сяо Ван" и *Di yige tiaoxia shui de jiu shi ta* "Он и был тем, который первым прыгнул в воду" (досл. "Первым прыгнувшим в воду и был он"), где слово "он" может быть заменено такими выражениями как *nage ren* "тот человек", *nage dai yanjing de ren*

"тот человек в очках" или *zuotian lai zhao wo de nage xing Zhang de* "тот человек по фамилии Чжан, который вчера заходил ко мне".

Первое предложение, хотя и соответствует всем признакам предложения денотативного тождества, имеет другую коммуникативную установку – сообщение имени агенса. Не исключена возможность, что сообщение имени агенса может иметь преложения, в котором вторая ИГ оформлена неопределенной дескрипцией, указывающей на лицо, неизвестное спрашивающему: *Di yige tiaoxia shui de shi yige xing Wang de xiaohuazi* "Первым прыгнувшим в воду был парнишка по фамилии Ван". Во втором предложении устанавливается тождество денотатов. Частица jiu отсылает спрашивающего к опре-

деленному лицу, присутствующему в момент речи или в момент, описанный в единичной дескрипции. Употребляя местоимения, действительные слова или событийную дескрипцию, говорящий указывает на то, что это лицо тождественно тому, которое первым прыгнуло в воду, при этом имя идентифицируемого лица не имеет значения. Подстановка во второй постсвязочный член имени собственного ("di yi ge tiaoxia shui de jiu shi Xiao Wang "Первый прыгнувший в воду и есть Сяо Ван") создает семантическую аномалию, вызванную выбором термина, предназначенного для установления номинативного тождества. Опускание логического оператора во втором предложении, однако, не приводит к аномалии: предложение Di yi ge tiaoxia shui de shi ta отличается от предложения, маркированного jiu, только коммуникативной установкой.

Могут ли связочные предложения выражать коммуникативный акт отождествления без помощи jiu? Рассмотрим ситуацию вызова к телефону незнакомого лица: Shui shi Zhang Lili? "Кто (из присутствующих) Чжан Лили? (= Shui jiao Zhang Lili? "Кого из присутствующих) зовут Чжан Лили?). - Wo shi Zhang Lili, shenme shi? "Я Чжан Лили, что нужно?" - Ni de dianhua. "Вас к телефону" (букв. "Ваш телефон"). Сравним эту ситуацию с той, при которой нужно непосредственно найти человека с определенным именем: Zhang Lili zai ma? "Чжан Лили здесь?" - Wo jiu shi (Zhang Lili)? "Это я (Чжан Лили)". Разница между этими ситуациями заключается в том, что в первой из них спрашивающему известно, что объект входит в наблюдаемое множество. Иллокутивная цель здесь могла быть достигнута и без первого предложения: ср. Zhang Lili dianhua! "Чжан Лили, к телефону!" (букв. "Телефон Чжан Лили"). Во второй ситуации спрашивающему неизвестно, что Чжан Лили находится в поле наблюдения, хотя такой возможности он и не исключает. Подобный вопрос возможен даже в том случае, когда в поле зрения находится лишь один отвечающий. В любом случае, если вопрос обращен к самому носителю имени, естественно ожидать именно такого ответа, в котором говорящий заявляет, что он и человек по имени Чжан Лили - одно и то же лицо, и эта мысль находит свою экспликацию посредством постановки между **местоимением** и связочной частицы jiu. Любопытно, что некоторые виды отрицания тождества в китайском языке передаются лексическими средствами: например, Jiguan he chusheng didian bing bu shi yi hui shi "Цзигуань

(местожительство предков) и место рождения – вовсе не одно и то же", в то время как утверждение тождества возможно только при помощи jiu .

Перестановка термов в предложении денотативного тождества не только влечет за собой изменения в коммуникативной структуре предложения. Необратимость вызвана здесь и спецификой языкового строя. В китайском языке, если отношение тождества денотатов устанавливается между именем собственным и дескрипцией, в препозиции, как правило, может оказаться только второе, так как постсвязочная позиция при таком соотношении предназначена для неопределенной дескрипции. Предложение "Палицын был тот самый ложный друг, погубивший отца юной Ольги" (Лермонтов) может быть переведено на китайский язык только в инверсированном порядке. Однако информант не исключает возможность произнесения фразы Xiao Wang jiu shi di yi ge tiaoxia shui de ren "Сяо Ван и есть тот, который первый прыгнул в воду" при прямом указании на человека с этим именем. При сочетании имени собственного с местоимением (в том числе указательным), этот запрет не действует, что, однако, не означает, что порядок становится произвольным. Ср. Nage ren jiu shi wo "Тот человек был я" и wo jiu shi nage ren "Я и был тем человеком"; Nage ren jiu shi Xiao Wang "Тот человек и был Сяо Ван" и Xiao Wang jiu shi nage ren "Сяо Ван и был тем человеком. Таким образом, можно получить закрытый список возможных сочетаний языковых средств, участвующих в акте установления тождества денотатов.

Если у предложения номинативного тождества логическое ударение может падать только на постсвязочную ИГ или на сам логический оператор, то у предложений денотативного тождества все три составляющие в принципе могут оказаться ударными. Предсвязочная ИГ получает акцентное выделение в случае осуществления идентификации при наличии в поле зрения говорящего экстралингвистических объектов, например, при предъявлении фотографии человека, ранее не идентифицированного собеседником или идентифицируемого им только в своей настоящей ипостаси, или при указании предметов или людей, в которых говорящий узнает идентифицируемые объекты: Zhege ren jiu shi Sun Zhongshan "Этот человек и есть Сунь Ятсен", Zhe jiu shi na ba shouqiang "Это тот самый пистолет", Zhe ge ren jiu shi Li Dajun "Этот человек и есть

Ли Цзюнь".

На постсвязочную ИГ ударение обычно падает в двух ситуациях: а) когда идентифицируемый объект находится среди наблюдаемого множества; *Xiongyhou jiu shi nage ren* "Тот человек и есть убийца" (букв. "убийца и есть тот человек"); б) когда идентификация достигается дедуктивным путем: *Di yige tiaoxia shui de jiu shi nage ren* "Первым прыгнувшим в воду" был именно этот человек". В резкимирующей фразе ударение на постпозитивное указательное местоимение направляет внимание собеседника к тому объекту или имени, которые были вызваны говорящим из его памяти, и устанавливает их тождество при помощи *jiu*: *Shui shi Li Dajun?* "Кто такой Ли Дацзюнь?" - *Ni jide ma...Li Dajun jiu shi nage ren* "Разве ты не помнишь ... Это и есть Ли Дацзюнь".

Частица *jiu* оказывается под ударением в том случае, когда акт отождествления уже произведен, но у собеседника остаются сомнения в его достоверности. Выделение в этом случае логического оператора означает, что говорящий полностью уверен в произведенном им акте: *Mei suo, jiu shi ta* "Я не сомневаюсь, это он". (досл. "Нет ошибки, это и есть он".) Если же акт отождествления действительно произведен неудачно, вторичный корректирующий акт осуществляется при помощи другого оператора - частицы *cai*: *Dai wei jin de bu shi Zhao Min, dai yan jing de cai shi ta* "Чжао Мин не тот, который с шарфом, а тот, который в очках" (досл. "Носящий шарф не есть Чжао Мин, носящий очки только есть он").

При отрицании тождества частица *jiu* опускается, а на ее место подставляется отрицание *bu*, которое всегда выделяется ударением, содержащим пресуппозицию неправильного осуществления акта отождествления.

Наличие у частицы *jiu* значения логического оператора позволяет ей осуществлять идентифицирующую функцию и за пределами предложения тождества, т.е. в более широком контексте при пропуске нескольких шагов, за время которых неопределенная дескрипция идентифицируемого объекта становится определенной для собеседника, и говорящий получает возможность его к ней отсылать путем референтного употребления анафорического слова с тем, чтобы акт отождествления был произведен удачно. Рассмотрим не-

которые предложения этого рода: 1а) Jiqi jiu shi nage gongren xie de "Машину разгружал именно тот рабочий"; 1б) Xiao Zhang, jiu shi na tian zou de "Сяо Чжан уехал именно в тот день"; 1в) Jiu shi ta gaosu wo de "Именно он рассказал мне об этом"; 1г) Wo mai de jiu shi na zhong diannao "Я купил именно такой компьютер"; 1д) Tamen jiu zhu zai na dong fangzi li "Они живут именно в этом доме" (досл. "Они именно живут в том доме; 1е) Wo jiu shi zai nage tingzi li kanjian ta de "Я видел его именно в этом павильоне" (досл. "Я именно в том павильоне видел его"); 1ж) Shiqing jiu shi zheyang jie jue de "Дело решилось именно так" (досл. "Именно так решилось").

Эти предложения не могут служить прямыми ответами на вопросы "Какой рабочий разгружал машину?", "Кто тебе это рассказывал?" и т.д. Их преобразование в предложение тождества приводит к бессмысленной тавтологии типа Xiao Zhang zou de na tian jiu shi na tian "Тот день, когда уехал Сяо Ван, и есть тот день". Правильными предложениями тождества можно признать только такие, которые указывают на присутствии в момент речи экстралингвистического объекта: 2а) Tamen zhu de fangzi jiu shi zhe yi dong "Они живут вот в этом доме" (досл. "Дом, в котором они живут, и есть этот"); 2б) Xie jiqi de jiu shi zhe (na) ge gongren "Машину разгружал вот этот рабочий" (досл. "Разгружавший машину и есть этот (тот) рабочий").

Заочная идентификация (1а-1ж) отличается от очной (2а, 2б) употреблением различных дейктических слов. Выбор одного из указательных местоимений zhe "этот" или na "тот" зависит от ситуативной известности подразумеваемых ими сущностей. Существенным признаком, определяющим выбор формы zhe со значением "проксимум", является наблюдаемость предмета речи (идентифицируемого объекта) для участников речевого акта. Этот признак предполагает присутствие всех составляющих приуроченности к акту коммуникации: я, сейчас, здесь. При положительном значении указанного признака употребление дейктического слова со значением экстремума объясняется уже пространственным противопоставлением (ближе или дальше от субъекта речи). Упомянутый признак имеет приоритет перед признаком контекстной известности, которым в предложениях 1а-1е обладают все постсвязочные ИГ, что и определило выбор в этих предложениях формы na "тот".

При осуществлении дейктическим словом "форической" функции выбор номинации подчиняется другим закономерностям. В примере Zhe ben shu wo zher meiyou "Этой книги у меня здесь нет" признак наблюдаемости объекта принимает отрицательное значение, и употребление указательного местоимения со значением проксимума полностью соответствует правилам обеспечения текстовой связности. Здесь выбор в качестве "определенного артикля" одной из двух форм зависит от контекстной близости: "то, что упоминается сейчас (zhe)" и "то, что упоминалось раньше (до этого) - na.

Таким образом, выбор той или другой формы зависит от соотносительности со следующей парой выражений: ni(wo) xianzai shuo de "то, что ты (я) сейчас говоришь" и ni(wo) gangcai shuo de "то, что ты (я) только что говорил". Ср. Zhe ben shu wo zher meiyou "Этой книги у меня здесь нет" = Ni xianzai shuo de zhe ben shu wo zher meiyou "Этой книги, о которой ты (сейчас) говоришь, у меня здесь нет" и Na ben shu wo zher meiyou "той книги у меня сейчас нет" = Ni gangcaai shuo de na ben shu wo zher meiyou "той книги, о которой ты только что говорил, у меня здесь нет".

Выбор форм дейксиса для слов, обозначающих абстрактные понятия или непредметные сущности, например, jiejué de banfa "способ решения" (Иж) или tian "день" (Юб), естественно, не определяется признаком наблюдаемости объекта в момент речи, Употребление указательных местоимений здесь целиком подчиняется правилу выбора дейктических слов при осуществлении анафорической функции: Shiqing jiu shi zhe yang jiejué de "Дело решилось именно так" = Shiqing jiu shi xiang wo xianzai shuo de zhe yang jiejué de "Дело решилось именно так, как я сейчас говорил", ср. Shiqing jiu shi xiang wo gangcai shuo de na yang jiejué de

"Дело решилось именно так, как я только что (тогда) говорил". Последнее предложение уместно в том случае, если вопрос о том, как решилось дело, был задан после того, как собеседник фактически уже изложил пути его решения, и поэтому отсылает к более раннему своему высказыванию. Опускание частицы jiu в первом

предложении приводит к изменению функции указательного местоимения zhe. Из анафорического выражения оно превращается в катафорическое: Shiqing shi zhe yang jiejué de "Дело решилось таким образом." Непредметное значение слова

"день" может приобрести свойство предметности при указании участниками речи на его обозначение, например, в календаре.

Несовпадения употребления рассматриваемых пар дейктических слов в русских переводах приводимых примеров с китайским, очевидно, объясняется тем, что в русском языке признак наблюдаемости (объект находится в поле зрения говорящего) не так жестко привязан к моменту речи (см. русский перевод примеров 1д и 1е). Точка отсчета может быть перенесена и в прошлое, ср. "Это - Петя" *Zhege ren shi Bie jia* (досл. "Этот человек есть Петя") и "Это был Петя" *Na ge ren shi Bie jia* (досл. "Тот человек есть Петя"). При отсутствии в китайском языке категории времени оппозиция указательных местоимений составляет одно из многих средств выражения противопоставления настоящего и прошлого.

Рассмотренный материал подтверждает необходимость отграничения предложений, которые выражают отношение тождества, от тех предложений, иллокутивной целью которых является установление тождества имен и денотатов.

Примечания

1. Этот термин, видимо, не имеет непосредственной связи с логической категорией идентичности. Последняя переводится на китайский язык термином *tongyi* (см. 2, 237-9).

2. Во всех остальных предложениях этой грамматики, отнесенных к категории *dengtong*, постсвязочные составляющие имеют очевидный признаковый характер.

3. Учитывая интересы русского читателя, мы делаем упор на явления, специфичные для китайского языка.

4. К разновидностям этого показателя относятся *ji* и *zheng*. Первая представляет собой архаичную форму частицы *jiu*, а вторая - ее модификацию со значением "как раз".

5. Недооценка этого обстоятельства объясняет наше не вполне корректное утверждение по поводу маркировки китайского предложения тождества в (1, 64).

Литература

- I. Тань Аошун. Роль связки *zhi* в коммуникативной организации смысла высказывания. - III конференция по китайскому языкознанию. Сб. тезисов. М., 1986.
2. Luoji xue cidian ("Логический словарь". Чаньчунь, 1983)
3. Hanyu ba bai ci ("Восемьсот слов современного китайского языка") под ред. Люй Шусяна. Пекин, 1981.
4. Liu Yuehua et al. Shiyong xiandai hanyu yufa ("Практическая грамматика современного китайского языка"). Пекин, 1983.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Li Charles N., Thompson Sandra A. Mandarin Chinese. A Functional Reference Grammar. Berkeley. 1981.
7. Hashimoto-Yue Anna. The verb "to be" in Mordern Chinese. Philosophical and Grammatical Studies. Ed. by John V.H. Verhaar Pt.4. Foundation of language. Suppl. series, v.9. Doodrecht. 1969.
8. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley. 1968.
9. Zhu Dexi. "De zi jiegou he panduan ju" (xia). "Zhongguo yuwen", 1979, N.2.
10. Баранов А.Н. Коммуникативно-смысловая оппозиция "данное" - "новое". Канд. диссертация. М., 1984.
- II. Danes F. Funktional Sentence Perspective and the Organization of the Text. Papers on Functional Sentence Perspective. Praha, 1974.
12. Газета "Женьминь жибао", 2 января 1990.

СХОДСТВО, РАЗЛИЧИЕ, ТОЖДЕСТВО В ИНТЕНСИОНАЛЬНЫХ И ЭКСТЕНСИОНАЛЬНЫХ ОБЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

I

Задача статьи – показать референциально обусловленные смысловые различия между двумя типами общих высказываний: интенциональными и экстенциональными.

В форме общих высказываний делается сообщение о классах предметов и явлений действительности, которое можно оценивать как истинное или ложное. Параметр истинности-ложности, отличающий высказывания от предложения, построенного по правилам языка, создается его соотносительностью с действительностью, или референцией. Термин "референция" чаще используется в более специальном значении языкового указания на объект, когда речь идет о конкретных высказываниях, соотносящихся с определенным объектом, отождествление которого в мире опирается на предварительное знание говорящего и слушающего о нем или же на известные говорящему и слушающему пространственные и временные ориентиры, и с референцией связываются именно эти, непосредственно в языковых значениях не заданные условия выбора и употребления определенных языковых единиц для именованного объекта, о котором делается высказывание. В общих высказываниях соотношение с действительностью полностью опирается на знание значений слов, закрепляющих понятия, с помощью которых человеческое сознание препарирует и систематизирует внешний мир. Ориентация понятия одновременно на мир человеческого сознания и на внешний мир, данный человеку в непосредственном опыте, определяет его двуаспектность: понятие, как известно, обладает интенционалом, или содержанием, и экстенционалом, или объемом. Интенционал понятия – это признаковая его сторона, он характеризуется в первую очередь в качественном плане, различия и сходства в признаках, составляющих интенционал, определяют его место в понятийной системе. Интенционал принадлежит миру сознания. Экстенционал понятия ориентирован на внешний мир – это множество существующих в мире предметов и явлений, обнаруживающих данные признаки. Множество характеризуется своими закономерностями, оно может оцениваться по количественным параметрам.

Различие между экстенционалом и интенционалом существенно для дифференциации общих высказываний. Сообщение в высказывании может относиться к экстенционалу понятия, выраженного субъектным именем или именным выражением. Референтом высказывания в этом случае является множество объектов, каждый из которых обладает своим набором свойств, как объединяющих его с другими членами множества, так и отличающих его от других членов. Предикаты экстенциональных высказываний фиксируют признаки, которые распространяются на все множество или только на какую-то его часть. Субъектное именовое выражение в экстенциональных высказываниях обязательно включает кванторное слово: Все дети любят мороженое. Некоторые дети часто болеют. Подтверждение или опровержение таких высказываний предполагает обращение к непосредственному опыту: наличие хотя бы одного представителя класса, обладающего данным признаком, служит подтверждением частного экстенционального высказывания с соответствующим предикатом и опровержением всеобщего экстенционального высказывания с противоречащим предикатом, например: Некоторые дети часто болеют. - Да, это так, соседский мальчик постоянно болеет, или Все дети любят мороженое. - Нет, не все дети любят мороженое. Мой сын, например, совершенно к нему равнодушен.

В высказываниях, соотносящихся с интенционалом выраженного субъектным именем понятия, делается сообщение о признаках, которые связываются с данным понятием как необходимые, закономерные, типичные его атрибуты или - в отрицательных высказываниях - признаются несовместимыми с данным понятием, ср.: Дети очень непосредственны, или Цитрусовые в средней полосе не растут. Наличие отдельных контрпримеров еще недостаточно для опровержения подобных высказываний, они воспринимаются скорее как исключение из правила. Интенциональные связи, устанавливающиеся между субъектом и предикатом в высказываниях этого типа, представляют собой результат обобщения на основе как индивидуального, так и совокупного человеческого опыта. Они позволяют на основе принадлежности объекта к определенному классу делать выводы о его поведении и свойствах в определенных обстоятельствах, мотивировать и предсказывать его поведение, давать рекомендации: Тебе следует завести спаниэля. Спаниэль очень ласковая и преданная собака.

И интенциональные, и экстенциональные высказывания могут взаимодействовать в тексте с конкретными высказываниями о свойствах отдельных представителей соответствующих классов, но характер этого взаимодействия неодинаков. Связь между конкретным и общим экстенциональным высказыванием идет, как правило, по линии референтных субъектов: субъект конкретного высказывания входит в состав множества, соответствующего референту экстенционального высказывания, конкретный объект при этом обнаруживает себя как рядовой член множества, либо как исключение, ср.: Я [...] не мог отделаться от строчек Маяковского, которые бесконечно повторялись в голове, [...] Неужели все люди страдают от таких idiotских штук? (Конецкий) или Пожалуй, единственное преимущество его состояло в том, что он не боялся уронить себя в чьих-то глазах [...] В этом смысле Момун, сам того не подозревая, был на редкость счастливым человеком. Многие люди умирают не столько от болезней, сколько от неуемной, снедающей их вечной страсти - выдать себя за большее, чем они есть (Айтматов).

Конкретное высказывание связано с последующим интенциональным высказыванием обычно по линии предиката: предикат конкретного служит субъектом общего интенционального высказывания. Общее высказывание в этом случае служит средством перенесения на конкретный референт признаков, находящихся в интенциональной связи с его предикатом, ср.: Еще до того, как пришлось уйти от дел, Павел Петрович понял: давно уж он стал не кем иным, как исполнителем, а исполнитель может быть плох, может быть жорш, но он не способен подняться над тем, что порождено временем (И.Герасимов) или Я женщина, Вольфганг! Я женщина! А женщина знает все ... (И.Шмелев).

Противопоставление между интенциональными и экстенциональными высказываниями намечено в лингвистической литературе. В центр внимания попадают далеко не очевидные различия между высказываниями с субъектом под квантором всеобщности (всеобщие экстенциональные в нашей терминологии) типа Все люди смертны и общими высказываниями с неквантифицированным субъектом (интенциональные в нашей терминологии), такими, как Люди смертны. Различия интерпретируются исходя из семантики предиката (см. трактовку противопоставления между универсальными и генерическими - во многом совпадающими с интенциональными-высказываниями

[1, с.192-194], а также исходя из референциальных различий, связанных с двумя типами употребления имен — универсальным и родовым [2, с.97]. При этом отмечаются разные условия установления истинностных значений для двух типов высказываний. Однако противопоставление интенциональных и экстенциональных высказываний, которое носит типологический характер, в полной мере не исследовано и не оценено. Практически полное совпадение с всеобщими экстенциональными высказываниями в лексическом наполнении, которое наблюдается в парах Дети любят мороженое — Все дети любят мороженое или Люди смертны — Все люди смертны, — возможно лишь для части интенциональных высказываний. В целом спектр субъектов и предикатов интенциональных высказываний более широк, чем у высказываний экстенциональных. Их субъектами могут быть не только имена предметных классов, но и имена абстрактных признаков, сложные обозначения ситуаций, а предикаты выражают не только признаки, находящиеся в интенциональной связи с признаками референта-интенционала, но и определяют место понятия в понятийной системе: Спаниэль — это порода собак, В системе гласных открытым гласным противостоят закрытые. В рамках понятийных систем интенционалы способны образовывать свои, интенциональные множества — это множества видов внутри рода, — и такие множества могут квантифицироваться, например: Все жвачные (т.е. все виды жвачных) имеют сложный желудок или Некоторые грибы съедобны (речь идет о видах грибов). Различия прослеживаются и по другим признакам, в частности, в характере связей, которые интенциональные и экстенциональные высказывания устанавливают с другими типами высказываний в тексте. В данной статье мы касаемся подробно тех различий, которые выявляются между референтами-интенционалами и референтами-экстенционалами в высказываниях, констатирующих референциальное сходство, различие и тождество.

* * *

Сходство и различие устанавливаются в результате сравнения как минимум двух объектов. Результаты сравнения фиксируются двумя способами. Это высказывания сравнения, как правило, включающие два референтных члена, равноправных в логическом плане, — оба они могут считаться субъектами высказывания, — и предикат, подводющий итог сравнения. В простейшем случае такие высказывания фиксируют самый общий итог сравнения — факт сходства или различия без уточнения аспекта, по которому проводилось сравнение. Такие высказывания чаще всего трехчленны: Иван похож на Петра, Иван не похож на Петра, Ивана и сравнить нельзя с Петром. Отношения сходства и различия — симметричные отношения и это делает возможным употребление предикатов сходства-несходства при одном — полиреферентном — субъекте. Он может быть выражен словосочетанием, где каждый референт имеет свое обственное обозначение: Иван и Петр похожи, Ивана и Петра сравнивать нельзя. Но возможно и сокращенное обозначение референтов одним именем (местоимением): Братья похожи. Эти два человека совсем разные, Их и сравнивать нельзя. В высказываниях может быть конкретизирован аспект, по которому референты обнаруживают сходство или различие. Предикаты при этом могут выражать симметричное отношение с возможной для него односубъектной структурой высказывания (Братья похожи лицом. Они совсем разные по характеру). Чаще при констатации различия употребляются предикаты несимметричного отношения, не допускающие обозначения сравниваемых референтов в одном синтаксическом члене: Иван умнее Петра. Человек отличается от других существ способностью прогнозировать свои действия.

Второй способ констатации сходств и различий — это серия высказываний — как минимум, двух — с одинаковыми или разными предикатами при сравниваемых субъектах. При констатации сходства этим способом используются одинаковые предикаты, во втором высказывании при этом употребляются показатели, соотносящие его с первым. Это союз и, наречие тоже: Иван умен. — И Петр умен; Иван умен, — Петр тоже умен. Эти формы характерны для диалогической речи и используются сравнительно редко. В монологической речи, как правило, происходит стяжение двух высказываний с одинаковыми предикатами в одно, включающее

сравнительный оборот с союзом как: Иван умен, как и Петр.

Констатация различия этим способом принимает очень распространенную форму противопоставления: Иван умен, а Петр глуп. Ты сер, а я, приятель, сед (Крылов).

Нужно отметить, что формы, констатирующие различие, всегда предполагают наличие по меньшей мере двух сравниваемых референтов. Формы, используемые для констатации сходства, регулярно используются еще и как средство особого вида предикации - уподобления, когда на референт проецируются свойства объектов, принадлежащих к другому классу. Обозначение этого класса в таком случае входит в состав предиката. В составе предикатов уподобления чаще всего употребляются как - обороты: упрям, как осел; высокий, как каланча. Возможно и употребление глаголов сходства походить на, напоминать и др.: Он похож на слона, Листья липы по форме напоминают сердце. В таких случаях предикация признаков, отличающих другой класс объектов, возможна также в форме сложных прилагательных: Он слоподобен, Листья липы сердцевидные. Смысловая структура высказываний с предикатами уподобления отлична от смысловой структуры рассматриваемых здесь высказываний сходства.

Различия между интенциональными и экстенциональными высказываниями проявляются и в способах выражения сходства и различия, и в отношениях между партнерами сравнения.

Контексты, выражающие результаты сравнения, - один из самых типичных видов контекста для интенциональных высказываний. Это естественно, так как в основе отношений, структурирующих интенциональный мир, лежат именно сходство и различие. Особенностью отношений, организующих понятия в системы, обуславливается и характерная для интенциональных высказываний черта: сравниваемые единицы объединяются в рамках более общего понятия. Так, сравниваются виды в составе рода: Волк крупнее лисицы. Сенбернар крупнее всех других собак. В рамках одного и того же класса сравниваются носители противоположных свойств: ... ничтожный человек, совершив хороший поступок, всю жизнь кичится им, а праведник, совершая хорошие дела, не замечает их, но годами помнит совершенный им грех (Гроссман), Он видел в жизни, что глупые и несчастные добрее умных и более способны изменить свою жизнь к свободе и счастью (Платонов). Сравняться могут и разные временные фазы одного и того же объекта: От пятилетнего

ребенка до меня только шаг. От новорожденного до пятилетнего страшное расстояние. От зародыша до новорожденного — пучина (Л. Толстой).

Как правило, в интенциональных высказываниях констатируются различия, причем характер различия конкретизируется. При этом могут эксплицироваться различия между самими интенционалами, тогда высказывание имеет особую коммуникативную цель — разъяснить неочевидную для слушателя разницу между двумя понятиями: Страх наказания и нравственное чувство — разные вещи, сказал Федор Иванович [...], — Страх — это область физиологии, А трусость — область нравственности [...] Трусость — это не просто страх. Это страх, удерживающий от благородного, доброго поступка (Дудинцев). Иногда различие предстает в неожиданном аспекте как результат нетрадиционного, оригинального взгляда на привычные вещи: Вот различие крепости и тюрьмы: стена всегда обращена к врагу, в тюрьме стены смотрят внутрь (Битов). Высказывания подобного рода обычно независимы от текста, они проявляют заметную тенденцию к сентенциональности, афористичности.

Различия, которые констатируются в интенциональных высказываниях, могут также затрагивать признаки, данные в опыте и связанные с данным понятием интенциональными связями. В высказывании в этом случае выражается не различие между понятиями, а закономерные различия в признаках, ассоциирующихся с сопоставляемыми понятиями как атрибуты с их носителями. Такие высказывания обычно включаются в текст как один из компонентов умозаключения, ср.: Мне думается, совести свойственно чаще просыпаться в теле сытых, чем голодных. Голодный вынужден больше думать о себе, о добывании для себя хлеба насущного, само бремя голода побуждает его к эгоизму. У сытого больше возможности отстраниться вокруг, подумать о других (Тендряков) или От события такой огромности не требуется драматической доказательности.

Я без этого ему поверю. Медко копаться в причинах... событий. Они их не имеют. Это у домашних спор есть свой генезис, и после того, как оттаскают друг друга за волосы и перебьют посуду, ума не приложат, кто начал первый. Все же истинно великое безначально, как вселенная (Пастернак).

В понятийной системе понятия способны взаимно определять друг друга, и это определяет еще одну особенность выражения различия в интенциональных высказываниях. Второй член противо-

поставления не обязательно выражен, он может имплицироваться, что делает возможным такие, например, структуры: Он уважал свою трезвость, потому что трезвые люди целятся вернее (Коротич) или Хорошие пловцы чаще тонут (Битов). Конкретные и общие экстенциональные высказывания с такими предикатами незаконченны: Он целится вернее или Все трезвые люди целятся вернее требуют уточнения – Вернее, чем кто? Смысловая завершенность интенциональных высказываний обусловлена опорой на отношения в системе понятий: трезвость и нетрезвость взаимно предполагают друг друга, это отношение между ними задано в значении прилагательного трезвый и не нуждается в экспликации. Оценочные квалификации типа хороший пловец также имеют относительный характер и воспринимаются как противопоставление полному уменью или недостаточному уменью плавать.

Отличительная особенность экстенциональных высказываний – это то, что сравнение в них проводится внутри класса, обозначенного субъектным именем. Результаты сравнения могут выражаться как в высказываниях с квантором всеобщности, где предикат относится ко всему объему класса, так и в высказываниях с кванторами, относящими предикат только к части класса. Им соответствуют разные формы выражения результатов сравнения.

Всеобщие высказывания содержат предикаты, подводящие самые общие итоги сравнения: сходство – различие, равенство – неравенство, например: ... в них признали профессионалов, а все профессионалы равны (Л.Зорин), Все халуги схожи нутром и мордой (Астафьев), При поступлении в школу и при рождении все дети разные (В.Эфроимсон). Квантор все здесь свидетельствует, что каждый член множества сопоставляется с каждым другим.

Для констатации сходства, равенства чаще всего используется именно такая форма. Факт отличия каждого члена множества от каждого другого редко выражается в высказываниях с квантором все, гораздо более употребительна форма с дистрибутивным квантором каждый (см. об этом [3, с.10]), ср.: Все мы переживаем горе. Все одинаково и каждый по-разному (Гроссман).

В высказываниях с предикатом, выраженным прилагательным разные, часто употребляется связочный глагол бывать, соотноси-

мый с квантором существования: Специалисты бывают разные^I.
Употребление этого глагола предполагает выделение в составе экстенционала подмножеств с несходными свойствами, Как правило, характер различия конкретизируется в последующих частных высказываниях, Например: Активность каждого из нас начинается с намерений. А намерения ведь разные бывают... Одни направлены на вещи, а другие, смотришь, и на человека (Дудинцев), Впрочем, высказывания, констатирующие различия между подмножествами внутри множества, совсем не обязательно предваряются сообщением о существовании различия. В частных экстенциональных высказываниях различие между подмножествами выражается в форме противопоставления. При этом иногда используется квантор некоторые: некоторые клетки (...) могут быть помещены в питательный раствор, налитый в специальные пробирки (...) Но некоторые клетки не могут жить в пробирке (Р.Петров). Чаще, однако, в таких контекстах используются кванторные слова одни, другие, совмещающие с функцией выделения импликацию сравнения: ... одни от застенчивости умолкают, а другие начинают говорить громче ... (Н.Кожевникова).

Иногда в экстенциональных высказываниях выражаются результаты сравнения разных признаков по их распространенности на экстенционалы соответствующих понятий, различие в этом случае проявляется в противопоставлении кванторов и фиксируется в форме все - не все, каждый - не каждый: Да, каждый охотник в душе стремится вот к такой жизни, какую устроил он себе, но не каждый в себе найдет смелость бросить работу, оторваться от привычек (С.Воронин).

Нужно также отметить, что сравнение между понятиями может выходить и на их экстенционалы. Это имеет место, в частности, при сравнении разных классификационных признаков, например: Все аффиксальные морфемы связанные, но не все корневые морфемы свободные. Такие высказывания естественно вписываются в контексты чисто интенциональных сопоставлений.

Основное различие, между интенциональными и экстенциональными референтами, выявляющееся в контекстах сравнения,

I Характерно, что во французском и английском языках подобные высказывания оформляются как экзистенциальные, ср.: Il y a des spécialistes et des specialists. There are specialists and specialists.

а именно то, что экстенциональные референты предполагают сравнение внутри класса, обозначенного общим именем, тогда как в интенциональных высказываниях происходит сопоставление обозначенного общим именем класса с другим, проявляется и при сравнении конкретных референтов с референтами классами. Когда одним из партнеров сравнения является экстенционал понятия (об этом сигнализирует квантор), сопоставление идет внутри соответствующего этому экстенционалу класса: Все хромые, горбатые ходят вызывающе, заносчиво. Эта же скромно ныряла навстречу мне (Бунин). (Встретившаяся автору женщина была хромоножка). Участие же в сравнении референта, соответствующего интенционалу понятия, предполагает сравнение, затрагивающее разные классы: ср.: Это космонавты умеют спать в любой миг по самоприказу и получают таким макаром свежесть. А я таким макаром получаю вялость (Конечкий). (Сам автор в данном случае не космонавт). Этим в конечном счете объясняется и разная семантика как-оборотов в конкретных высказываниях. Если существительное в составе оборота употреблено с квантором все (или другим), то в высказывании выражается сопоставление с другими членами класса: ... Мадемуазель, как все чудачки, больше всего ценила свои заблуждения и ни за что с ними не расставалась (Пастернак), Трифон, как все медведи, любил сладкое. Если существительное в составе оборота употреблено без квантора, то налицо уподобление объекту другого класса: Как медведь в высказывании о человеке возможно только как образное сравнение: Ты ввалился, как медведь, Когда в как – обороте используется обозначение класса, к которому принадлежит конкретный референт высказывания, но без квантора, значение сравнения утрачивается, но задействуются интенциональные связи: Ты как председатель собрания должен следить за регламентом. Таким образом, в качестве пресуппозиции подключается интенциональное высказывание Председатель собрания следит за регламентом.

3

Высказывания тождества – хороший индикатор референциальных различий. Выделяются высказывания тождества, соответствующие двум типам референтов: конкретному – так называемые высказывания денотативного тождества с референцией к индивидуальному объекту, – и

общему - высказывания сигнификативного тождества, оперирующие понятиями (см. [4, с.304-306]). Проводимое нами разграничение между интенциональными и экстенциональными общими референтами делает необходимым уточнение характера понятийного (сигнификативного) тождества. Отношения тождества между понятиями затрагивают признаковую, качественную их сторону, т.е. характеризуют интенционалы, но не экстенционалы, которые являются проекцией интенционалов на предметные множества. И в конкретных, и в общих высказываниях отождествляются референты, представляющие собой единое целое, но не множества, где эта операция повлекла бы за собой сличение составляющих их членов. Общие высказывания тождества не затрагивают экстенционалов и, как следствие, они не квантифицируются. Предикаты тождества поэтому принадлежат к числу предикатов, возможных в интенциональных, но не экстенциональных высказываниях. Различие между двумя типами высказываний в этом аспекте проявляется с предельной определенностью.

Вместе с тем, высказывания интенционального тождества, на наш взгляд, представляют дополнительный интерес, т.к. эта форма позволяет наглядно продемонстрировать смысловую специфику высказываний интенционального плана.

Интенциональные высказывания тождества, как и высказывания, в которых констатируются различия, можно подразделить на два вида, различающиеся коммуникативными целями.

Высказывания первого вида имеют целью разъяснить или уточнить для слушающего смысл того или иного нового для него слова, раскрыть признаки выраженного в нем понятия. Это ответ на вопрос: "Что такое "...?" Во второй части высказывания эксплицируются признаки разъясняемого понятия. Яркий пример высказываний такого типа - высказывания-определения: Радиус - это отрезок прямой, соединяющий точку на окружности с ее центром и т.п. Возможность абсолютного тождества, когда определение выявляет весь комплекс признаков, составляющих интенционал определяемого понятия, за исключением математических определений, по-видимому, проблематична. В обыденной речи нередко довольствуются соотносением видового понятия с известным родовым: Что такое морошка? - Морошка - это ягода.

Вне сферы научного общения высказывания – определения нередко служат средством выражения субъективного понимания явлений, о которых идет речь: Буранному Едигею непонятен был сам принцип управления по радио. В его представлении радио это слова, звуки, доносимые по эфиру с далеких расстояний. Но как можно управлять таким способом неодушевленным предметом? (Айтматов). Чаше всего таким образом интерпретируются этические и эстетические понятия: Что такое, по-вашему, любовь? – спросила девушка. ... любовь – это самый произвольный, а потому самый искренний и обширный диапазон жизненных сил индивидуума (Фет), Так что же, по-вашему, есть самолюбие? – сказал Неждодов. (...) – Самолюбие, – сказал я, – есть убеждение в том, что я лучше и умнее всех людей (Л.Толстой). В такой форме может выявляться и оценочное отношение говорящего к предмету обсуждения: Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого права, – не самая ли эта сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? насыщенная гордость (Лермонтов). Высказывания – определения могут отражать и нетрадиционный, порой парадоксальный подход к вещам: По сути, скептик – это существо, обращенное к каждому без разбора с мольбой, чтобы его разубедили в его горьком опыте (Битов). Как и высказывания интенционального различия, о которых говорилось выше, высказывания-определения проявляют максимальную свободу от текстовых связей. Это сентенции. Многие из них имеют тенденцию к афористичности, в особенности образные определения, подобные знаменитому паскалевскому Человек – это мыслящий тростник.

В форме высказываний тождества также могут быть выражены необходимые интенциональные связи между явлениями, соответствующими данным понятиям в сфере опыта: связь определенных признаков с определенными носителями или закономерные связи определенных явлений или аспектов одного и того же явления. Прочная связь между явлениями – она может быть и чисто индивидуальной, субъективной – психологически осознается как их тождество. Вот как это описывает в "Повести о разуме" М.Зощенко: "Был период, когда меня страшила улица (...) Нервные связи соединяли улицу с десятками бед. Условные доказательства опасности улицы были многочисленны. Улица и опасность стали тождественны. Связь между ними неразрывна".

В виде тождества оформляются разные типы связей. Это связи между явлением и его необходимым атрибутом или необходимым условием, ср.: жизнь есть несомненно любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть (Бунин) или Базар! - вдохновила меня эта идея. Так я себя когда-то убедил с чьих-то слов, что базар - это жизнь, это проза, это правда, так и сейчас надеялся (Битов). Часто как тождество представляется отношение между сущностью и формой ее выражения: Стиль - это человек (Бюффон), Искусство - это глубина жизни (ЛГ). В форме тождества выражаются и отношения между пропозициями, свернутыми и представленными именными членами. Обычно это причинно-следственные отношения, например: ... новый научный метод - это новые творческие возможности для самых разных теорий и гипотез (Р.Баландин), "Значит, любовь это превращение, - продолжал думать Дима. - Это неузнавание себя. Это открытие, которое лишает человека возможности выбора..." (Каверин). Вообще высказывания тождества, единообразно представляющие самые разнообразные интенциональные связи, делают возможным экономное выражение различных нюансов мысли, которое в иной форме могло бы стать очень громоздким, ср.: ... краска - это чистота. Краска - это и есть искусство. Или главная его интонация (...) Да, с краской надо родиться. Ведь краска - это еще и качество (М.Шагал в интервью).

х х х

Изложенные выше наблюдения позволяют сделать следующие обобщения о специфике интенциональных и экстенциональных референтов, проявляющейся в высказываниях сравнения и тождества.

I. В интенциональных высказываниях общее имя, обозначающее предметный класс, соотносится с целостным референтом, который можно определить как объект понятийного мира, или метаобъект. В экстенциональных высказываниях общее имя, вернее, сочетание общего имени с кванторным словом, соотносится с референтом, представляющим собой множество объектов предметного мира. Сравнение в этом случае выявляет сходство и различия между членами множества. Сами значения кванторных слов могут интерпретироваться в терминах, предполагающих сравнение внутри множества. Значение кванторов все, каждый предполагает, что между членами множества наблюдается сходство по признаку, выраженному в предикате. Значения кванторов, соотносящих предикат с

частью экстенционала, предполагают, что данный признак обнаруживается у одной части и отсутствует у другой. Мы не скажем Некоторые дети часто болеют, не будучи уверенными, что сказанное не относится ко всем детям. А значения кванторных слов многие, большинство, редкие отражают и сравнительную количественную оценку той части множества, на которую распространяется предикат.

Операции внутри множества предполагают сравнение, но исключают отождествление его членов друг с другом.

2. Интенциональные высказывания в смысловом плане неоднородны. Их предикаты могут непосредственно квалифицировать референт как единицу понятийной системы. Высказывания тождества и различия в этом случае эксплицируют признаки, входящие в интенционал понятия, и через эти признаки определяют его соотношение с другими понятиями.

Предикаты интенциональных высказываний могут также обозначать признаки, находящиеся в устойчивой, интенциональной, связи с данным понятием. Такие связи также могут выражаться в форме тождества, а связь разных признаков с разными понятиями подчеркивается в высказываниях различия.

С экстенциональными высказываниями смыкается только один вид интенциональных высказываний – те, в которых отражаются устойчивые интенциональные связи. Именно для них существенны дополнительные критерии, разграничивающие два типа референтов, и, в частности, различие между референтом-единством и референтом-множеством. У высказываний, определяющих место понятия в понятийной системе, соприкосновения с экстенциональными высказываниями нет. Высказывания этого типа, однако, близко соприкасаются с метаязыковыми высказываниями. Здесь вполне правомерен вопрос о разграничении между референцией к интенционалу понятия и аутореференцией – когда языковое выражение представляет только само себя.

Литература

1. A.Wierzbicka. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Languages*. Sydney, 1980.
2. Е.В.Падучева. *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. М., 1985.
3. Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. *Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки/Референция и проблемы текстообразования*. М., 1988.
4. Н.Д.Арутюнова. *Предложение и его смысл*. М., 1976.

ОТ ОБРАЗА К ПОДОБИЮ

I. О сдвоенной пропозициональной установке перцептивных глаголов

В семантике перцептивных глаголов принято различать две составляющих: непосредственное восприятие действительности (собственно перцептивное восприятие) и эпистемическое (когнитивное) восприятие [5]. Мы уже пытались показать, что наличие такой двойной установки у ряда перцептивных (а также ментальных) глаголов определяет важные семантико-синтаксические особенности слов этой группы (в частности, описывает семантические различия между конструкциями с союзом что и союзом чтобы) [7].

В лингвистических исследованиях, анализирующих семантику перцептивных предикатов, обычно отмечается "неполноценность" чисто перцептивного восприятия, и если возникает необходимость как-то оперировать с ним в дальнейшем, выдвигается требование сформировать концепт соответствующего объекта, используя для этой цели "процедуры узнавания, классификации, интерпретации, установления каузальных и иных связей" [2].

Признавая безусловную необходимость концептуального осмысления объекта перцептивного восприятия, мы попытаемся исследовать то "доконцептуальное", перцептивное представление объекта, которое, как нам кажется, играет довольно существенную роль в формировании важных семантических понятий, таких, как отношение сходства, восприятие нереальных ситуаций и т.п.

"Доконцептуальное" представление объекта мы будем называть образом объекта, или просто образом¹⁾. Поскольку образ, как мы намерены показать, является самостоятельной сущностью, которая хоть и возникает в результате сенсорных впечатлений, но в дальнейшем отрывается от них и начинает играть свою особую роль в формировании семантических представлений, поскольку он должен занимать некоторое место в сфере сознания аналогично

--- 1) ---
Принятие данного термина, как кажется, вполне оправдано той характеристикой понятия "образ", которое подробно анализируется в [3].

другим ментальным сущностям – объектам сфер мнения, знания, воли, эмоций и т.п.

Мы продемонстрируем роль образа на примере анализа одного из предикатов со значением сходства – предиката похож, потому что существующие описания семантики таких предикатов и, в частности, предиката похож, как нам кажется, в недостаточной степени учитывают образную составляющую, столь важную для представления их смысла.

2. Семантика предиката похож (декларативное описание)

Основная особенность существующих описаний предикатов сходства заключается в том, что в этих описаниях (за отдельными исключениями) фиксируются, так сказать, статические отношения между различными составляющими смысла. Такого рода описания принадлежат к декларативному типу^I, и в них в силу присущих данному способу описания ограничений просто не могут быть отражены некоторые реально существующие закономерности.

В основном декларативными являются и описания предикатов сходства в русском языке [1], [8]. Особенности этих предикатов, отмеченные в упомянутых работах, можно резюмировать следующим образом:

1. Суждение о сходстве выносится на основе впечатлений (субъективность).
2. Сравнимые объекты нетождественны (нетождественность).
3. Сходство может проявляться в большей или меньшей степени (градуированность).
4. Сходство почти свободно допускает разнотипную референцию имен сопоставляемых объектов (возможность однотипной и разнотипной референции).
5. При разнотипной референции отношение сходства асимметрично (асимметричность), при однотипной референции отношение сходства в некоторых случаях может быть симметрично (симметричность).
6. Отношение сходства в случае представителей разных клас-

--- I) ---
Декларативный и процедурный подходы к описанию знаний человека о действительности разработаны в области искусственного интеллекта для моделирования процесса анализа (=понимания) текста.

сов может создавать образные представления (образность).

7. При отношении сходства могут быть выражены признаки, являющиеся основанием сравнения; при предикатах сходства имеется для этого специальная синтаксическая позиция (актуализованность основания сравнения).

В дальнейших рассуждениях мы будем так или иначе, в основном имплицитно, опираться на приведенный перечень признаков, подтверждая одни, отвергая и уточняя другие, добавляя третьи.

3. Семантика предиката похож (процедурное описание)

В самом общем виде процедура установления сходства может быть обрисована следующим образом: некий субъект, сравнивая между собой два объекта, выносит решение о наличии между ними отношения сходства. При более детальном анализе представляется удобным разбить эту процедуру на несколько более мелких этапов, или операций:

- 1) восприятие уподобляемого объекта;
- 2) "осмысление" уподобляемого объекта;
- 3) получение эталонного объекта;
- 4) вынесение суждения о наличии сходства.

Рассмотрим эти операции более подробно.

3.1. Первый этап процедуры установления сходства - этап появления в поле зрения субъекта некоего объекта (в [8] эта ситуация описана с помощью понятия 'представля X', т.е., по-видимому, речь идет о представлении в сознании. Не отрицая того, что объект уподобления может в частном случае возникать и в сознании субъекта, отметим все же, что типовой ситуацией появления объекта будет скорее ситуация восприятия, и прежде всего, восприятия визуального типа. Рассмотрим следующие примеры:

- (1) а. Сестры очень похожи.
б. Сестры похожи как две капли воды.
- (2) Тапир похож на слона. (пример из работы [8])
- (3) Анна похожа на мать.
- (4) а. Улыбкой Анна похожа на мать.
б. Походкой Анна похожа на мать.
в. Характером Анна похожа на мать.

Очевидно, что в примере (1а) речь идет о внешнем сходстве,

особенно наглядно это видно в фактически синонимичном примере (1б), так как сходство между собой каплей воды едва ли может проявляться в чем-либо ином, кроме внешнего вида. По-видимому, лишь о внешнем сходстве может идти речь и в примере (2), а также в примере (3). Обратимся теперь к примеру (4). Если в (4а) еще можно усмотреть внешнее сходство, то уже (4б), а тем более (4в) такой интерпретации не поддаются. Таким образом, в соответствии с одним из положений стандартного декларативного анализа (п.(7)), следовало бы признать, что основание сравнения — существительное в творительном падеже задает тот самый признак А (в нашем случае А=улыбка, походка, характер), и при этом уже не обязательно визуальный, который и определяет сходство соответствующих объектов. Повременим, однако, с окончательным ответом. Рассмотрим следующие примеры:

- (4) { Улыбкой
Походкой } Анна похожа на мать, и вообще они очень похожи.
 { Характером
- (4//) { Улыбкой
Походкой } Анна похожа на мать, но вообще они совершенно
 { Характером } не похожи.

Если бы из смыслов (4а) — (4в) следовал смысл 'Анна и мать похожи' (как предполагается в [I]), то продолжение в (4/) было бы избыточным, а продолжение в (4//) — противоречивым, однако же оба эти примера вполне правильны и не содержат никаких нарушений. Отсюда можно сделать вывод, что в (4а) — (4в) не содержится смысл 'Анна и мать похожи'. Мы не в состоянии пока объяснить данный феномен (это будет сделано несколько ниже). Пока же удовольствуемся констатацией того факта, что в примере (4) мы имеем дело с несколько иным значением предиката похож.

Судя по анализу языкового материала, визуальное восприятие является основным путем проникновения объекта в поле зрения субъекта. Об этом может свидетельствовать тот факт, что на визуальных признаках основаны в значительной своей части образные сравнения, хотя в некоторых случаях эталонный объект вполне допускает и другое, не визуальное прочтение (см. пример (6в)):

- (6) а. Эта гора похожа на камелеона. (пример из работы [I])
 б. Катя похожа на мышку.
 в. Петя похож на осла. (несмотря на общеизвестные коннотации, связанные с образом данного животного, речь

скорее все-таки идет о внешних признаках, так как в случае соответствующих ментальных способностей и вытекающего из них поведения персонажа уместнее было бы сказать нечто вроде:

(6в/) Петя ведет себя, как осел.

О значимости визуального восприятия может свидетельствовать и такой факт. Очевидно, что некоторые объекты могут быть знакомы нам не визуально, а лишь концептуально, но даже и в этом случае говорящий может сделать попытку визуального осмысления объекта (соответственно маркировав отсутствие действительного визуального образа):

(7) а. В моем представлении синхрофазотрон похож на
гигантского паука.

ср. с примером (7б), который имплицитно подразумевает знакомство говорящего с соответствующим объектом:

(7) б. Синхрофазотрон похож на гигантского паука.

Вместе с тем необходимо отметить, что визуальное восприятие заведомо не единственный способ получения уподобляемого объекта; в том случае, когда оно затруднено или невозможно, объект вводится в актуальную сферу сознания не из действительности, а из какой-либо постоянной сферы сознания, хранящей объекты (это память, знания, представления). В этом случае уподобляемый объект воспринимается не визуально, а скорее поведенчески и характерологически:

(8) а. Люди похожи на ослов.

б. Человек похож на волка.

Итак, на основании того или иного типа восприятия первый этап процедуры установления сходства завершен: в поле зрения субъекта оказывается некий эпистемически не охарактеризованный объект, точнее, не объект, а некая смутно вырисовывающаяся сущность, представленная своими визуальными свойствами, а также свойствами, воспринимаемыми другими путями. Иными словами, эта сущность есть образ объекта.

3.2. Второй этап процедуры установления сходства - этап концептуализации - введения объекта восприятия в ментальную зону сознания. Обычно считается, что этап концептуализации связан, в частности, с отсечением от объекта всех концептно нерелевантных, сенсорных свойств. В данный момент мы ничего не можем сказать по этому поводу, но несколько ниже еще раз вернем-

102

ся к этому вопросу.

3.3. Третий этап - этап получения эталонного объекта - можно представить следующим образом: уподобляемый объект, находящийся в ментальной сфере, по некоторому "правилу" ассоциируется с другим объектом ментальной сферы, который и становится вторым, эталонным, членом сравнения. Теперь остается только понять, каким образом (по какому "правилу") определяется эталонный член сравнения¹⁾. В [I] отмечается, что "сходство отлагается на шкале, имеющей начало и конец: начало образовано отсутствием сходства, его нулем, понятием "ничего общего", конец упирается в понятие одинакового, неразличимого". Очевидно, что смысл предиката похож не может находиться в нулевом конце шкалы, там, где между объектами нет ничего общего, точно так же смысл похож не может занимать и другой конец шкалы, т.е. соответствовать понятию "одинаково". Это подтверждается, в частности, наблюдением (см. [8]), что предикат похож не сочетается с наречиями полной степени признака, ср. * Вася и Петя совсем/совершенно похожи. Из всего этого следует, что смысл 'X похож на Y' расположен где-то во внутренней части шкалы, и ничего более точного в количественном отношении мы сказать не в состоянии. Тем не менее есть одно очень важное "качественное" соображение. Из самых обыденных, "наивных" представлений о сходстве следует:

--- I) ---
При исследовании проблемы подобия постоянно отмечается возможность разных типов соотношения между уподобляемыми объектами (индивид - индивид, индивид - эталонный представитель, класс - класс и др.) (см., например, [I], [8]). Безусловно, в случае разной референции представление в сознании индивида сопоставляемых объектов различно; соответственно различными окажутся и некоторые детали процедуры получения "эталонного" объекта в ситуации уподобления (по-видимому, разным будет, в частности, состав "множеств существенных признаков", стандартность ассоциаций, степень сложности извлечения эталонного объекта и т.п.). Тем не менее с интересующей нас достаточно общей точки зрения такого рода различия представляются несущественным - в целом процедура получения эталонного объекта для всех ситуаций уподобления остается одной и той же и сводится к актуализации в сознании субъекта некоторого объекта, обладающего совокупностью признаков.

'X похож на У' означает, что некоторая совокупность признаков X-а совпадает с некоторой совокупностью признаков У-а. Возвращаясь к процедурному описанию, мы получаем очень логичное объяснение того, как именно появляется эталонный объект. Видимо, процесс можно описать следующим образом.

У говорящего ассоциируется с объектом X некая неосознанная сущность - совокупность релевантных для говорящего свойств данного объекта (будем называть эту сущность "множество существенных признаков"). Множество существенных признаков актуализуется в сознании субъекта другой ментальный объект, характеризующийся таким же множеством существенных признаков, что и объект уподобления. Таким образом, у субъекта оказывается актуализован объект-эталон. Теперь он, вообще говоря, может переходить к последнему, четвертому акту процедуры установления сходства - акту вынесения суждения.

Однако, прежде чем приступить к описанию этого этапа, попытаемся ответить на вопрос, что же представляет собой "множество существенных признаков". Если обратиться к первому этапу процедуры установления сходства, то становится совершенно очевидным, что "множество существенных признаков" есть подмножество свойств (внешний вид, поведенческие, характерологические свойства) той самой неконцептуализованной сущности - образа объекта, которая была преобразована в концепт на следующем этапе нашей процедуры. Однако же, как мы видим, одного концепта теперь оказывается недостаточно - для акта выбора эталонного объекта снова требуется образное представление. Итак, для того, чтобы последующие операции были выполнимы, остается только предположить, что на этапе концептуализации (см. этап 2), образное представление или, по крайней мере, та часть, которую мы назвали "множеством существенных признаков", перекочевывает вслед за концептом в сознание субъекта, при этом, однако осмысление такого "множества" остается по-прежнему столь же смутным и неподдающимся концептуализации, каким оно было после этапа восприятия. Из данного рассуждения, как представляется, следует, что наряду с традиционно выделяемыми в сознании сферами полагания, знания, веры, предположений и т.п. в него должна быть включена и сфера образов, поскольку, как было показано, оперирование с образными представлениями объектов происходит не только в "доконцептуальную эпоху", но и на одном уровне со

смысловыми элементами в составе перечисленных выше зон, бесспорно относящихся к сфере сознания.

Процедура актуализации эталонного объекта позволяет более глубоко проанализировать два свойства отношения сходства, чем это возможно при декларативном подходе. Речь идет о свойстве асимметричности и свойстве актуализации основания сравнения (см. п.2).

1) Асимметричность. Напомним, что в декларативном описании отмечается асимметричность предиката похож при разнотипной референции и возможность симметричности/асимметричности при однотипной. Исходя из предложенного нами описания процедуры получения уподобляемого и эталонного объектов можно, как представляется, сделать однозначный вывод: предикат похож принципиально асимметричен: первый объект его возникает непроизвольно, независимо от рационального сознания¹⁾ субъекта, точно так же, как выделение "множества существенных признаков" — это индивидуальный акт субъекта (руководимый чем-то вроде "интереса", или, скорее, "заинтересованности" с его стороны).

Совсем иначе обстоит дело со вторым объектом предиката похож: его источником всегда является одна из сфер сознания; он всегда возникает в результате выбора, пусть даже не осознанного, основанного на "примерке" к имеющимся в сознании образам того "множества существенных признаков", которое характеризует первый объект. При эталонном объекте "множество существенных признаков" играет совершенно другую роль, чем при уподобляемом объекте: здесь это уже не индивидуально выделенные важные признаки, а существенно необходимые для характеристики данного объекта, так называемые "прототипические" свойства. Благодаря наличию этих закрепленных за объектом образных свойств и становится возможной актуализация данного эталонного объекта.

Таким образом, первый объект "навязан" субъекту извне, и с этой точки зрения он является тем, что обычно характеризуют

--- 1) ---
Речь разумеется идет об отдельно взятой ситуации, а не о тексте, где многие свойства предопределены закономерностями развития самого текста.

2) Даже тогда, когда объект возникает в сфере сознания, его поступление из области памяти, знаний и т.п. является неконтролируемым актом.

как "новое", "неизвестное". Напротив, второй объект - порождение сознания, и как таковой он всегда будет "данным" и "известным". С этой точки зрения асимметричность предиката похож, как кажется, не может вызывать сомнений. Однако существует класс случаев, в котором асимметричность отношения между объектами носит несколько стертый характер; речь идет о сходстве двух конкретно-референтных объектов, входящих в один класс - случай, считающийся классическим примером симметричности отношения сходства (на основании которого свойство симметричности, правда, с некоторыми оговорками, переносится на предикат похож в целом, ср. [8]). Рассмотрим следующие примеры:

(9) а. Катя похожа на мать.

б. Младшая сестра очень похожа на старшую.

в. Его брат немного похож на Майкла Джексона.

г. Петя очень похож на Сережу.

В приведенных примерах, несмотря на конкретно-референтный характер обоих объектов, их асимметричность представляется несомненной: первый объект, ничем не выделенный, инициирует сравнение, тогда как второй объект выступает по отношению к первому в качестве общепризнанного эталона, привлекаемого для обслуживания тех или иных частных операций сравнения (в ситуации "дочь - мать" эталоном, естественно, является мать; в ситуации "младший - старший" эталон - старший; в ситуации "обыкновенный человек - кумир публики" эталоном, конечно, будет кумир¹⁾; в последнем примере - в случае с Петей и Сережей - случайный выбор в качестве объекта, инициирующего сравнение, одного из братьев делает необходимым выбор другого в качестве эталона).

Действительно, как видно из последнего примера (9г), абсолютно "одинаковая" представленность объектов в реальном мире наблюдаются довольно редко. В ситуации, которую можно описать как одновременное предъявление, например:

(10) Одно лицо, походка, голос тот же

У двух людей, как в зеркале волшебном.

(В. Шекспир. Двенадцатая ночь.)

Один случай "одинаковой представленности" объектов при предикате похож все-таки имеется. Это ситуация, когда объекты долж-

--- 1) О несимметричности предиката похож в подобных конструкциях см. [6].

ны быть максимально сближены в концептуальном плане, характеризующие их индивидуальные свойства должны быть "урезаны" в такой степени, чтобы их никак нельзя было расценить как основания для разделения объектов на "иницирующий сравнение" и эталонный. На поверхностном уровне для передачи такой ситуации открывается единственная возможность — выражение объектов в виде множества:

(II) а. Сестры похожи друг на друга, как две капли воды.

б. Друг на друга так похожи Комаровы братья.

Где тут Петя, где Сережа, не могу сказать я.

(Приведенный случай, однако, не релевантен для решения вопроса об асимметричности предиката похож, поэтому сделанный нами ранее вывод остается в силе: предикат похож принципиально и без всяких исключений асимметричен).

2) Актуализация основания сравнения. Обычно считается, что при отношении сходства может быть выразителем признак, являющийся основанием сравнения. Однако, как мы пытались показать в данной работе, основание сравнения есть образ, и как таковой не может быть концептуализован и тем самым принципиально невыразим. Как же в таком случае расценить те примеры, где при предикате эксплицитно выражено основание сравнения (вспомним пример (4)):

(4) а. { Улыбкой
б. { Походкой
в. { Характером } Анна похожа на мать.

Ранее (см. 3.1.) мы усматривали в (4) особое значение предиката похож. Теперь мы в состоянии объяснить его отличие от прототипического значения: вместо неочерченного и смутного образа, служащего основанием сравнения в прототипической ситуации сходства, образа, который благодаря своей неопределенности может пониматься достаточно широко и тем самым гарантировать любую нужную область сходства, в примерах типа (4), т.е. в ситуации эксплицитно выраженного основания сравнения мы имеем дело с основанием сравнения, заданным более четко. Тем не менее и при непрототипическом употреблении предиката похож основание сходства имеет образную природу — именно образную семантику имеют слова улыбка, походка, характер (ср. замечание Н.Д. Арутюновой⁴⁾ о невозможности употребления в предложениях с предикатом похож слов, обозначающих конкретный признак, в меньшей степени связанный с образом: * Платьем / родинкой / голубиной глаз Анна похожа на мать).

⁴⁾ В личной беседе.

Присутствие образа в ситуации уподобления подтверждается также тем, что во многих случаях мы способны так или иначе выразить множество существенных признаков, служащих основанием для уподобления, *post factum* и, как правило, при некотором усилии, например, под давлением извне. Так, если попросить кого-нибудь объяснить, на чем основывается сходство в предложениях примера (I2):

(I2) а. Она похожа на мышь.

б. Мой Мурзик похож на тигра.

в. Катя похожа на воробышка.

можно получить в ответ нечто вроде следующего:

(I2') а. ... она такая, знаете ли, серенькая, востроносенькая...

б. ... ну, у него рыжая шкура с темными полосками и очень воинственный вид...

в. ... она маленькая такая, нахохлившаяся, ни минуты не посидит спокойно...

Заметим, что описания такого рода часто бывают в той или иной степени неопределенными (ср. употребление таких выражений, как знаете ли, ну, такая и т.п.), что как нельзя более соответствует тому источнику, из которого их приходится черпать.

3.4. Вынесение суждения. После того, как проблема нахождения эталонного члена сравнения решена, субъекту остается совершить последнюю операцию процедуры установления сходства.

Субъект выносит суждение: объект X и объект Y таковы, что множество существенных признаков объекта X совпадает с множеством существенных признаков объекта Y.

Теперь, наконец, мы можем дать полное описание смысла предиката похож:

A считает, что X похож на Y = субъект A 1) воспринимает объект X, 2) формирует образ объекта X, 3) преобразует образ в концепт объекта X и переносит концепт объекта X и множество существенных признаков P объекта X, соответственно, в ментальную и образную сферу сознания; 4) актуализует в ментальной сфере познания концепт Y, на основании того, что в образной сфере объекта Y имеется множество существенных признаков P, и 5) выносит суждение: объект X и объект Y таковы, что множество существенных признаков объекта X совпадает с множеством существенных признаков объекта Y.

4. Заключение

Как представляется, результаты проведенного исследования позволяют ввести проблему образного видения мира в собственно лингвистический контекст и поставить ее на вполне определенное и достаточно видное место. Хотелось бы надеяться, что нам удалось, хотя бы на весьма небольшом участке языкового пространства продемонстрировать вполне конкретную роль в структуре языка образного представления (которое обычно считается неким "общим местом"). И наконец, закончим (как и подобает не утверждением а вопросом: уж не образ ли дарует Языку то "творческое начало", которое является столь же "общим местом" лингвистики, как и образ, и как образ столь же смутно, неопределенно и туманно?..)*

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? - Проблемы структурной лингвистики 1981, М., Наука, 1983.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М., Наука, 1988.
3. Арутюнова Н.Д. Образ (опыт концептуального анализа) - Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
4. Арутюнова Н.Д. "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) - Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., Наука, 1989.
5. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря. - Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986, вып. 18: Логический анализ естественного языка.
6. Крысин Л.П. Квазисимметричные предикаты (экспликация условий употребления). - Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.
7. Лауфер Н.И. Об одном способе выражения мнения. - Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
8. Туровский В.В. КАК, ПОХОЖ, НАПОМИНАТЬ, ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СРАВНЕНИЯ: толкования для группы квазисинонимов. - Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.

* Приношу искреннюю благодарность Н.Д. Арутюновой и И.М. Кобозевой, взявшим на себя труд прочитать первый вариант статьи и сделавшим ряд ценных замечаний.

А.И. ПОЛТОРАЦКИЙ
СООТНЕСЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ¹

Концепция синонимии предполагает, как известно, близость значений у слов-синонимов, которые к тому же и различаются, причем и по своей форме, и по содержанию. Различия по содержанию побуждают нас сравнивать синонимы друг с другом, чтобы из нескольких возможных выбрать именно то самое — единственное — слово, которое одно только способно передать в высказывании желаемое. Эта идея издавна владеет умами пишущих. Флобер утверждал, например, что "весь талант писателя, в конце концов, состоит лишь в выборе слов" и что "точная мысль влечет за собой точное слово (и им является)" [5, т. I, с. 201, 410]. Свообразным подтверждением, а не опровержением подобных постулатов следует считать употребление в высказывании не одного-единственного "точного слова", а вместо него сразу двух, трех, четырех и более синонимичных слов, в чем, собственно, и состоят канонизированные и не канонизированные приемы соотнесения синонимов в художественной речи.

Реализация этих стилистических (художественных, риторических) приемов в конкретном тексте требует, прежде всего, чтобы несколько (не менее двух) синонимов были помещены в нем либо в непосредственном, либо в достаточно близком соседстве. Само по себе, од-

¹ В статье, за одним исключением, умышленно не дается перевод примеров, поскольку установить для членов синонимических рядов взаимно-адекватные межъязыковые соответствия не представляется возможным (см. [3, с. 504-506]). Отсутствуют и исчерпывающие описания значений представленных синонимов, если, однако, последние оказывались включенными в "Англо-русский синонимический словарь" [1], на него всякий раз делалась отсылка. Различия между собственно синонимами и квазисинонимами (см. [2 и 3]) в расчет не принимались. Наряду с лексическими синонимами в некоторых примерах фигурируют немногочисленные фразеологизмы и перифрастические словосочетания, что, как представляется, общей картины принципиально не меняет. Курсив во всех примерах воспроизводится по тексту произведений, разрядка во всех случаях моя. А.П.

нако, подобное соседство не каждый раз способно обеспечить какой-то положительный стилистический эффект. Оно бывает обусловлено отнюдь не характером или манерой изложения, а целиком и полностью потребностями содержания и потому не привлекает к себе внимания как таковое или, более того, остается незамеченным. В отличие от стилистических (и пр.) приемов значимого соположения синонимов, это могут быть случаи соположения казуального, соседства как бы непреднамеренного.

К таковым относятся нижеследующие примеры (1) и (2). Речь в каждом из них идет о двух различающихся между собой предметах или явлениях действительности. Для обозначения их берутся по два различных слова, которые оказываются синонимами:

(1) The cottage door was open and the combined howls of an infant and a child poured out into the sunny morning. (Josephine Tey)

(2) On an afternoon in May, when the London streets were bright with the baskets of flower-girls, and the smell of petrol and wood paving could not altogether drown the fragrant scents of summer, Adam went to see Mrs Ponfrey at her Great house in Curzon Street. (John Buchan) (см. [I, с.396-397]).

Как можно видеть, различию в обозначаемых предметах и явлениях соответствует здесь семантически "выверенное" различие лексических обозначений (возраст детей, качество запахов), и какой-бы то ни было стилистический эффект в этих (и им подобных) случаях не обнаруживается.

То же справедливо и для случаев иного рода, в которых синонимы таковыми не воспринимаются, хотя, при поверхностном прочтении, их близкое соседство в тексте выглядит не рекомендуемым повторением тождественных языковых средств (отрицательный стилистический эффект):

(3) The judge's chambers consisted of two small rooms, the smaller his clerk's, the larger belonging to the judge himself (Harold Robins)

(4) In my Father's house are many mansions. (St. John, 14:2)

Несмотря на то, что chamber / room и house / mansion по своим основным значениям являются-таки синонимами, синонимия в рассматриваемых примерах оказывается мнимой. В chambers реализуется спе-

пиальное (терминологическое) значение этого существительного, приобретаемое им во множественном числе, а именно: "камера мирового судьи (в которой он разбирает мелкие дела)" [4, т. I, с. 238], а mansion одним из своих (словарных) значений имеет давно устоявшуюся метафору - ср. тот же евангельский стих в русском переводе: "В доме Отца Моего обителей много" (От Иоанна, 14:2). И в этих двух примерах разные слова соответствуют разным предметам и явлениям. Как положительный, так и отрицательный стилистический эффект отсутствует и здесь.

По совершенно иному принципу строится фигура речи "Synonymia", входившая в инвентарь стилистических приемов (тропов и фигур) ранних английских риторик XVI-XVII вв. Она состоит в том, что один и тот же предмет или явление действительности, одно и то же действие, процесс или состояние, один и тот же признак или качество обозначаются - с целью "придать высказыванию больше силы" - цепочкой синонимичных слов и выражений, не менее трех подряд. Так, например, Макбет, узнав, что сыну Банко удалось спастись от наемного убийцы, восклицает:

(5) But now I am cabin'd, scribb'd, con-
fin'd, bound in

To any doubts and fears. (III, 4, 24-25)

Эта фигура была в то время настолько популярна, что Шекспир избрал ее в комедии "Напрасные усилия любви" в качестве объекта пародии. Избытком синонимов отличаются там высказывания и послания одного из комических персонажей Дона Армадо:

(6) ... that event (...) that draweth from my snow-white pen the
ebon-coloured ink which here thou viewest, behold-
dest, surveyest, or seest. (I, 2, 244)

Тем же отличаются и разглагольствования другого комического персонажа, школьного учителя Олоферна:

(7) The deer was as you know, sanguis, - in blood; ripe as pomewater, who now hangeth like a jewel in the ear of coelo, - the sky, the walkin, the heaven; and anon falleth, like a crab, on the face of terra - the soil, the land, the earth (IV, 2, 3-8)

(мишенью пародии в этом примере является макароническая речь, в составе которой цепочки синонимов - пародийно же - функционируют как вполне корректные толкования латинско-английского словаря).

Хотя название данной фигуры - "Synonymia" - было в англо-язычной литературной традиции давно забыто, сам этот прием (подводимый иногда под общее понятие намеренного плеоназма) продолжал, тем не менее, и продолжает применяться до сих пор:

(8) "He must be mad!"

"M a d a s a h a t t e r , s r a z u a s a c o o t , n u t t y a s a f r u i t - c a k e !" (Iris Murdoch)

(в этом примере синонимичны как прилагательные сами по себе, так и клишированные сравнения в целом)

Данный прием может быть применен и с некоторыми модификациями. Так, например, повествователь или персонаж произведения открыто предлагает иногда читателю или другому персонажу несколько синонимов на выбор:

(9) Melfort is a religious genius. (...) Everyting about him is devoted - dedicated - consecrated - whatever you choose to call it. (John Buchan)

Если подобный комментарий предшествует предлагаемой цепочке синонимов, то до какой-то степени или же полностью снимается эмфаза, зато акцентируются семантические и прочие нюансы входящих в цепочку слов и выражений:

(10) To put it quite simply this had been a boy who from his early youth had been completely unsatisfactory. You can call it by what term you like. A young delinquent, a young thug, a bad lot, a person of diminished responsibility. (Agatha Christie)

С данной фигурой можно сопоставить уже не "локально" стилистический, а развертываемый в тексте литературный прием, который оформляется как поиски в прямой или - гораздо чаще - в так называемой внутренней речи повествователя или персонажа нужного ему слова, что и является само по себе содержанием данного высказывания. Синонимы в подобных случаях обычно не сопровождают, а переменяются комментариями и потому не всегда располагаются подряд:

(11) After all, while it would have been nice to have s q u a r e d one member of the Court - no 's q u a r e d' didn't sound very nice - to have w o r k e d o n - no, that wasn't too good either - to have e o f t e n e d u p - certainly not - to have c o n d i t i o n e d - no - i n f l u e n c e d

- no - b r i b e d - no, how horrible - no, perhaps it was just as well that her little idea had not borne fruit. She would sleep happier as it was. (Henry Cecil)

Тот же стилистический, художественный, риторический эффект усиления, та же интенсификация высказывания, определяющие назначение рассмотренной фигуры, имеют место в не канонизированных, не получивших в литературной традиции терминологического обозначения, стилистических приемах, которые оперируют не многочисленными цепочками, а только парами синонимов:

(12) "It's d i a b o l i c a l", the duke of Croydon said.

(...) "It's ingenious, d e v i l i s h , and d i a b o l i c a l . But it might, it just might work". (Arthur Hailey)

(13) Joyce seemed as tranquil as ever, if not more so. Diana n e r v o u s or n e r v u , her eyes widened and blinking a lot. (Kingsley Amis)

Такие пары слов, как и цепочки фигуры "Synonymia" тоже обозначают в высказывании только один предмет, процесс, признак и т.д. Синонимы при этом сопоставляются, но, будучи различными обозначающими, они одновременно и противопоставляются друг другу. Тем самым актуализируются какие-то, хотя бы минимальные, не формальные их различия. Последние предполагаются также и присутствием союза - сочинительного, как в (I2), или пояснительного, как в (I3). Эти различия необязательно сугубо семантические. Так, если в (I2) у синонимов данной пары есть все же незначительная разница в значениях, то в (I3) у сведенных в пару точных, к тому же однокорневых, синонимов никакой разницы в значениях отыскать не удастся (поэтому "Англо-русский синонимический словарь" толкует оба слова совокупно [I, с.255, 228]). Отличие (не формальное) nervous от nervu определяется, судя по всему, лишь коннотациями их суффиксов: заимствованный / исконный, книжно-нейтральный / нейтрально-разговорный, (вероятно) менее / более продуктивный.

И все же, несмотря на эту органически присущую намеренному соположению синонимов презумпцию различий, на первый план в рассматриваемом приеме выходят, конечно же, эффект усиления и интенсификация высказывания, которые создаются ничем иным, как близостью значений сопологаемых синонимов, намеренною смысловую избыточностью при соположении. Характерно, что тот же эффект преследуют и бытующие в современном речевом употреблении, давно уже

ставшие автономными, синонимические фразеологизмы типа: in any shape or form, of any sort or kind, save and except и др. У многих из них близость или тождество значений подкреплены фигурами тождества звучаний – аллитерацией, ассонансом, анафорой, равнозначностью: part and parcel, safe and sound, with might and main, kith and kin, between and betwixt, really and truly и т.д. Однако происхождение, причем самой модели, а не отдельно взятых фразеологизмов, объясняют причинами сугубо прагматического свойства. В эпоху англо-норманнского двуязычия (XII–XV вв.) разного рода двойные, то есть исконное плюс заимствованное, словесные обозначения широко употребляли "для подстраховки", в особенности в делопроизводстве, следы чего сохранились до сих пор в таких, например, юридических клише, как: goods and chattels, breaking and entering, able and willing, made and signed [8, с.208].

Общему принципу интенсификации, обусловленной близостью значений, следует и прием одновременного сопоставления–противопоставления синонимов, которые принадлежат заведомо разным стилистическим пластам лексики языка. Предлагается вместо какого-то одного слова – но ведь, тем самым, и вместе с ним! – слово другое, обычно более сниженного характера (нейтральное вместо книжного, разговорное вместо нейтрального, сленгизм вместо разговорного и т.д., и т.п.), что, как уже было в (9), (10), (11), сопровождается и подчеркивается комментариями повествователя или персонажа:

(14) "You also know, or should, that as a banker I am t o u g h - h a r d - n o s e d , if anyone prefers that word" (Arthur Hailey)

Подобные комментарии в ряде случаев вполне можно рассматривать как, по определению Л. Блумфильда [7, с.413], "вторичную реакцию на язык". Она может быть "наивной":

(15) "... she's p s y c h o p a t i c . So's her husband. They're both p s y c h o p a t h i c . That's Park Avenue for bat-ty". (Rex Stout)

Но она может быть и лингвистически вполне корректной:

(16) I wrote all day and every day – reams of it – and daily consigned three quarters of what I had written to the w a s - t e - p a p e r b a s k e t (the t r a s h - b i n , to be colloquial). (Gerald Moore)

В следующем примере вторичная реакция юмористически отражает из-

вечную после норманнского завоевания синонимическую дилемму носителя английского языка:

(17) If you like Anglo-Saxon, I b e l c h e d . If you fancy Latin, I e r u c t e d . No matter which, (...) that is always a part of my reaction to sauerkraut. (Rex Stout)

В приемах парного соотнесения синонимов наряду с принципом интенсификации действует и другой принцип - уточнения или детализации. В таких приемах из синонимического ряда берется самое или же более общее по значению слово и на его фоне у другого слова, синонимичного ему, актуализуется и акцентируется искомый смысловой нюанс:

(18) Their host, armed with sherry bottles, pushed his way through to meet them.

"I'm so glad", he breathed. "Sorry about this awful c r o w d : such a m o b". (Helen MacInnes)

(второй синоним в этом примере подобран так, что превращается на фоне первого в метафору).

Актуализация смысловых отличий приемами уточнения или детализации становится особенно заметной, если сопоставить и сравнить друг с другом взятые из разных источников примеры, в которых "фонное" слово одно и то же, а уточняющие его синонимы различны:

(19) "I hate speaking in public", he kept muttering aggrievedly. "I detest speaking in public". (Edmund Crispin)

(20) "(...) You hate me, don't you? You are hating me, you are loathing me, in this very minute. Why don't you admit it?" (Iris Murdoch)

(и в том и другом примере уточнение реализуется посредством фигуры параллелизма).

Если бы в приведенных репликах сказано было только: I detest speaking in public! и You are loathing me! то и общая их выразительность была бы куда слабее, и компоненты значения, которыми to detest и to loathe отличаются от to hate (см. [I, с.201-202]), не проступали бы столь рельефно. Интенсификация в этих примерах (и в им подобных) по-видимому так же важна, как и детализация, хотя здесь не сопоставление предполагает противопоставление, а наоборот.

Самым, пожалуй, популярным стилистическим (и пр.) приемом парного соотнесения синонимов является прием, использующий в це-

лях уточнения или детализации отрицательную аналогию, а ее наиболее продуктивная модель – противопоставление синонимов посредством грамматического отрицания и противительного союза, преимущественно *but*:

(21) Her mother's "decisions" especially those pertaining to Helena, were not simply *a n o u n c e d*, but *p r o m u l - g a t e d*. (Mary McCarthy)

(22) What a view, I said again. The river was blank and mindless with beauty. It was the most glorious thing I have ever *s e e n*. But it was not *s e e n g*, really. For once it was not just *s e e n g*. It was *b e h o l d i n g*. I beheld the river in its icy pit brightness, in its far-below sound and indifference, in its large coil and tiny points. (James Dickey)

(в этом примере синонимическое уточнение подкреплено фигурами повтора).

В другой модели отрицательной аналогии используется лишь грамматическое отрицание при бессоюзной связи, что придает высказыванию большую эмфатичность:

(23) I think I can *l i v e* with him in Kalipur and not mind. *E x i s t*, not *l i v e*.

(24) She did not *w a l k* across the rutted track to the public tap: she *p r o g r e s s e d* towards it. She did not stoop to the water: she *i n c l i n e d* gracefully in its *d i r e c t i o n*. (J.Holland Smith).

(в этом примере отрицательная аналогия тоже реализуется посредством параллелизма).

Противопоставление синонимических различий, актуализуемое отрицательной аналогией, принимает иногда такой ракурс, что в результате синонимы функционируют как антонимы. Это имеет место, например, когда противопоставляемые синонимы занимают ключевые позиции в конструкциях антитетического параллелизма (антитеза есть по определению фигура речи, предполагающая антонимию как таковая):

(25) Though I am always in *h a s t e*, I am never in a *h u r - r y*. (John Wesley)

(26) She had not been *a l o n e* in those years, but she had been *l o n e l y*. (Irving Wallace) (см. I, с.31)

В обоих этих примерах, в особенности в последнем, обыгрывается и смысловое противоречие близкое оксюмору – фигура, в основе кото-

рой тоже лежит антонимия.

В приемах синонимического уточнения или детализации встречаются и такие случаи, когда посредством отрицательной аналогии (или иными способами) акцентировано не "частное" значение у уточняющего, а, наоборот, более общее у "фонового" синонима:

(27) He could be e x c i t e d but not e x a l t e d . Wonder had gone, even glamour had peeled off; there was only a changing pattern, to be shuffled into a new, instant, ephemeral sensation. (Melvin Bragg)

См. также (25).

Хотя во всех рассмотренных здесь примерах с отрицательной аналогией на первый план бесспорно выдвигается принцип уточнения (детализации), ни в одном из них эффект усиления высказывания не сводится на нет. Проверить справедливость данного утверждения можно тем же способом, что применялся выше (с.89), то есть искусственно элиминируя "фонный" синоним - ср., например, такое предложение, как He had called on me and declared the news и следующий пример:

(28) George Passant had called on me and had, not b r o k e n , but d e c l a r e d the news which still at times hag-rode me. (S.P. Snow)

Когда при уточнении (детализации) синонимических средств выражения сопроводительные комментарии повествователя или персонажа выходят за пределы бросаемых как бы мимоходом замечаний, имеет место не "локально" стилистический, а литературный прием (ср. выше, с.5). При всей его развернутости в тексте способы реализации синонимического уточнения те же. Таким же образом на фоне более общего по значению слова актуализуется и акцентируется искомый смысловой нюанс у другого:

(29) If Ambrose was indeed scared, it was plain that he was quite genuinely a n g r y as well. Perhaps it would have been better to say 'e n r a g e d', There were veins standing out in an ugly way at his temples. But possibly, Appleby thought, this was his habitual emotional state. (Michael Innes)

Так же может актуализоваться не "частный" смысловой признак, а более общее значение:

(30) He just l o o k e d at me - 's t a r e d' is too strong a word for what those wet, pale eyes could do, but it was a

steady, straight look. (Gavin Lyall)

Наконец, для актуализации смысловых нюансов используется и отрицательная аналогия:

(31) It is a universally held opinion of our day that full-grown men do not shed tears. I'm quite a weeper myself, but I'm not a sobber. I weep at music and at books and I weep at the movies. I never sob.

(Thornton Wilder)

(32) <совет старшего по чину полицейского своему стажеру >

"I treat everyone the same, white or black. I'm civil to all people, courteous to none. I think courtesy implies servility. Policemen don't have to be servile or apologize for doing their job". (Joseph Wambaugh) (см. [I, с.321-324])

В литературном приеме уточнения (детализации) есть, между тем, и свой способ противопоставления синонимов, а именно - репликами диалога:

(33) "It's no place for a lady".

"I'm not a lady. I'm a woman". (John Buchan)

(34) "I was thinking particularly of motive. Here is an imaginative criminal"

"A gratuitous assumption, inspector. Say a fanciful criminal". (Michael Innes) (см. [I, с.222-225])

В произведении художественной литературы диалогическая речь персонажей выполняет в отличие от разговора в действительности и дополнительное коммуникативное задание. Если реальный диалог полностью обусловлен реальной же ситуацией общения, то в диалоге вымышленных персонажей их вымышленная речь не столько обусловлена своей вымышленной ситуацией, сколько призвана создавать ее сама. И здесь прием синонимического уточнения может сыграть отнюдь не последнюю из ролей. Это может быть, скажем, детективная завязка:

(35) "I suppose you'll deny" said the youngster hotly, "that a man was killed there as late as 1920?"

This looked more like business.

"Killed? You mean murdered?"

"I don't know whether he was murdered. I don't know what did happen to him". (John Dickson Carr)

Это может быть упражнение в остроумии в светском разговоре ради

разговора:

(36) LORD WINDERMERE: (...) You must leave Mrs Erlynne alone. You don't really know anything about her, and you're always talking s c a n d a l against her.

CECIL GRAHAM: My dear Arthur, I never talk s c a n d a l. I only talk g o s s i p .

LORD WINDERMERE: What is the difference between s c a n d a l and g o s s i p ?

CECIL GRAHAM: Oh! g o s s i p is charming. History is merely g o s s i p . But s c a n d a l is g o s s i p made tedious by morality. Now, I never moralise. A man who moralises is usually a hypocrite, and a woman who moralises is invariably plain. (Oscar Wilde)

Это может быть драматизация обстановки:

(37) He drew his legs in and leaned forward.

"A f r a i d ?" he asked.

"Yes, unless you like s c a r e d better". (Dashiell Hammet)

Это может быть штрих к характеристике говорящего:

(38) "(...) Rather s h o r t and t h i c k . R e d d i s h hair?"

"S q u a t , f a t and g i n g e r , my dear. Don't be so delicate. Frank doesn't appreciate delicacy". (Paul Scott)

Это может быть также и многое другое, но при этом не стоит забывать, что все назначения данной вторичной функции синонимического уточнения базируются в рассмотренном литературном и в однотипных стилистических приемах на уточнении как таковом. А как таковое - в своей первичной функции - оно периодически необходимо в тех или иных конкретных ситуациях общения, хотя бы (как самый очевидный случай) в юридической практике, что и отражается, более или менее достоверно, в художественных произведениях:

(39) "But there was a q u a r r e l".

"A q u a r r e l ? Are you sure?"

"Well, a d i s p u t e".

"Are you sure of that?"

"An a r g u m e n t. But at the end Sir Gabriel was certainly angry. He raised his voice". (Michael Innes)

(40) < повествование ведется от лица инспектора налогового управления > I should make clear that Arnold was not in any crude

sense 'spoil' by success. He was no tax-d o d g e r with a yacht and a house in Malta (we sometimes laughingly discussed tax-a v o i d a n c e , but never tax-e v a s i o n). (Iris Murdoch) (см. [I, с.55])

Специфика семантики какого-либо слова может, как представляется, периодически же требовать его семантической корреляции с другими членами своего синонимического ряда (или рядов), а частным случаем подобной корреляции может быть повторное обозначение того же самого предмета, действия, признака и т.д. еще одним (синонимичным) словом, дабы предотвратить возможную нейтрализацию их семантических различий (о нейтрализации см. [2;3]). Предположительно и по несистематическим наблюдениям к таковым словам в художественных текстах относятся, например, глагол широкого значения to love, который - помимо прочего - обозначает и "испытывать любовь к человеку другого пола" (см. I, с.228). Именно это, как раз, и требует нередко уточнения:

(41) <из разговора брата и сестры> "I l o v e you, Kate. Really I do. More than anyone in the world. But Loo. I'm i n l o v e with her. I'm c r a z y about her. You'd like her if you knew her, Kate". He became reasonable and sententious. "L o - v e and i n l o v e , Kate. There's the difference" (Graham Greene)

(42) He l o v e d her still, but was no longer i n l o v e with her. (Mary McCarthy)

(43) "You mean you l o v e me? said Hattie.

"Yes", said John Robert.

"You l o v e me like - like grandfather - or like - like being i n l o v e ?"

"The latter", said John Robert in a low voice. (Iris Murdoch)

Сходное в общих чертах положение складывается (тоже предположительно, по тем же источникам) и для глаголов to want и to wish ("wish but not want") (см. также [I, с.472-474]) или же прилагательных female ("but not feminine") и feminine ("but not effeminate") и др. Думается, что всегда для своего времени, своего социума, своего жанра и т.д. может быть выявлена целая совокупность слов, нуждающихся, по указанной причине, в уточнении регулярно.

Как бы там ни было, но вероятно любое противопоставление синонимов в высказывании должно быть обязательно, если не вынужден-

ным, то, по крайней мере, оправданным. Какая-то своя мотивировка должна быть и у сопоставления синонимов ради интенсификации и стилистических эффектов. Косвенное тому подтверждение могут, по-видимому, дать два нижеследующих примера. Они взяты из "отрицательного языкового материала" (формулировка Л.В. Щербы [6, с.288]), которым изобилует некогда знаменитый "Словарь правильной речи" Г.У. Фаулера ([9] - впервые издан в 1926 г., но его данные почерпнуты из беллетристики и периодики, в основном, 1890-1914 гг.). В одной из статей "Словаря" рассматривается то, что Ю.Д. Апресян определяет как "тип синонимических замен, вызываемых стилистическим требованием варьирования средств выражения одной и той же мысли в пределах ограниченного текста" [3, с.503]. В этой статье "Словаря", не без иронии озаглавленной Elegant Variation, Фаулер щедро цитирует и частично разбирает предпринимавшиеся с благими намерениями, но явно неудачные попытки таких замен:

(44) The Bohemian Diet will be the second Parliament to elect women deputies, for Sweden has several lady deputies. [9, с.149]

Комментарий Фаулера: "What has Bohemia done that its females should be mere women? [там же] Ср. также (33)

(45) The total number of farming properties is 250,000; of these only 800 have more than 600 acres, 1,600 possess between 300 and 600 acres; while 116,000 own less than eight acres apiece". [9, с.150]

Комментарий Фаулера: "if while is changed to and, possess and own, which anyhow require not properties but proprietors, can be dropped". [там же]

Присутствие в каждом из этих примеров "фонового" синонима (have, women), имеющего в обоих случаях самое общее значение в своем ряду, подчеркивает смысловые отличия остальных, что, как можно видеть, не только излишне, но и вводит в заблуждение. Излишней оказывается в (45) и некоторая, возникающая благодаря скоплению трех синонимов интенсификация высказывания. Имеет место отрицательный стилистический эффект, которого можно было бы избежать, используя - что и рекомендует делать Фаулер - иное построение предложений.

Объяснить, почему что-то написано "не так", всегда гораздо проще, чем объяснить обратное. И, тем не менее, секрет успешного соотношения синонимов искать, по-видимому, следует в совокупном, 122

именно совокупном обозначении многочленной ли цепочкой или же парой синонимов одного и того же — единого — явления действительности, если подобный способ своего словесного обозначения оно приемлет (не в том смысле, что оно действительно является настолько многогранным, а в том, что в данном своем контексте оно способно выглядеть и быть воспринято таким). Его представление в приемах многочленного и парного сопоставления синонимов можно уподобить толкованию заголовочных слов в двуязычном словаре, где им дается не один эквивалент, а ряд, по определению Ю.Д. Апресяна, "квази-эквивалентов" [3, с.506]. Приемами сопоставления идея Флоберовского "точного слова" претворяется в использование суммы слов, идет процесс как бы арифметического сложения. В приемах же противопоставления (только парного) идет процесс как бы вычитания, причем, опять-таки, при потенциальной сумме из двух слов, имеющих налицо, при совокупном — все же! — обозначении ими единого явления действительности. И в том, и в другом случае происходит парадигматическая интеграция лексических синонимов, для чего и актуализуются их различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский синонимический словарь. М., Рус.яз., 1979.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., Наука, 1974.
3. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь. — В [1, с.500-543],
4. Большой англо-русский словарь. т. I-2. М., Сов.энц., 1972.
5. Флобер Гюстав. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи. т. I-2. М., Худ.лит-ра, 1984.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., Наука, 1974.
7. Bloomfield L. A Leonard Bloomfield Anthology. Bloomington-London, 1970.
8. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. London and Harlow, 1969.
9. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Second Edition revised by Sir Ernest Gowers. Oxford, 1965.

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ И ТИПЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ СЛОВ В ЯЗЫКЕ

В центре внимания настоящей работы лежит анализ некоторых механизмов метафоризации. Речь идет о путях образования метафорических значений слов и об отражении последних в толковом словаре.

Толковые словари естественных языков, как известно, не только отражают системные связи между объектами, но в той или иной мере пытаются фиксировать динамику семантического развития. С помощью словаря мы можем изучать такие семантические процессы, как расширение и сужение значений, сдвиги в значениях, образование новых слов, разнообразные семантические переносы и т.п. Среди последних особое место занимает метафорический перенос — чрезвычайно живой, продуктивный и творческий языковой процесс. Языковая метафора и тесно связанный с нею коннотативный аспект семантики являются при этом едва ли не самыми популярными объектами семантических исследований. Однако несмотря на поистине бесчисленное множество работ в этой сфере, столь же огромным предстает количество нерешенных и даже непоставленных здесь вопросов. Назовем лишь несколько из них, так или иначе затрагиваемые в настоящей работе.

- (1) Проблема дефиниции переносного значения в структуре многозначного слова;
- (2) характеристика и способы фиксации семантической связи основного (исходного) и переносного (производного) значений в пределах одной вокабулы;
- (3) проблема тождества и различия коннотаций у разных слов;
- (4) механизмы образования метафорических переносных значений на базе коннотаций;
- (5) построение семантической типологии переносных значений лексических единиц.

Литература, в которой рассматривается какая-то сторона перечисленных проблем, составляет основной фонд публикаций по метафоре и, шире, тропеистике. Достаточно сослаться на появившийся недавно неполный обзор [1], содержащий более ста единиц наименований. Из них интересующие нас темы упоминаются примерно в семидесяти процентах статей и монографий. Укажем тут лишь те исследования, которые оказались наиболее близкими нам по духу, методу или проблематике и результаты которых были каким-то образом учтены при написании данной статьи. Это работы Ю.Д.Апресяна

[2,3], Н.Д.Арутюновой [4-7], Е.М.Вольф [8-10], Н.Н.Перцовой [11,12], В.Н.Телии [13,14], Д.Н.Шмелева [15], а также сборники [16,17]. Отдельно следует назвать глубокие и важные для разработки общей теории коннотации статьи Л.Н.Иорданской и И.А.Мельчука [18], а также Ю.Д.Апресяна [19]. Первая из них послужила для нас непосредственным стимулом к размышлениям над проблематикой коннотаций и метафорического переноса, вторая (еще не появившаяся в печати), помимо прочего, навела нас на дополнительные размышления над внешне казалось бы вполне ясными вопросами, многие из которых, думается, еще долго будут ждать правильного ответа.

§ I. Зооморфизмы

Богатый и благодатный эмпирический материал, как совершенно справедливо отмечается во многих исследованиях, дают зооморфизмы, т.е. слова баран, волк, ворона, горилла, змея, змеи, шак, козел, лиса, медведь, обезьяна, осел, пес, собака, толень, червяк и др. Образование переносных значений от имен животных - это живой семантический процесс, развивающийся чуть ли не на наших глазах, что вполне осознается носителями языка. В повседневной лексике многих, в особенности молодых, людей перенос названия животного на лицо чрезвычайно продуктивен и нередко подменяет простые "человеческие" номинации. Более того, перенос используется даже там, где это представляется недопустимым ни по социальным, ни по культурным нормам. Эта черта современной разговорной речи была подмечена и довольно тонко осмеяна в одном юмористическом рассказе, фрагмент которого мы позволим себе здесь привести: "Оказалось, что в доме, в котором я соизволю числиться жильцом, живут "коровы", "подколодные змеи", "сазаны", "крокодилы" и всякие иные представители животного мира. Это обстоятельство, естественно, привело в смятение мою психику. Но спустя некоторое время выяснилось, что наш дом не исключение. В моем присутствии один мой знакомый самым категорическим образом утверждал, что его начальник - "осел", секретарша начальника - "людоедка". Непосредственных впечатлений от секретарши я не имел, но начальника знаю лично. Мне не кажется, что он "осел", поскольку я не видел, чтобы он брыкался. Но в конце концов как знать - мой знакомый общается с ним ежедневно, получает там зарплату и наверняка все знает лучше меня. К тому же он ветеринарный врач. Какой-то случайный прохожий назвал собственную жену "овцой", а она его "козлом". Кондукторша в автобусе обзвала одну бабку "поганкой". При этом она, как видно, и впрямь оказалась ядовитой - во всяком случае

протолкалась сквозь толпу с явным намерением вцепиться кондукторше в волосы и растрепать ей прическу. Она, как видно, почувствовала обиду, так как всем известно, что поганка не принадлежит царству животных, а является грибом... Таким образом, оказалось, что и окружающая нас действительность густо населена фауной. В трамваях, магазинах, учреждениях и на предприятиях можно встретить и "носорогов" и "макак", и "коз", и "телят", и "баранов", и "быков". Просто в толк не возьму, почему в газетах пишут, что животноводство у нас хромает... Мне давно известно, что моя жена - "лисица". А продавщица в одном текстильном магазине уведомила остальных покупателей, что я "скотина". Ну ладно, пускай "скотина", но хоть бы уточнила, какого именно рода, "безмозглая курица"!

Высокая употребительность указанных наименований - одна, но не единственная причина, по которой многие специалисты по метафоре выбирают их в качестве модельных единиц. Например, в работе [18] каноническим примером (впервые, видимо, проанализированным ранее Ю.Д. Апресяном в [2]), на котором демонстрируются некоторые важные положения теории коннотаций, служат два слова из приведенной группы - ишак и осел. Выбор их тоже не случаен. Дело в том, что в своих исходных значениях эти слова являются (почти) точными синонимами, тогда как коннотации их разительно отличаются. К сожалению, публикацию [18] мы не можем считать широко известной, а поскольку обсуждение ряда ее положений приводит нас к некоторым гипотезам и выводам, познакомим читателей со словарным описанием этих двух слов, приводимым в [18]. Имеются две вокабулы ОСЕЛ и ИШАК, каждая из которых состоит из трех лексем:

ОСЕЛ, осли, ослы, муж.род

1а. Домашнее животное, разводимое в качестве вьючного или упряжного, - высотой в половину человеческого роста, серое, с длинными ушами и тонким хвостом.

1б. Самец осли 1а.

Коннотация: '(упрямо) глупый'

2. (Упрямо) глупый [как бы осел 1б] человек мужского пола¹.

¹ Остается открытым вопрос, в каких контекстах осел, может относиться к мужскому, а в каких к женскому полу. Существование последних контекстов очевидно, например, в диалоге:

- Какой осел это сказал? - грозно спросил директор.
- Я - донесся писклявый женский голос.

ИШАК, ишака, ишаки, муж.род

1а. Осел в Средней Азии.

Коннотация: 'безропотно выполняющий тяжелую или долгую работу'

1б. Самец ишака 1а.

2. Человек, безропотно выполняющий тяжелую или долгую работу
[как бы ишак 1а].

Из этих толкований мы видим, что в своих основных значениях 1а и 1б слова осел и ишак отличаются по смыслу только на географический компонент 'в Средней Азии', а коннотации и основанные на них переносные значения совершенно разные. Разберем подробнее структуру толкования переносных значений. Каждое из них содержит семантический элемент 'как бы', присоединяемый к имени лексемы, на базе коннотации которой осуществляется перенос. Возьмем, к примеру, лексику ОСЕЛ 2. Введение в ее семантическую запись составляющей 'как бы ОСЕЛ 1б' должно, видимо, по замыслу лексикографа передать идею возникновения у говорящего соответствующего образа и намерение говорящего вызвать аналогичный образ у слушающего.

Что же касается структурной функции составляющей, начинающейся с как бы, то ее роль и назначение - служить связующим звеном между исходным и переносным значением внутри вокабулы. Здесь нелишним будет указать, что эта роль является конституирующей при определении коннотации в работе [18]; ср. "Коннотация является средством эксплицитного представления воспринимаемой говорящими семантической связи между двумя лексическими единицами L и L' , означающие которых имеют значительную общую часть (в частности, эти означающие совпадают или же означающее L включает в себя означающее L'), в том случае, если эта связь не представлена непосредственно в толкованиях L и L' ", или, в другом месте той же работы: "Их (коннотаций - Г.К.) функции чисто внутрисистемные - на них опираются семантические связи между лексическими единицами, которые не вытекают из общих элементов толкования".

Способ образования метафорических значений с помощью элемента 'как бы' (или в ряде работ - 'как если бы') многими считается единственным и универсальным, ср., например, утверждение К.К.Жоля, что всякая метафора "формируется и используется в контексте 'как если бы' " [14], а также анализ этого, еще кантовского принципа применительно к естественному языку в статье [14]: "метафоризация - это процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыкования путем использования уже имеющихся в

языке наименований. В этом процессе взаимодействуют следующие сущности (или актанты): субъект метафоры и его новое знание о мире — с одной стороны, а другой — его знание языковых значений и их ассоциативных комплексов (личный тезаурус); субъект метафоры и его замысел относительно объема нового понятия и цели метафорической интеракции, что включает в этот процесс и фактор адресата. Кроме этих сущностей, в метафоре взаимодействуют ряд процессов и отношений. К числу отношений, объединяющих субъекта метафоры и ее вспомогательные средства, относятся модус фиктивности 'как если бы X тождественен Y-ку', модус антропометричности, который соизмеряет свойства со стереотипами в масштабе знаний человека о мире или языковой картине мира; опеночный модус, эмотивный модус" [14, с.46]. Действительно ли принцип *als ob* является универсальным и потому уникальным, увидим чуть позже, а сейчас следует сказать, что мы не можем считать адекватно передающей все эти несомненно наличествующие ощущения форму 'как бы' исходным, неопределяемым лексикографическим средством. Данное переносное значение строится на базе не одного, а двух компонентов — "образного" и "сравнительного".

Процессы представления и сопоставления в корне различны, и каждому из них в толковании переносного значения должен отвечать отдельный семантический компонент. Для передачи образа, как нам кажется, лучше всего воспользоваться предложенным А.Везбицкой (правда, для иных целей) семантически простым, неразложимым на более мелкие единицы элементом 'вообрази (себе)'. Но далее встает вопрос, что "вообрази себе"? Разве когда мы называем человека (мужского пола) ослом, мы видим перед собой животное со всеми его характерными признаками, да к тому же еще и самца? Думается, что нет. Мы воображаем себе осла в аспекте глупости или упрямства, оцениваемого как глупое, т.е. осла в аспекте этих и только этих отличительных признаков. В образ, если можно так выразиться, не входят ни внешний облик животного, ни его поведенческие признаки, ни место обитания или кормления. Поэтому образную часть смысла лексемы ОСЕД 2 следует представлять как 'Вообрази себе осла с его глупостью или упрямством'.

Называя кого-либо ослом (в том числе и себя: Какой же я осел!), мы сравниваем человека с животным по глупости или по упрямству², и этот процесс сравнения (или даже уподобления) также должен получить отражение в толковании. Мы предлагаем следу-

² Ср. шутливую фразу Г.Гейне: "Бык создан для того, чтобы из не-
128

кую экспликацию этой части смысла лексемы ОСЕЛ 2: 'знай, что человек X похож на осла I своей глупостью или (глупым) упрямством'. Тем самым в толковом словаре толкование лексемы ОСЕЛ 2 выглядело бы так: ОСЕЛ 2 <о человеке мужского пола> = 'Вообрази себе осла с его глупостью или упрямством; знай, что человек X похож на осла своей глупостью или (глупым) упрямством; человек X глупый или (глупо) упрямый [как бы ОСЕЛ I]'.

Последний компонент, как **нетрудно** понять, выводим из двух первых и по формальным причинам мог бы вообще не включаться в толкование (связь значений при этом осуществлялась бы через общий референт "осел"). Однако здесь это включение, как нам кажется, необходимо, поскольку имеются не прямые, косвенные употребления лексемы ОСЕЛ 2, когда актуализируется именно результат двух процессов метафоризации; в этом случае квалификативное суждение 'человек X глупый или (глупо) упрямый' и подставляется при семантическом анализе на место лексемы: ср. Какой я осел, что согласился на его предложение = Какой я глупый (как осел), что согласился на его предложение. Все же выводимость последнего, третьего, компонента (и в этом отношении его вторичность), не случайна и, думается, отвечает интуиции. Действительно, экспрессивность самой лексемы диссонирует с "сухим" рациональным компонентом. Ведь именуя человека ослом, мы не просто даем характеристику человеку, квалифицируя или оценивая его по соответствующим параметрам, мы выражаем к нему свое отношение. И делаем это, во-первых, вызывая в сознании своем и адресата — образ более низкого существа — животного, и, во-вторых, сравнивая человека с этим животным.

Вспомним, что еще в 1929 г. В.Н.Волошинов первый обратил внимание на два типа высказываний, один из которых имеет целью выразить во внешних знаках внутренние знаки и требует от слушающего "чисто психологического понимания". Другой тип высказываний предполагает "чисто идеологическое, объективно-предметное" понимание. В первом случае высказывания также делятся на два класса. В один класс попадают высказывания, в которых выражается результат самонаблюдения (Я радуюсь; Я глупый) или наблюдения (Он молодец; Он глупый); здесь нет непосредственного выражения эмоционального переживания, и, следовательно, нет актуа-

зо делали бульон. Осел нужен для сравнения с человеком. А человек? Чтобы есть бульон и не быть похожим на осла".

лизиции внутреннего знака. В другом классе оказываются высказывания эмоционального переживания (Ура! Осел! Какой ты медведь!), где психическое состояние вырывается наружу, выплескиваясь в виде эмоции, или, как пишет В.Н.Волошинов "самонаблюдение (или наблюдение) во внутреннем опыте... становится объектом внешнего наблюдения (правда, несколько видоизменяясь при этом)".

Различие этих двух классов "психологических" высказываний весьма существенно и для лингвиста, и для психолога. Ведь здесь, как указывает В.Н.Волошинов, "совершается размежевание между психикой и идеологией" [20, с.45-46]. Если принять все эти допущения, то вторичность почти "идеологического" компонента 'человек Х глупый или (глупо) упрямый' будет вполне объяснимой.

Отсюда, кстати, абсолютно разные перлокутивные эффекты - в случае названия человека ослом и в случае констатации глупости человека. В первом случае обида (или самоуничтожение - в ситуации самоназвания), наносимая автором номинации адресату, несравненно больше, чем тогда, когда он просто констатирует глупость или упрямство адресата. Видимо, сознавая это, некоторые лингвисты предлагали ввести в толкование лексемы ОСЕЛ₂ элемент 'очень', усиливший отрицательную оценку адресата. Но, как убедительно показала А.Вежибicka [21], говоря Он глуп как осел, он осел и другие подобные фразы, мы произносим нечто качественно отличное от банального Он очень глупый или даже Он исключительно глупый³. Качественная же разнородность двух структур создается, на наш взгляд за счет более сложной семантической интерпретации первой из них.

Перейдем теперь еще к одному важному моменту, связанному с лексикографическим описанием слова осел - к определению самой коннотации и соответствующего ей компонента в толковании ОСЕЛ 2. В комментарии к своему толкованию авторы работы [18] пишут:

"Осел 2 - это именно 'глупый [а не: 'или упрямый'] человек'; например, в предложении Ну и осел же Скворцов!, Вот осел - отказался от такого выгодного предложения, Осел - глупец, но не упрямец". И далее: "Сочетания упрям, как осел, ослиное упрямство, упрямится, как осел означают, видимо, 'глупое упрямство'. Наконец, срав-

³ Поэтому, видимо, плоха сочинительная конструкция *Человек из палаты. # 3 был невысоким, тщедушным, ослом (= очень глупым человеком). Впрочем в языковой игре или при иронии такое сочинение качественно разных единиц допустимо: "Там в реках не вода течет, а вьина. На ветках жареные кашурины висят, как яблоки. Париж покину. Но не найду нигде такой страны! А если б и нашел - вздыхаю грустью: французов и ослов туда не пустят" (Г.де Венте).

нение как осел при нейтральном (т.е. не означающем 'упрямство') выражении означает только 'глупо', но не 'упрямо'. Ср. "Я вел себя (поступил), как осел; А он, как осел, выложил все деньги сразу". Между тем (и на это также указывают авторы) упрямство с ослом связано. В примере из [18] Он форменный осел, а также из К.Батикшова: Я истину ослам с улыбкой говорил... оценка скорее всего определена поведением человека, а именно, нежеланием воспринять какую-то информацию, или сопротивлением, нежеланием принять во внимание какие-то аргументы, доводы, отказом размышлять. Вообще, когда 'упрямство' вычитывается из предложения с ОСЕЛ 2, оно оценивается как 'глупое'. Это становится более очевидным, если параллельно с ОСЕЛ 2 рассмотреть лексему БАРАН 2. Последняя, будучи также производной лексической единицей, образована от неметафорической лексики БАРАН I, имеющей - при разных смыслах - сходные с ОСЕЛ I коннотации. Тупость человека, названного бараном, либо мотивирована его неспособностью понять или оценить что-либо, либо связана с полным отсутствием реактивности ума. Такого рода тупость мы обычно называем тупостью и часто судим о тупости по бессмысленному выражению лица, по глазам. Иными словами, тупость человека, называемого бараном, может иметь внешнее проявление; ср. смотреть бараными глазами; смотреть, как баран на новые ворота, баранье лицо. В принципе ослом можно назвать вообще-то умного, хотя и упрямого человека (оценивая, правда, само это упрямство как глупое, но не перенося этой оценки на человека в целом). Номинация баран была бы здесь неуместной. Если предложение Он уперся, как осел означает 'не хочет делать того, что ему говорят', то Он уперся, как баран значит 'не понимает и не способен понять'. Аналогичные смысловые различия "переходят" и на прилагательные, ср. ослиная голова и баранья голова. Существенно, что лексема ОСЕЛ 2 совсем не обязательно соотносится с пониманием (хотя во многих ситуациях и связана с ним), между тем как лексема БАРАН2 всегда связана с тупостью как 'неспособностью понять'. Вообще тупость может быть истолкована примерно как 'отрицательно оцениваемое актуальное поведение или постоянное свойство лица, состоящее в ...', а тупость - это только отрицательно оцениваемое свойство; ср. Он вел себя как осел и трудно интерпретируемое ?Он вел себя как баран. Ср. также ослиное поведение, ослиные повадки = 'манеры поведения' и *баранье поведение, *бараньи повадки.

Таким образом, осел применительно к человеку может указывать на эвентуальный, локализованный во времени признак, а баран — это всегда характеристика постоянная, не подверженная изменению во времени. Возможно, по этой причине кличка баран более резкая, чем осел: она звучит и грубее и обиднее для адресата, ее крайне редко можно встретить в самоназваниях: ‘Ох, я баран!’, ‘Ну и баран же я!’ Когда слово осел связано с поведением человека, основные оценки можно синтаксически присоединить к этому слову: ‘Какой же я осел, что не посмотрел этот фильм!’, но когда осел выступает как оценка свойства или способности, такое присоединение недопустимо: ‘Какой я осел, что не понял вас, *Какой же он осел, что ленив (при правильном Какой же он осел, что ленился)’. Понятно, что с именем баран, в основание которого уже входит мотивировка, указанное присоединение дает аномалию: ‘Какой же я баран, что...’

Вернемся теперь к ‘упрямству’. Оно часто оценивается как ‘глупое поведение, выражающееся в неоднократном или длительном [квантованность vs. неквантованность Р] совершении [вопреки необходимости или здравому смыслу] некоторого действия Р (ср. А он упрямо все долдонит свое; С фантастическим упрямством он продолжал спорить с Синициным, не признаваясь в своей промашке. Она упряма: если скажут, пойдем туда, (она) не пойдет или пойдет не сразу).

Именно так и обстоит дело с тем упрямством, которое заключается в лексеме ОСЕЛ 2, хотя само по себе упрямство вовсе не всегда бывает глупым: Сабонис упрямо бросал мяч в кольцо, преодолевая боль в пояснице. Он упрямый, и своего места в жизни добьется; Мы упрямо шли к цели, веря в свою звезду⁴. В этой связи третий компонент в толковании ОСЕЛ 2 должен быть сформулирован точнее: ‘глупый или (глупо) упрямый человек < о человеке мужского пола >’. ‘Глупость’ при этом, так сказать, более важный признак осла, нежели ‘упрямство’: смысл ‘глупость’ не только присутствует всегда, даже если нет явно выраженного упрямства (ср. известное латинское изречение *Asinus asinum fricat* означающее буквально ‘Осел об осла трется’, которое часто переводят в соответствии с коннотацией ‘Дурак хвалит дурака’, или ‘Дурак

⁴ Не исключено, впрочем, что слово упрямство имеет два значения: одно из которых отрицательно оцениваемое поведение или свойство, а другое — свойство, не получающее оценки вовсе.

поощряет дурней', или строчку из басни И.А.Крылова Осед мой глупостью в пословицу вошел), но также и в словообразовательных производных слова осел: Дьяволью ослеть!, Ослоумие, Она неудачно сослила, Ослиная башка. Ср. также С ослами будь ослом — не обижай своих. Ослейшего спроси — он скажет: я велик. А если у кого ослиных нет ушей, тот для ослводства — явный еретик (Ибн Сина). Когда же именно возникает смысл 'упрямство', каковы кон-
текстные условия его реализации, — вопрос остается еще неясным⁵. Столь же пока неясен механизм согласования смысла и коннотации в устойчивых сравнительных образах (кодифицированных сравнениях) типа упрямый как осел (почему хуже глупый как осел — ведь можно хитрый как лиса, болтливая как сорока — вместе с тем сравнения с как могут быть источником иронии: умный как осел; ловок, как медведь; грациозен, как слон)? Аналогично обстоит дело с оксимо-
ронными адъективными сочетаниями слоновая грация, ослиный ум, медвежья ловкость.

Итак, на примере зооморфизмов осел и баран мы разобрали действие одного из наиболее часто встречающихся механизмов образования производных метафорических значений слов, который условно можно назвать механизмом 'как бы'. Он основан на стереотипных образно-ассоциативных комплексах, устойчиво закрепленных за исходным значением, — коннотациях. Лексикографически отнесенные к этому первичному значению коннотации формируют и реализуют метафорический смысл, основанный на уподоблении.

§ 2. "Деревяшки"

Имеется по меньшей мере еще один способ образования переносных значений слов, отличный от первого, но отнюдь не менее частый (хотя и гораздо менее изученный). Для его рассмотрения возьмем слова из группы "деревяшек": столб, бревно, чурбан, чурка, дерево, дубина, дуб, пень и разберем некоторые из них, привлекая иногда остальные для сопоставления. Начнем со слова столб. Оно обладает как минимум двумя значениями СТОЛБ 1 и СТОЛБ 2,

⁵ Почему, например, сочетание глупый осел в предложении Он просто глупый осел означает, по-видимому, 'упрямый' (ср. 12, 13), а в более распространенном предложении смысл 'упрямство' зачеркивается: Он просто глупый осел — зачем было соглашаться на ее предложение? ср. также Какой он осел — отказался от выгодного контракта! ('глупость') и Какой он осел — ведь трижды отказывался от выгоднейшего контракта! ('глупость' вместе с 'упрямством').

из которых второе является производным от первого, СТОЛБ I в первом приближении означает 'очищенный от коры, корней, веток, листьев и верхушек, обычно гладкая, относительно нетолстая и длинная часть дерева, укрепленная людьми в вертикальном положении для определенной цели'. Коннотация: 'неподвижный', 'прямой'.

СТОЛБ 2 = 'неподвижно стоящий в поле зрения говорящего человека, обычно с тупым, бессмысленным видом смотрящий на говорящего, лишенный каких бы то ни было мыслей, чувств или эмоций'.

Похожие два значения имеет и слово бревно:

БРЕВНО I = 'часть ствола срубленного или спяленного толстого дерева, очищенная от корней, веток, листьев и верхушки (но не от коры); обычно лежащая (=занимающая горизонтальное положение)': (ср. бревно и гладкое бревно).

Коннотации: 'неподвижный', 'тяжелый' (= 'такой, что трудно сдвинуть с места').

БРЕВНО 2 = 'тупой или нечуткий человек'.

Аналогичными переносными значениями обладают и другие слова приведенной группы - дуб, чурбан, пень и т.д.⁶ Примеры:

- (1) Что это за столб стоит передо мной? - грозно спросил директор (из "Учительской газеты").
- (2) Человек человеку бревно (Ремизов).
- (3) На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно, Петрушка глуп (Гоголь).
- (4) Столбы! Дубины стоеросовые! - орал прапорщик на матросов (Сергеев-Ценский).
- (5) Даром только утро пропало! - злился он дорогой. - Бревно! Пень! Школой он так же интересуется, как я прошлогодним снегом (Чехов).
- (6) Пятьдесят лет служит и все чурбан (Герпен).
- (7) Дуб - это человек со олинком прямым, не гибким мышлением, без эмоций, не понимающий и не чувствующий юмора, иронии (Калинин).
- (8) Должность секретаря справляет субъект..., едва отличающий входную от исходящей; дубина, ничего не смыслит (Чехов).
- (9) Что взял? Башка упрямая! Дубина деревянная! туда же лезет в спор (Некрасов).
- (10) Охота была перед таким столбом распинаться, время тут тратить (Крепин).

⁶ Ср. также редуPLICATIONИ типа дуб дубом, столб столбом, пень пнем, всегда осмысляемые по второму значению соответствующих слов.

Механизм образования всех этих метафорических значений отличается от предыдущего – вряд ли разумно приписывать физическим неодушевленным объектам психические характеристики и, соответственно, уподоблять людей неодушевленным объектам по психическим свойствам. Здесь в основе связи исходного и переносного значений лежит устойчивое соотношение между смыслами. Так, физическую неподвижность (статусность) с тупостью и нечуткостью объединяет компонент 'отсутствие активности', т. е. и физическую неподвижность, и тупость ("умственную неподвижность"), и нечуткость (психическую неподвижность) – все эти качества объединяет признак, имеющий своей областью действия различные шкалы или разновидности пространств. Применительно к шкале физических свойств (или проявления таковых) признак 'отсутствие активности' дает значение 'неподвижность', на шкале психических характеристик он принимает значение 'нечуткость' (= 'отсутствие эмоциональной активности') или 'тупость' (= 'отсутствие ума или (ре) активности мышления'). Тем самым все три смысла 'нечуткость', 'тупость' и 'неподвижность' передают по существу одну и ту же идею, но по-разному преломленную и проинтерпретированную.

Изучение такого рода соответствий между смыслами представляет собой отдельную, весьма важную и интересную проблему. Полное описание грамматики смысловых отношений может пролить свет не только на процесс образования метафорических значений, но также и на закономерности совмещения значений при употреблении слов (некоторые правила совмещения значений можно найти в работах [Ю, II]), на классификацию значений, распределение их по словам, типологию и т.п. Приведем примеры некоторых более или менее устойчивых соотношений между смыслами, своего рода регулярных типов метафоризации.

1) 'X вне дома' – 'X плохой' (здесь смысл 'вне дома' выступает как часть города): дворовый (пес), заворки (империи), уличная (девчонка), уличные (замашки), площадная (брань), бульварный (роман);

2) 'X вне основной части дома' – 'X вторичный, скрытый, плохой': подвальная (организация)⁷, подвальная (хроника), подпольная деятельность, (живу) на лестнице (отрывок из письма: автор имеет в виду, что его частенько выгоняют из квартиры); кухня, ср. ку-

⁷ Речь идет об организации "неформалов" – молодых людей, ютящихся по чердакам, подвалам, подъездам и прочим подобным помещениям.

речь даёт только на лестнице и курить даёт только в квартире; Наш чердачный роман начался еще в феврале и т.д.⁸;

3) 'X не в центре' - 'X на периферии, окраине' - 'X далеко': в районе, на местах, область (ср. вопрос Как там область? - заданный не об области как таковой), глубинка, край (ср. Фабрики находились не в самом селе, а на краю и поодаль (Чехов)), в стороне (ср. также Москва на проводе к Малаховка на проводе: фраза вида X на проводе подразумевает, что говорящий относит X к центру или что в X происходит нечто важное);

4) физические явления - психические явления: пытка, искра, крушение, катастрофа, удар, перелом, проникновение, ожог и т.п.;

5) 'физический верх' - 'психический верх': вершины (знаний), верх (мудрости), высшая точка (славы), пик (формы) и т.п.;

6) физическая неразличимость предметов - психическая неразличимость: дым, туман, пелена, облако, тьма, ночь, сумерки, ср. Случайно на ноже карманном Найди пылилку дальних стран - и мир опять предстанет странным. Закутанным в цветной туман (А.Блок); Это было сумеречное, смутное время, время то ли надежд, пожожих на сожаления, то ли сожалений, похожих на надежды;

7) 'физический путь, дорога' - 'психический путь': пути к славе, на дорогах (войны, сражений; знаний, правды), тропой знаний, испытаний, славы), стезя (добра); ср. у Ф.Достоевского: "Если ты направился к цели и станешь дорогой останавливаться, чтобы швырять камни во всякую лягушку на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели" или у А.Толстого: "У всякого человека есть дорога, а в конце дороги свой холмик с березкой" (отсюда, видимо, и "Я люблю тебя до самой березки");

8) 'X не в городе' - 'X отсталый' - 'X плохой': село, сельский, местные, деревня (в значении 'жители') (деревенские, деревенщина: ср. у Вас.Аксенова: "Израильская военщина издевается над арабской деревенщиной")⁹, периферия, даль;

9) 'открытое физическое пространство' - 'космос' - 'свобода': степь, океан, море (в особенности: открытое море), простор (...и запируем на просторе), небо (на небесах), леса, поля, снега (часто в сочетаниях с прилагательными, подчеркивающими соответствующие смыслы - беспредельные, бескрайние, необъятные и т.п.);

⁸ Ср. то, как литературоведы формулируют одну из основных тем творчества Ф.М.Достоевского: тему "Дворцы и подполья".

⁹ Для первичного, исходного значения слова деревня такой коннотации нет: ср. в деревне, на деревне.

I0) 'первый' (на порядковой шкале) – 'первый' (на шкале свойств) – 'лучший' (на шкале оценок): первый ученик, первосортный, при- ма, передовой, правофланговый, высшего (качества). Аналогично 'последний' – 'худший': последнее дело, последний человек, на крайний случай; ср. Дом Измайловых был в нашем городе не послед- ний: торговали они крупчаткой, держали в уезде большую мель- ницу в аренде (Десков);

II) 'институализованное зрелище в сфере культуры' – 'отрицатель- но оцениваемая обобщенная ситуация': балаган, драма, зрелище, комедия, кино, концерты (ср. закатывать концерты), оперетта, сцены, спектакль, театр (ср. Если театр начинается с вешалки, то покупка вешалки превратилась в театр; Весь мир – театр), цирк (ср. "Самое ужасное, когда люди смеются именно над собой, а не над тем, что ты делаешь в данный момент. Когда начинают смеять- ся над исполнителем, это становится цирком в банальном, плохом понимании этого слова. И говорят в таких случаях "Ну и цирк!", хотя выступление может происходить и на сцене театра, и в кон- цертном зале. А когда смеются над тем, что делаешь и как ты де- лаешь, тогда это настоящее искусство. И место выступления не имеет в таком случае значения. Я считаю, цирк ли это, эстрада ли – безразлично" (из интервью певицы И.Понаровской газете "Со- ветский цирк" 7.01.1989);

I2) 'дом' – 'малая родина' (*patria chica* исп.) – 'родина': зем- ля, Родина, отчизна, держава, пенаты, сторона, сторонка, отечес- тво;

I3) 'литературный жанр' – 'нечто маловероятное (выдумка)': фан- тастика, небывлицы, небывальщина, нескладушки, миф (ср. мифичес- кое родство), сказки (ср. сказочная история), анекдот (ср. ане- кдотический случай, анекдотическое происшествие);

I4) 'загадка' – 'таинственная ситуация': ребус, кроссворд, за- гадка, головоломка, шарада;

I5) 'функциональная территория' или 'учреждение' – устойчиво свя- занные с ними ассоциации: базар – 'шум', 'толкотня'; ярмарка – 'шум', 'многолюдие'; цирк – 'смех', 'веселье', кладбище – 'страх'; или (в другой системе координат) 'спокойствие', трактор – 'безо- бразие', 'грязь' (ср. кабак); каторга – 'тяжелая жизнь', уборная – 'грязь',¹⁰;

I0 Эти смыслы могут быть применяемы не только к самим учреждениям, но и к объектам, связанным с ними.

16. 'X в горизонтальном (лежащем) положении' - 'X бездействует': спать, валяться (ср. повалиться на диване), загорать, лежать, дремать, кимарить, отдыхать;

17) 'сильный (физически)' - 'сильный (в чем-либо)': сильный^{II}, крепкий, зрелый (врач), твердые (знания), прочный, ср. ЗУБР 1 = 'физически сильный, дикий, лесной бык' и ЗУБР 2 = 'сильный в какой-либо области человек'.

Любопытно, что такие лексемы и обороты, как одно слово, не много, прямо, ну просто, чисто, ну и, почти в сочетании со словами некоторых из перечисленных групп могут обозначать устойчивые ассоциации, связанные с этими словами: чисто змей - 'коварный', ну прямо Азия - 'бескультурье', просто миф - 'вымысел', одно слово базар, ну и ребус - 'загадочная ситуация' и др.

Возвращаясь к словам группы столб, отметим, что и здесь коннотативные смыслы проявляются в производных словах (ср. остолбенеть, столбняк, одеревенеть, дубовый, дубинноголовый), а также в сравнительных метафорических оборотах глухой как пень, тупой как бревно. В последних можно видеть согласование элементов значения с коннотативными, то есть разновидность семантического согласования, мало привлекающую к себе внимание исследователей. Устойчивые (т.е. не "свежие") сравнения, фиксируемые в толковых словарях, именно по этому принципу и строятся. Они лексигализованы и даже в большой мере фразеологизованы, им и место в толковом словаре (впрочем, не вполне очевидно, при каком из образующих оборот слов. Так поступает, например, МАС, фиксируя сочетание умный как осел (но почему-то не приводит сочетаний глупый, как пень, тупой, как бревно). Коннотации согласуются со смыслами не только в сравнительных оборотах (ср. отмеченное Ю.Д.Апресьяном наличие этого явления в адъективных сочетаниях типа закоренелый холостяк [19]), в упоминавшихся выше метафорически отождествительных конструкциях Ну смех - прямо цирк да и только!; Вот разошлись - прямо оперетта, Жара - просто баня!; Что это у вас невесело, братца? - Так не кино ж, поди, в конструкциях типа Она ему и отец и мать, Ты мне не брат.

Замечание. Не исключено, что такого рода семантическое согласование для оборотов с зооморфизмами следует описывать как наложе-

^{II} Сильный в физическом отношении - это одновалентный предикат, а сильный в любом другом смысле - двухвалентный. Он сильный телом - это тавтология, но в ситуации подчеркивания допустимо: Он силен физически. Также в ситуации совмещения значений: Он силен духом и телом.

ние двух шкал: ср. Х глуп как осел = 'Место Х-а на шкале ума для людей соответствует месту осла на шкале ума среди животных' (осел выступает при этом как эталон глупости); или 'если бы ты не был человеком, то на шкале ума занимал бы место осла'. Этим данные сравнения отличаются от других - отношений подобия Х такой, как У, где одна шкала и две точки на ней. Для последнего типа метафорических значений все сказанное, очевидно, не проходит; ср. Ты осел = 'ты глуп как осел' =... и Ты бревно = 'ты бесчувствен как бревно' = ?

В связи со сравнительными метафорическими оборотами встают важные проблемы из области перевода с одного языка на другой. Но это уже вопросы, требующие отдельного и обстоятельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляревская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русск. яз.). ч. I, II, Препринт ИРЯ АН СССР, М., 1988.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь. // Вопросы языкознания, 1986, № 2.
4. Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Изв. АН СССР, сер. лит. и языка, 1978, т. 37, № 3.
5. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР, Сер. лит. и языка, 1978, т. 37, № 4.
6. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика, М., 1979.
7. Арутюнова Н.Д. "Метафора" // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
8. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
9. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
10. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М., 1988
11. Перцова Н.Н. Об образовании новых значений слов на основе коннотаций // Журнословенски филолог, 1985, XL I.
12. Перцова Н.Н. Формализация толкования слова (учебное пособие). М., МГУ, 1988.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
14. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. // Метафора в языке и тексте. М., 1988
15. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
16. Значение и смысл слова. М., 1987.
17. Метафора в языке и тексте. М., 1988.
18. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. Band 6, 1980.
19. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова (в печати)
20. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

Сравнение, тождество и имплицитная предикация

Данная работа затрагивает несколько проблем, связанных с последовательностью N_1 как N_2 в русском языке с точки зрения противопоставления референтного и атрибутивного употреблений имен существительных. Прежде всего, хочется установить, ту же ли функцию имеет флексия в синтетическом языке, как русский язык, что и артикль в аналитическом языке, как французский. Это нам позволит показать, в какой мере согласование и несогласование падежей у N_1 и N_2 в русском языке связаны с референтной и атрибутивной интерпретацией N_1 и N_2 , причем проявляется между N_1 и N_2 парадоксальное предикативное отношение. В самом деле, теория акта производства высказывания (во французской терминологии *énonciation*), расширяет чисто синтаксический анализ. Эта теория разных субъективных пластов в одном высказывании, разных источников предикативных отношений в одном высказывании, разных субъектов в одном говорящем, позволяет обнаружить следы второго высказывания, упоминаемого, но не сказанного, пониженного в ранге, при кажущейся однородности и простоте предложения. И я хотел бы прийти к выводу, что при некоторых условиях, которые связаны как с языком, так и с дискурсивными обстоятельствами, слово КАК является не столько внутрипропозициональным оператором, функционирующим в рамках простого предложения, сколько оператором межпропозициональным. Я придерживаюсь того тезиса, что каждый раз, когда налицо последовательность N_1 как N_2 , мы имеем дело с предикативным отношением. Но это отношение имплицитно: можно обнаружить только его следы, его остатки. Работа восстановления этого скрытого, другого высказывания опирается на синтаксис, но вместе с тем ставит вопрос, касающийся дискурса. Речь идет о месте и времени производства этого второго высказывания: до актуального высказывания, вне него или же внутри него, одновременно.

Рассмотрим два возможных варианта: N_1^k как N_2^n , N_1^k как N_2^k где "k" любой падеж именного склонения (от фр. "cas"), а "n" — именительный падеж (номинатив). Иными словами, N_2 может быть либо в именительном падеже независимо от падежа N_1 , либо в том же падеже, что N_1 . Других возможностей нет.

Например:

- а) N_1^k как N_2^k Его супруга была веселая говорунья, с глазами как вишни (М.Горький);
- б) N_1^k как N_2^n Овладение иностранными языками как средствами общения.

И. N_1^k как N_2^n «Здесь найдем самое типичное выражение сравнения: некто что-то делает, "как" некто другой делает то же самое. Если речь идет о том же самом, то можно предположить, что во втором члене сравнения может возникнуть эллипсис, который стирает избыточный элемент. Как правило, русские грамматики настаивают на том, что в случае эллипсиса всегда легко восстанавливается недостающий элемент.

Тот же самый подход, та же уверенность наблюдается в грамматиках текста: эллипсис может отослать только к левому контексту связного текста, всегда непосредственно, материально существующему в памяти текста.

Мне кажется, что проблема не так проста, потому что то, что можно восстановить, не всегда является избыточным по отношению к первому члену сравнения. То, что говорится или имплицитно после слова КАК, не всегда можно восстановить при простом прочтении первого члена.

А) Самый элементарный случай и есть чистый эллипсис сказуемого во втором члене сравнения. Тогда недостающий элемент во втором члене всецело совпадает с присутствующим элементом в первом члене. В этом случае Академическая Грамматика 1980 г. говорит о "потенциальной предикативности". Речь идет о бесчисленных сравнительных выражениях типа: (I) гол как сокол.

Несомненно, чтобы объяснить второй член сравнения, приходится здесь использовать классическую трансформационную процедуру стирания избыточного элемента. Восстанавливается полу-глубинная структура: Он гол, как сокол гол, притом было использовано имплицитное высказывание сокол гол. Это высказывание имеет собственное истинностное значение: истинно, что сокол гол. Но данное высказывание не говорится, не утверждается, а напоминается. Субъект высказывания не принимает на себя ответственность за истинность значения этого скрытого второго высказывания сокол гол. Поскольку эту ответственность может взять всякий, можно считать, что речь идет об универсальном субъекте, отличном от субъекта первого высказывания: он гол.

Тут наблюдается полифония в смысле О. Дюкро или, пожалуй, и Бахтина: эллиптическое высказывание N_2 Fraed (сокол гол). раздва-

ивает источник энуциации: акт производства высказывания во втором члене сравнения принадлежит другому субъекту, чем в первом члене.

Следующий пример является следствием первого:

- (2) Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу (Л.Толстой).

Тут восстанавливается: черными, как черна́ мокрая смородина. В последовательности Adj. как N_2^k, N_1^n прилагательное имеет атрибутивный, а не предикативный статус. Однако, для того, чтобы восстановить стертый предикат, нужно считать, что в отношении между атрибутивным прилагательным и существительным скрывается отношение предикативного типа. В таком случае в первом члене сравнения именная синтагма Adj. + N обладает той же предикативной структурой, что и финитное полное высказывание типа N + Ø + Adj.

Но тогда приходится оперировать двумя уровнями имплицитных и восстановленных высказываний: а) глаза у нее были черные; б) мокрая смородина черная.

Первый уровень пресуппозиции можно восстановить при чтении данного высказывания, тогда как второй уровень отсылает к внетекстовому знанию: вам, читателю, должно быть известно, что мокрая смородина черная. Итак, данный текст напоминает об уже якобы известной информации, данный текст отсылает к общей памяти, к якобы разделенному знанию.

До сих пор восстанавливаемое высказывание представляло собой высказывание аналитического типа: это напоминание общего знания, позволяющее восстановить грамматическую фразу, в ее поверхностном облике.

Однако дело обстоит уже иначе в следующем примере:

- (3) Он пьян как сапожник.

Можно ли восстановить высказывание сапожник пьян? Возьмем французский эквивалент: Soûl comme un Polonais ("пьян как поляк"). Кажется, нельзя восстановить soûl comme un Polonais est soûl (с обобщенным употреблением артикля),

а: Soûl comme seul un Polonais peut être soûl, т.е. сравнение опирается здесь не на существующий факт, а на потенциальное событие. Тогда для русского примера предлагаю восстановить: Он пьян, как только сапожник может/умеет быть пьяным.

Тут уже не напоминает высказывание с универсальным истинным значением, а высказывание – образец, в которое нужно ввести модальность потенциальности, которая совершенно отсутствовала

142

в первом члене сравнения.

Мало по малу мы приближаемся к проблеме отношения между модально-временным планом первого члена и второго члена сравнения, причем подходим к более смутным зонам, где оперирование эллипсисом начинает подвергаться сомнению:

(4) Он смотрел на нее как баран на новые ворота. Ясно, что если можно допустить, что нормальная мокрая смородина обладает качеством быть черной, то, наоборот, не в природе баранов смотреть на новые ворота.

Несомненно, можно восстановить финитное высказывание, но с точки зрения энунциации оно находится на другом уровне актуализации, чем мокрая смородина черная. Этот новый тип актуализации высказывания проявляется и в возможности восстановления гипотетической модальности.

Например: (5) Он бьется, как рыба об лед.

Тут ни в коем случае нельзя считать, что напоминает какое-либо разделенное знание аналитического типа. Не возвращается в память и пресуппозированное высказывание, а добавляется модальность ко второму члену сравнения, причем этот второй член не может существовать отдельно от первого:

(5^I) Он бьется, как рыба билась бы об лед.

Если говорить об эллипсисе, то нужно иметь в виду, что этот эллипсис касается не только лексической единицы (глагола), но и модальности, свойственной этому сказуемому, даже если она отсутствует в первом члене, т.е. в единственном высказывании, которое мы можем непосредственно наблюдать.

Вот другой пример:

(6) Как кур во щи угодили.

В крайнем случае можно вообразить такую ситуацию, когда приходится констатировать, что действительно кур угодил во щи. Однако ясно, что восстанавливаемое высказывание нельзя искать на этом актуальном уровне. Не надо считать, что:

- во-первых, пресуппозировается прошедшее событие:

во щи попался кур,

- и что, во-вторых, утверждается:

и мы попались туда тем же образом.

Но также нельзя думать, что восстанавливаемое высказывание можно искать и на потенциальном уровне типа:

как рыба билась бы об лед.

Ведь если у рыб есть своеобразная манера биться об лед, то нельзя обнаружить у кур какую бы то ни было специальную манеру попадать во щи.

Можно предложить следующее истолкование:

Мы находимся в том же неприятном положении, как то неприятное положение, в котором находился бы кур, если бы он попал во щи.

Но тогда сравниваются не события, а последствия событий.

В) такой (N_1) как N_2 . До сих пор во всех исследуемых примерах во взаимоотношении находились два разных денотата: N_1 и N_2 никак не могли быть кореферентными. Мне кажется небезынтересным исследовать группу такой... как, поскольку тут ставится под сомнение возможность прямого прочтения некорреферентности во втором члене. Возьмем последовательность такой Adj. N_1 как N_2 :

(7) В переулках попадались солдаты с такими жесткими усами, как сапожные щетки (Гоголь).

Здесь усы сравниваются с сапожными щетками по общему качеству быть жесткими. Формально мы находим совершенно тождественную синтаксическую последовательность Adj. N_1 как N_2 в следующем примере:

(8) Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой нашего времени (Лермонтов).

Однако тут расслаивание высказывания совершенно иное: не дается в пример читателям какой-нибудь безнравственный человек, похожий своей безнравственностью на Героя нашего времени, и про которого дают понять, в добавок, что он является безнравственным человеком. Наоборот, N_1 и N_2 кореферентны: это один и тот же человек. Тут мы имеем дело с имплицитным предикатом:

Герой нашего времени – безнравственный человек, только на другом уровне, чем имплицитное предикативное отношение сапожные щетки жесткие: это имплицитное высказывание напоминает, возвращается из запасника памяти производителя актуального высказывания. Наоборот, высказывание:

Герой нашего времени – безнравственный человек не возвращается, не напоминает, а говорится, только иначе, этаким ниже, оно как бы сдвигается в сторону.

Итак, нужно строго различить разные уровни. Например:

(9) Я такого балбеса, как этот Ларшосик, в жизнь свою не видала.
(М.Булгаков. Белая гвардия).

N_1 и N_2 отсылают к одному индивидууму.

Пресуппонируется высказывание: Я увидела балбеса (референтное употребление). Но если стараться восстановить высказывание во втором члене, тот же N_1 становится концептом, который определяет класс, к которому принадлежит N_2 : Этот Ларисик - балбес (атрибутивное употребление). Вот почему в позиции N_1 можно найти имя во множественном числе, или имя, которое обозначает целый класс: человек, факт, явление, пример, натура, характер... В этой серии примеров у N_1 атрибутивное употребление, тогда как в примере (7) у N_1 было референтное употребление.

Последовательности такой N_1 как N_2 интересны тем, что в них возможна двусмысленность: N_1 и N_2 могут быть кореферентными или некорреферентными.

(IO) Уже мало оставалось для князя таких людей, как бабушка, которые были бы с ним одного круга (Л. Толстой).

Можно восстановить: бабушка - (человек, который) одного круга с князем.

Отсюда два прочтения:

- а) у N_1 референтное употребление, и интерпретация N_1 прозрачна
 $\exists x$ (x быть бабушкой; x быть одного круга с князем);
- б) у N_1 атрибутивное употребление, и интерпретация N_1 непрозрачна:

$\forall x$ (если x быть одного круга с князем, то x быть редким).

Даже если разные интерпретации не равноценны, даже если одно прочтение вероятнее другого, в некоторых случаях можно колебаться. Например:

(II) Он хотел бы иметь такого ученика, как ты.

По-моему, можно здесь колебаться между сравнением и тождеством, между прозрачным и непрозрачным прочтением:

- а) существует некто такой, кто есть как ты, и такой, кого хочет он.

Это прозрачная интерпретация, маловероятная, но, по-моему, возможная.

- б) $\forall x$ (если x как ты, тогда быть желанным им).

Это непрозрачная интерпретация.

Но есть и третья интерпретация:

- с) Он хочет тебя в качестве ученика (а не в качестве соседа, или в качестве слуги, и т.д.).

Здесь наблюдается то, что я назвал бы "интенциональное огра-

ничество" (см. 2-ю часть).

Эти соображения позволяют мне дойти до последнего примера этой серии:

(12) А я уверен, что она любит такого, как ты, а не такого, как он. (Достоевский).

Здесь N_1 сводится на нет. Я не думаю, что в данном случае приходится говорить о стирании, а скорее о невывражении одного элемента. Если есть эллипсис, то это эллипсис пустого, нулевого элемента, о котором можно сказать только то, что у него атрибутивная, а не референтная роль.

с) Приступим к последней серии этой первой части:

N_1^k как N_2^n .

(13) Его супруга - Машенька - веселая говорунья с глазами как вишни, была одета ярко. (М. Горький).

Тут два типа объяснения. Академические грамматики отказываются истолковать N_2 как подлежащее стерттого высказывания, и представляют это N_2 как несогласованный определитель N_1 . В таком случае в N_2 именительный падеж объясняется как именительный падеж номинации, как, например, в выражении "Как ваше имя?". Тут академические грамматики воспринимают слово КАК как союз. Однако во французских грамматиках в данном случае слово COMME описывается не как союз, а как предлог: *Elle avait des yeux comme des amandes = des yeux en amandes*. Можно было бы тогда допустить существование в русском языке предлогов с именительным падежом, но тогда список этих необыкновенных предлогов быстро удлинялся:

(14) Был он неуклюжий, низкорослый, с руками словно грабли.

Мне кажется целесообразнее объяснить именительный падеж N_2 синтаксической позицией подлежащего, но подлежащего такого высказывания, которое не нужно восстанавливать как финитное, поверхностное высказывание. Можно предложить следующую интерпретацию:

... с глазами, (которые были такими), как, (- ими) (являются) вишни.

Во всей этой первой части я пытался оправдать именительный падеж в последовательностях N_1^k как N_2^n позицией подлежащего: N_2^n является подлежащим, но иногда подлежащим невозможного поверхностного высказывания (например:

она любит такого, как ты → ты ... ?)

Если подвести итоги этой первой части, можно сказать, что в N_1^k как N_2^n элемент N_2 всегда референтный, тогда как N_1 может

быть либо референтным, либо атрибутивным. Проблема референции обстоит иначе во второй части.

П. N_1^k как N_2^k . Здесь наиболее ярко проявляется контраст между русским, флективным, языком, и французским языком, языком с артиклями. По-русски последовательность N_1^k как N_2^k получает противопоставленную интерпретацию по отношению к первой последовательности: тут N_1 всегда референтное, а N_2 может быть употреблен либо референтно (как сравнение), либо атрибутивно. Но в многочисленных случаях возможна двойная, неоднозначная интерпретация данной альтернативы: ставится под сомнение отношение кореференции или не-кореференции между N_1 и N_2 .

1) Атрибутивное употребление N_2 .

Здесь наблюдается кореференция между N_1 и N_2 . Падеж k в N_2^k объясняется удвоением, повторением синтаксического места N_1 , а не собственным местом в эллиптическом высказывании. Если нет эллипсиса, то не нужно прибегать к синтаксической трансформации предшествующего высказывания. Однако ситуация куда сложнее на уровне энунциации.

1.1. "Атрибут".

Во французской грамматической традиции принято употреблять слово атрибут там, где по-русски говорится именная часть составного сказуемого.

Во всех нижеследующих примерах на уровне энунциации выявляется один только уровень утверждения в высказывании, т.е. один акт говорящего.

1.1.1. Атрибут прямого дополнения глагола.

- атрибутивные глаголы (где позиция атрибута принадлежит к обязательной валентности глагола).

(15) Докладчик охарактеризовал его как лучшего нашего поэта. Такие глаголы, как характеризовать что-кого как что-кого, истолковать как, понять как, принять как, рассмотреть как..., функционируют как глаголы пропозиционального отношения со вставленным дополнительным предложением. Известно, что часто возможно восстанавливать связку, т.е. эксплицитную предикацию в предложениях, содержащих атрибут дополнения:

я считаю его гением = я считаю, что он гений.

Данный пример можно истолковать так:

'Я, субъект высказывания; передаю, что подлежащее высказывания отвечает за истинность отношения: он/лучший наш поэт.'

Следует обратить внимание на то, что здесь акту производства высказывания не предшествует никакое свойство, все говорится одним актом высказывания. Однако опять-таки важно отметить и то, что никакой формальной чертой не отличается эта интерпретация от интерпретации как сравнения. Например:

(I6) Мы приняли эти слова как похвалу.

Конечно, нужна немалая доля софизма, чтобы истолковать это предложение как сравнение: как принимают/принимали бы похвалу. Здесь слово похвала употребляется атрибутивно, но важно то, что ни одна формальная черта не позволяет отделить одну интерпретацию от другой.

Итак, в случае атрибутивного употребления: эти слова – похвала; но в случае референтного употребления (т.е. сравнения): эти слова – не похвала.

- атрибутивное употребление знаменательных глаголов.

Здесь подлежащее высказывания что-то делает и вместе с тем утверждает истинность предикативного отношения N_1 (есть) N_2 , тогда как при атрибутивных глаголах оно лишь утверждает истинность этого предикативного отношения.

Однако в обоих случаях наблюдается только один уровень утверждения: отношение строится во время акта производства данного высказывания. Например:

(I7) Он цитирует этих философов как представителей диаметрально противоположного направления.

I. I. 2. Атрибут подлежащего.

Здесь вариант предшествующей схемы, только сдвигается диатеза: слово КАК вводит атрибут подлежащего пассива в поверхностной структуре:

рассматриваться как...; быть понимаемым как...;

или атрибут непереходного глагола:

представляться как...

Отношение N_1 (есть) N_2 то же самое, что в предыдущем случае; это позволяет считать, что тут N_2^n на самом деле N_2^k . Иными словами, атрибут подлежащего после КАК является частным случаем N_1^k как N_2^n (вторая схема), а не N_1^k как N_2^n (первая схема).
Например:

(I8) Будущее советского языкознания представляется как бесконечный ряд новых открытий (Ф.П.Филин).

I. 2. Ту же схему N_1^k как N_2^n можно истолковать совсем иначе на уровне энунциации. Тут, как в случае I+I, нет эллипсиса, тут

удваивается позиция актанта, но, и это ново, мы имеем дело с двумя утверждениями, причем второе утверждение сдвинуто по отношению к первому, оно пресуппонируется. С точки зрения энунциации совершаются два акта, а не один, как в случае атрибута: с одной стороны актуальное утверждение, с другой стороны напоминает, или упоминается некоторое знание, которое было уже сказано, или якобы было сказано, или могло бы быть сказанным прежде и в другом месте. Это имплицитная предикация.

- Ограничение интенции

(19) Отличники выдвинуты как кандидаты.

Тут принимается во внимание не экстенсия N_2 , а его интенсия: они выдвинуты в качестве кандидатов, а не в качестве, например, послов.

- Обстоятельства причины или времени

Если в предикативном отношении проявляется причинность, невозможно употреблять "в качестве" или творительный падеж. Тогда можно противопоставить:

- а) Его предлагали в профорги как самого подходящего кандидата.
- б) Его предлагали в профорги как кандидата (=в качестве кандидата)

В первом примере два акта высказывания, пресуппонируется (напоминается о том), что N_1 есть N_2 :

он есть самый подходящий кандидат.

Наоборот, во втором примере только один акт высказывания: отношение между N_1 и N_2 строится в акте высказывания, а не импортируется извне.

I.3. Двусмысленность интерпретации: А или В?

Самую интересную проблему составляет выбор между одним или двумя утверждениями в одной и той же последовательности N_1 как N_2 .

Сначала приведу пример, когда нет выбора, это глаголы с себя.

а) интерпретация: предикативное отношение N_1 есть N_2 утверждается подлежащим высказывания:

(20) Он предложил себя как помощника.

Тут кореференция, тождество между N_1 и N_2 .

Можно сказать: в качестве помощника, помощником, в помощники.

б) интерпретация как сравнения:

(21) Он вел себя как невоспитанный человек.

Тут нет кореференции, $N_2^п$ является подлежащим эллиптического

высказывания, нельзя сказать "в качестве". Кроме того, предикативное отношение N_1 есть N_2 , утверждается субъектом, а не подлежащим высказывания: это полифония.

Добавим, что по-французски противопоставление между двумя интерпретациями также формально обозначается, только совсем другими средствами:

Il s'est proposé comme Ø aide (нулевой артикль)

Il s'est conduit comme un mal élevé (неопределенный артикль)

Вернемся теперь к синтаксическому критерию заменяемости выражения в качестве. Это опасный критерий, потому что иногда приходится сначала выбрать интерпретацию, чтобы потом предложить заменяемость.

Например:

(22) История выдвинула нас вперед как строителей новой культуры.
(М. Горький, I-й съезд писателей).

Тут в единственной поверхностной структуре лежит проблема истолкования того, на каком уровне высказывалось отношение между мы и строители:

- 1-е истолкование:

... потому, что мы строители новой культуры.

Тут два утверждения, но на одном уровне информации для субъекта высказывания.

- 2-е истолкование:

... мы же строители новой культуры.

Здесь напоминает то, что уже известно, что было уже сказано, или могло бы быть уже кем-то другим сказано, или даже никем не сказано. Это уровень того, что Аристотель называл "докса", т.е. совокупность мнений, разделяемых определенным социумом. Но главное здесь, что докса не утверждается, а лишь упоминается.

- 3-е истолкование:

История превратила нас в строителей новой культуры.

Тут одно только утверждение, отношение мы/строители лишено всякой прежней ассертивности, лишено пресуппозиции, оно строится во время акта производства актуального высказывания.

- 4-е истолкование (сравнение):

История выдвинула нас вперед, как она выдвинула/выдвинула бы/выдвигает строителей новой культуры.

Здесь мы и строители имеют разные денотаты, они не кореферентны. В тексте Горького это последнее истолкование мало правдоподобно. Но важно то, что на поверхности мы находим одну структуру-

ру, которая может соответствовать одному или двум актам производства высказывания. Выбор истолкования зависит не от синтаксического знания, а от знания "доксы".

2) Сравнение:

Тут все просто: N_2^k объясняется эллипсисом: стирается избыточное сказуемое, N_1 и N_2 оба употребляются референтно, значит не может быть кореферентности:

(23) Тебя утешают как ребенка = как утешают/утешали бы ребенка.

3) Колебание между референтной и атрибутивной интерпретацией N_2 .

И здесь снятие двусмысленности через заменяемость (в качестве, творительный падеж // словно; подобно тому, как) представляет собой интерпретацию, а не объяснение.

(24) Вам бы, кажется, как артиллеристу, надо пример показывать, а вы без сапог (Л.Толстой. Война и мир).

Проблема следующая: "вы" - артиллерист или не артиллерист?

В языках с артиклями противопоставляется нулевой артикль и неопределенный артикль:

(25a) Il a été vendu comme \emptyset esclave (= > Он раб)

(25б) Il a été vendu comme un esclave (= > Он не раб)

В некоторых языках противопоставляются союзы. Например в английском языке:

(25-a^I) He was sold as a slave (= > он раб)

(25-б^I) He was sold like a slave (= > он не раб)

В русском же языке противопоставление между референтным и атрибутивным употреблением N_2 формально не обозначается. Например:

(26) Люблю его как брата.

Тут возможны две интерпретации в зависимости от того, кореферентны ли N_1 и N_2 :

а) экстенциональное прочтение:

Он не мой брат, но я люблю его, как если бы он был мой брат.

б) интенциональное прочтение:

Он мой брат, и я люблю его в качестве брата, но не в качестве, например, учителя математики.

Другие славянские языки решают эту проблему каждый по своему: По-чешски союз jako функционирует точно как союз как по-русски:

- Mam ho rad jako bratra.

Наоборот, в польском языке противопоставляются два союза:

- Kocham go jako brata (=) он мой брат: интенциональное прочтение)

- Kocham go jak brata (=) он не мой брат: экстенциональное прочтение).

Вот теперь пример тройкого прочтения, в зависимости от глагола:

(27) Он рассматривает родину как женщину (N_2 - атрибут);

(27^I) Он любит родину, как женщину (пауза в интонации: N_2 употребляется референтно, здесь сравнение);

(27^{II}) Он любит родину как женщину (без паузы).

Тут он любит родину, учитывая то, что она женщина, или потому, что она женщина (причина), или он любит в родине женщину (ограничение интенции), он любит то, что женственно в родине.

Отсюда идет целая серия типичных двусмысленностей, когда нужно выбрать между сравнением и ограничением интенции:

(28) Муромский, как образованный европеец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал.

(Пушкин)

Если Муромский - русский, это сравнение (некорреферентность, экстенциональное прочтение). Если он европеец, тут интенциональное прочтение, N_1 и N_2 корреферентны. Мне кажется, что данная двусмысленность проявляется систематически:

(29) Мы отвергаем структурализм, как методологию, представляющую собой разновидность философского неопозитивизма (Ф.П.Филин).

Эту фразу можно прочитать двояко:

а) ограничение: Мы отвергаем в структурализме то, что делает его разновидностью неопозитивизма (но мы не отвергаем остальные его стороны).

б) причина: Мы отвергаем структурализм, потому что это разновидность неопозитивизма (весь объект охватывается: экстенциональное прочтение).

Заключение. Я сначала показал, что эллипсис не всегда "легко" восстанавливается: иногда приходится прибавить или ввести модально-временную информацию, которой не было в исходном полном высказывании

Но на втором этапе мы увидели опасность оперирования только эллипсисом: часто невозможно однозначно восстановить стертый элемент. Пришлось раздвоить предполагаемое глубинное высказывание во втором члене сравнения и учесть возможность восстановления импортированной presupпозиции извне, из-за пределов данного текста.

Со времен М.М.Бахтина и В.Н.Волошинова мы знаем, что в высказываниях звучат разные голоса, и что одно высказывание может скрыть другое. Меня же здесь интересовали грамматические способы выявления полифонии в текстах.

ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ СЕБЕ И НЕИЗМЕННОСТЬ: МИР И ЧЕЛОВЕК
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

"Все течет, все изменяется, и в одну и ту же реку нельзя войти дважды", — утверждал Гераклит, абсолютизируя изменчивость, нетождественность вещи самой себе в каждом новом месте и в каждый новый момент времени. Этот подход — свидетельство внимания к вещной стороне предметов и явлений. Существует и диаметрально противоположный подход, при котором внимание оказывается привлеченным к тому, что поддерживает единство мира, а именно — к его идеальной стороне. Люди могут войти в реку в разных местах, но это будет одна и та же река, если мы входим в реку во второй раз, она остается той же самой рекой, хотя в ней и произошли какие-то изменения: следовательно, с какой-то более общей точки зрения, с точки зрения идеи реки, этими изменениями можно пренебречь. Сократ в диалоге Платона "Парменид" рассуждает о соотношении идеи и вещи следующим образом: "... один и тот же день бывает одновременно во многих местах и при этом нисколько не отделяется от самого себя, так и каждая идея, оставаясь единой и тождественной, может в то же время пребывать во всем" (Платон 1970, с.409). При таком подходе мир уже не выглядит изменчивым и становящимся, а является тождественным себе и неизменным. Исчезновение представления о становлении влечет за собой исчезновение понятия времени, исходящего из принципа последовательности. На смену ему приходит другое понятие — понятие вечности.

Таким образом, восприятие мира как тождественного себе будет, с одной стороны, зависеть от способности за явлениями и предметами увидеть "идею" этих предметов и явлений (мир как Единое), с другой стороны, будет связано с особым характером восприятия времени. В произведениях Андрея Платонова конца 20-х-30-х годов присутствуют оба отмеченных подхода. В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением только второго из них, сделав акцент на понятии тождественности себе как неизменности во времени, т.е. вечности.

1. Вечность: вневременное настоящее и застывшая длительность

В художественных произведениях описание мира с точки зрения вечности должно являться следствием чувствования мира таковым. Это значит, что проблема вечности встает как проблема психологическая, проблема жизни души. Это в первую очередь касается инди-

видуального авторского сознания. Однако, поскольку не исключена возможность, что по крайней мере некоторые персонажи будут "наследовать" мироощущение автора, то анализ их психологии может стать одним из важных пунктов исследования.

Итак, что такое время? В каком отношении к понятию вечности оно находится?

В настоящей статье мы будем рассматривать время как категорию, характеризующую мир, то есть внешнюю по отношению к человеку. Так, мы говорим: С тех пор прошло много времени; Это произойдет в скором времени; У меня нет времени. Здесь время как бы дано, навязано нам извне. Ход времени отмечается нами как ход жизни или событий: Прошло лето, миновала осень, наступила зима. Будем считать такое постижение времени, основанное на внешнем наблюдении, рациональным. Категория времени, следовательно, тоже является рациональной.

Теперь вовлечем в сферу рассмотрения категорию экзистенциальную - человеческое сознание. (Здесь и далее сознание трактуется не как способность, а как наличное бытие.) Когда человек слит с окружающим, когда его сознание растворено в мире (то есть перемещается вместе с миром во времени, то ход времени перестает ощущаться. "Когда течешь в лаве, не замечаешь жара. А как увидеть время, если ты в нем?" - эти слова Ю. Трифонова как нельзя лучше подходят к рассматриваемому случаю (хотя не исключена возможность, что здесь имеется в виду другое время - историческое). Для здесь-бытия сознания времени как категории рациональной не существует. "Сознание останавливает время, то есть иллюзию", - писал Л.Н. Толстой (Толстой 1985, с.197).

Итак, человеческое сознание вступает в противоречие с рациональным пониманием времени. Склонные к рефлексии герои А. Платонова мучаются от невозможности ухватить, почувствовать время. Чтобы преодолеть его неуловимость, они стремятся материализовать его. В романе "Чевенгур" писатель говорит, что Захар Павлович "ни разу ... не ощутил времени, как встречной твердой вещи, оно для него существовало лишь загадкой в механизме будильника. Но когда Захар Павлович узнал тайну маятника, то увидел, что времени нет, есть равномерная гугая сила пружины". Встретив побирающегося Прошку, он "почувствовал время, как путешествие Прошки от матери в чужие города. Он увидел, что время - движение горя и такой же ошутитель-

ный предмет, как любое вещество, хотя бы и негодное в отделку".

Что же вместо ощущения времени наполняет наше сознание? Каков экзистенциальный аналог рациональной категории времени?

В философии жизни категория времени рассматривается как производная от непрерывности нашей внутренней жизни. Эта непрерывность является "непрерывностью течения или перехода, но такого течения и перехода, которые довлеют себе: течения, не содержащего текущей вещи, и перехода, не предполагающего состояний, через которые переходят" (Бергсон 1923, с.39). Этот переход - и есть сама длительность, и только она поддается естественному наблюдению. Для нее характерны неделимость, отсутствие "различения между рядоположенными "прежде" и "потом"" (Бергсон 1913, с.32). История сознательной личности "есть разом и непрерывно настоящее и непрерывно движущееся... Это будет длящееся настоящее" (там же, с.36). Учение А.Бергсона имело много последователей и, будучи пересаженным на художественную почву, способствовало появлению литературы "потока сознания" с ее установкой на фиксацию непрерывности внутренней жизни, отсутствие четких границ между переживаниями, их хаотичность и непредсказуемость. Между тем, если сделать акцент на другой стороне концепции Бергсона, а именно - на чистом длении сознания, свободном от какого-либо содержания, это даст нам возможность почувствовать чистое сознание как постоянно тождественное себе. Ощущение своего сознания как неизменяющегося, равного самому себе несовместимо с ощущением хода времени. Оно совпадает с ощущением вечности, раскрывающейся как вечность индивидуального сознания, постоянно пребывающего в настоящем. Августин так писал о соотношении времени и вечности: "Бесконечно различие между временем и вечностью. Продолжительность времени составляется из преемственной последовательности различных мгновений, которые не могут проявиться совместно. В вечности, напротив, нет такой преемственности. В ней все сосредоточено в настоящем, все налицо; тогда как никакое время в целом его составе нельзя назвать настоящим. Все прошедшее наше происходит из будущего, и все будущее наше зависит от прошедшего: все же прошедшее и все будущее происходит из вечно настоящего. Это настоящее всегда существует, для него нет ни прошедшего, ни будущего, поэтому оно и называется вечностью" (Августин 1914, с.312-313). При таком подходе вечность является категорией атемпоральной и совпадает с вневременным настоящим, которое не является противопоставленным ни прошедшему, ни будущему.

Размышляя над этими вопросами, Лев Толстой оставил в своих Дневниках следующую запись: "Говорят, есть три времени: прошедшее, настоящее, будущее. Какая грубая и вредная ошибка. Есть два вида времени: прошедшее и будущее; настоящее же вне времени" (Толстой 1985, с.272).

А теперь зададимся вопросом: каким образом тождественное себе, вечно пребывающее в настоящем сознание будет воспринимать окружающий мир? Ясно, что подобно сознанию, мир тоже должен лишиться временного измерения: каждое мгновение переживаний должно расширяться, выйти из ограничивающих его рамок, стать чистой длительностью и, одновременно, кристаллизаться, застыть, приобретя черты не-уничтожимости.¹

Созданию такого эффекта (в числе других приемов, которые будут рассмотрены дальше) служит у А.Платонова разрушение и переструктурирование глагола (сказуемого): чтобы уничтожить время, надо каким-то образом уничтожить глагол, описывающий сменяемость, законченность событий.

В произведениях Платонова встречается такой прием, как замена глагола прошедшего времени, в основном, совершенного вида, аналитической конструкцией, состоящей из связки быть (или полусвязочных глаголов стать, сделаться, остаться) и полного причастия или прилагательного, ср.: Наверное, у этих детей мать была умершая [= мать умерла] (Р.э.)²; ...глаза стали отвыкшие от него [= глаза отвыкли] (Дж.). Таким образом, событие совершается, но не исчезает (его исчезновение мог бы фиксировать глагол), оно продолжает свое существование в порожденных им свойствах и признаках, — это и отражено в употреблении соответствующих адъективных слов. Подобному изменению подвергаются у Платонова глаголы и глагольные конструкции, которые обозначают начало или изменение эмоционального состояния, такие как опечалиться, впасть в ярость, по-скукнеть, заскучать и т.д. Платонов трансформирует их в конструк-

¹ Ср. высказывание Д.Н.Толстого: "Я не живу, и не живет весь мир во времени, а раскрывается неподвижный, но прежде недоступный мне мир во времени" (Толстой 1985, с.225).

² В статье приняты следующие сокращенные названия произведений А.Платонова: Р.э. — "Родина электричества", Дж. — "Джан", Ч. — "Чевенгур", К. — "Котлован".

ции со значением признака (в последнем из примеров ниже глагол заменяется на слово категории состояния, которая идеально приспособлена для "уничтожения" времени): Секретарь нахмурился и сделался опечаленным; ...он не ударил ее и не сделался яростным, а только стал скучным и чуждым для всех; Ему скучно стало по Москве, по многим товарищам. по Вере и Ксене (Дж.). Подобным изменениям подвергаются также инфинитивные конструкции с фазовыми глаголами: Куян-суук слегка пошевелился от прикосновения человека и опять остался как был - равнодушный и спящий [≅ продолжал спать]; ...некоторые из них [черепях] отогревались от зимы и оживали, другие оставались жить спящими [= продолжали спать]; Они бросились с ножами на четырех ханских стражников и оставили их на месте лежащими, сразу лишив их славы и жизни [= оставили лежать, то есть убили] (Дж.).

Отмеченный прием разрушения глагольного сказуемого удивительно сходен с приемом, к которому прибегает А. Камю в романе "Посторонний". Как отметил Ж. П. Сартр, для описания последовательных, сменяющихся событий А. Камю использует не простое прошедшее (простое определенное) время, а сложное прошедшее время, употребление которого несколько неожиданно. Такая замена связана со стремлением автора передать особенности мироощущения своего героя: продленность каждого впечатления и их изолированность друг от друга. Во французском языке прошедшее определенное время (*Il se promena longtemps* - 'Он долго гулял') связано как с прошлым, так и с будущим, оно выражает непрерывность смены событий, ход времени: "Реальность подобной фразы - это ее глагол, поступок в его транзитивности, в его трансцендентности". И наоборот, сложное прошедшее время (*Il s'est promené longtemps* - 'Он есть гулявший долго' или, точнее, 'Он был гуляющим долго', поскольку в русском языке показатель времени в именном сказуемом концентрируется в связке) "маскирует глагольность глагола: глагол здесь разорван, разбит на две части: с одной стороны, мы обнаруживаем в нем причастие прошедшего времени, утратившее всякую трансцендентность, сделавшееся инертным, словно вещь, с другой стороны, глагол "быть", который играет роль простой связки... Транзитивность глагола исчезла, фраза застыла, отныне ее реальность заключена в самом имени. Она уже не служит мостом, переброшенным между прошлым и будущим, она превратилась в крошечную, изолированную, самодостаточную субстанцию.

... Поистине, подобная фраза представляет собой неделимое целое, временной атом" (Сартр 1986, с.105). Направленность отмеченного приема у Камю и Платонова общая. Но если Камю ограничивается готовыми языковыми средствами, то Платонов идет дальше, последовательно преодолевая сопротивление языка.

Другой прием создания застывшей длительности у Платонова – это неожиданная "смена ракурсов": в повествовании, содержащем глаголы прошедшего времени либо совершенного вида, либо несовершенного вида со значением повторяющегося действия, происходит неожиданная перебивка планов, и в следующей фразе употребляется глагол несовершенного вида, который описывает не повторяющиеся события, (что было бы совершенно естественным в повествовании, описывающем смену событий), а действие единичное в процессе его протекания. Такой резкий переход от перечисления событий к их временному развертыванию выдвигает эти события из прошлого в настоящее, дает возможность посмотреть на них как бы в замедленной съемке, делает их осязаемыми физически. Ср. следующие примеры из романа "Чевенгур": 1) Прощка два раза ходил следом за Сашей на кладбище. Он увидел, что сирота сам себе руками роет могилу и не может вырвать глубоко. Тогда он принес сироте отцовскую лопату... Саша брал лопату, но она была ему не под рост, и он скоро слабел от работы; 2) Дети просыпались рано, они начинали драться друг с другом в комнате, пока петухи еще дремали, а старики просыпались только по второму разу и чесали пролежни. Ни один забор еще не скрипел на деревне, и ничто не верещало в полях. В такой час Прохор Абрамович выводил приемыша за околицу. Мальчик шел сонный, доверчиво ухватив руку Прохора Абрамовича. В последнем примере выделенный нами процессуальный глагол начинает оказывать обратное влияние на предшествующие глаголы повторяющегося действия, которые вследствие такой "регрессивной ассимиляции" тоже приобретают оттенок процессуальности.

Другой встречающийся у Платонова прием – переосмысление как процессуальных глаголов несовершенного вида, которые таковыми в стандартном языке не являются (случаться, забывать, понимать). У Платонова же под воздействием контекста интересующие нас глаголы являются процессуально-длительными, ср.: Чэгатаев услышал ее [плач], однако ему было все равно, что сейчас случается (Дж.); Все время Захар Павлович работал, чтобы забывать голод, и приучился из дерева делать все то, что раньше делал из металла; ...бобыль еще более удивился и ничего не понимал, хотя чувствовал происхождение

ветра точно (Ч.)

Рассмотренные приемы дают возможность читателю почувствовать значимость, продленность, неуничтожимость каждого мгновения созерцания мира и одновременно способствуют созданию ощущения "вещественности", "осязаемости", "сделанности" платоновской прозы.

2. Переживание времени

Давайте теперь рассмотрим, как герои произведений А.Платонова воспринимают ход времени, движение жизни, событий.

В произведениях Платонова время ощущается как категория космическая, определяющая устройство мира. Герои остро чувствуют бесконечность времени: время идет, его движение неостановимо, поэтому время будет всегда, но каждый раз новое. Старое же время "умирает", "отпадает кусками", "уничтожается".

Но почему время должно идти? Почему оно не остановится? Почему то, что происходит сейчас, обязательно должно исчезнуть? Эти вопросы подспудно тревожат героев Платонова: "Все слушатели вздохнули с искренним сожалением о том, что ушло и не остановилось" (Ч.). Отмеченные вопросы не являются чисто метафизическими. В их основании лежат два ощущаемых героями противоречия: между бесконечностью времени и конечностью индивидуальной жизни, а также между бесконечностью движения времени и постоянной неподвижностью, тождественностью себе "я". Эти противоречия порождают у героев иррациональное желание: они хотят, чтобы время остановилось, исчезло. Писатель следующим образом описывает ощущение времени у одного из своих любимых персонажей: "Дванов почувствовал тоску по прошедшему времени: оно постоянно сбивается и исчезает, а человек остается на одном месте со своей надеждой на будущее; и Дванов догадался, почему Чепурный и большевики-чевенгурцы так жаждут коммунизма: он есть конец истории, конец времени, время же идет только в природе, а в человеке стоит тоска".

Ощущение человеком своего "я" как вневременного и вечного порождает парадокс смерти, ибо смерть — категория не акзистенциальная, а рациональная: "Смерть не событие жизни. Смерть не переживается" (Витгенштейн 1958, § 6.4311). В романе "Чевенгур читаем: "Сколько ни жил Захар Павлович, он с удивлением видел, что он не меняется и не умнеет — остается таким же, каким был в десять или пятнадцать лет. ...Свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким

пространством - таким далеким, что почти не существующим. Захар Павлович знал вперед, что, чем дальше будет жить, тем это пространство непережитой жизни будет уменьшаться, а позади - удлиняться мертвая растоптанная дорога. Но он обманулся: жизнь росла и накоплялась, а будущее впереди тоже росло и простиралось - глубже и таинственней, чем в юности. ... Видя свое лицо в стекле паровозных фонарей, Захар Павлович говорил себе: "Удивительно, я скоро умру, а все тот же"³.

Как же воспринимают герои Платонова внешнее течение времени?

Для них все происходящие события разворачиваются медленно, ровно, тихо, однообразно, - они статичны, в них отсутствует изменение. Платонов подчеркивает это частым употреблением соответствующих наречий и прилагательных, ср.: Сквозь туманы выбиралось солнце и медленно грело сырую остывшую землю; ... бобыль мокнул один в темноте ровно льющихся с неба потоков и тихо опухал; Копенкин ехал пониженным от однообразного воспоминания о Розе Люксембург (Ч.). Если время не заполняется ничем новым, не несет для человека ничего неожиданного, то оно становится "пустым", "чистой длительностью". Чистая временная длительность "показывает себя" в употреблении таких слов, как долгий, долгота, которые могут относиться как к переживанию собственно времени (долгота времени, долгое время), так и к восприятию временных отрезков, ограниченных внешними рамками событий, частей суток (напр., долгота дня), ср.: В начале осени Вощев почувствовал долготу времени (К.); Проснулся он в тишине долгой устоявшейся ночи; Наступал свежий солнечный день, долгий, как все дни в Чевенгуре; от такой долготы жизнь становилась заметнее; Затем настал долгий дождь; ... Чепурный уже чувствовал горе об утраченном друге и не знал, куда ему деваться от долгого времени ожидания (Ч.). Ход времени прекращается: застывает мир, застывает сознание в обостренном ощущении своего здесь-бытия. Это порождает чувство тоски: ... из Финляндии через равнины и тоскливую долготу времени в Петропавловку приполз валун на языке ледника; Покинутость, забвение и долгая тоска встретили его в этом опасном месте гражданской войны (Ч.).

³ Ср. следующую запись в Дневниках Л.Н.Толстого: "Живо вспомнил о том, что осознал себя совершенно таким сейчас, 81-го года, каким сознавал себя, свое "я", 5, 6 лет. Сознание неподвижно. От этого только и есть то движение, которое мы называем временем. Если время идет, то должно быть то, что стоит. Стоит сознание моего "я" (Толстой 1985, с.363).

3. Вечность: чувствование мира и его онтология

Зададимся теперь таким вопросом: каково самостоятельное устройство мира? Каков он, мир, существующий в пространстве и времени?

Здесь возникает сложная проблема взаимоотношения чувствования мира и его онтологии: насколько вообще правомерно ставить вопрос о самостоятельном бытии мира, вне особенностей его восприятия⁴ человеком? Этот общепhilosophический вопрос сохраняет свою значимость и для постижения того мира, который изображен в произведениях Платонова. Здесь надо различать два момента: с одной стороны, мир является таким, каким его воспринимают герои (то есть, онтология мира зависит, в частности, от особенностей переживания времени индивидуальным сознанием), с другой стороны, само восприятие мира будет определяться его устройством. М.Хайдеггер, анализируя Парменида, писал: "Сущее [мир, природа] есть то растущее и самораскрывающееся, что своим присутствием захватывает человека как пребывающего в нем, т.е. такого, который сам открывается присутствующему, выслушивая его. Сущее становится сущим не оттого, что человек его наблюдает в смысле представления типа субъективной апперцепции. Скорее сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе" (Хайдеггер 1986, с.103).

3.1. От чувствования мира к его онтологии

Как было отмечено выше, в силу специфических особенностей восприятия времени предметы и явления в мире Платонова предстают перед нами лишенными изменений: они одинаковы на всем пути своего существования.

Мотив отсутствия изменений находит свое выражение в необычном употреблении Платоновым слов прежний, одинаковый, без изменения — по отношению к тем объектам, которые с течением времени должны меняться обязательно, ср.: Теперь Чагатаев лишь погладил ту давнюю траву, живущую понине без изменения [через много лет] (Дж.); [Саха Дванов хочет вырыть яму на кладбище, чтобы жить рядом с метрвым отцом] ...пусть отец лежит мертвый и ничего не говорит, но он всегда будет лежать близко, на нем рубашка в теплом поту, у него руки, обнимавшие Сашу в их сне на берегу озера; пусть отец мертвый, но он целый, одинаковый и такой же (Ч.). В обычном языке

⁴ Слова "восприятие", "воспринимать" являются здесь синонимами слов "чувствование", "чувствовать". О преобладании чувства в постижении мира у героев Платонова см. в работе (Стифляева 1970).

слова одинаковый, одинаково употребляются для установления тождества между двумя разными предметами или явлениями, поэтому в предложении обязательным является указание на множественность (неединственность) предметов или субъектов действий или состояний, ср.: Они думают одинаково; У них одинаковые платья и неправильно *Он думает одинаково; одинаковое платье. Рассматриваемые слова не могут употребляться для установления тождественности предмета или события самому себе на всем протяжении существования (развертывания), — для этого служат слова без изменения, однообразный, как прежде, такой же, так же. Нельзя сказать *Я живу одинаковой жизнью, надо: прежней жизнью, однообразной. У Платонова отмеченные ограничения на употребление слов одинаковый, одинаково нарушаются, ср.: 1/ ...ему уже стало скучно от долгого одинакового торжества; 2/ "Суфьян, тебе ведь одинаково — идти со мной или нет?" — обратился Чагатаев к старику. "Одинаково", — ответил Суфьян; 3/ "Есть у вас новости?" — спросил Суфьян, прощаясь. "Нет, жизнь идет одинаково", — ответил Черкезов (Дж.); Захар Павлович думал одинаково [= так же, как и мастер-наставник], оставая лишь в подборе необходимых слов (Ч.).

Ощущение отсутствия изменений в явлениях и предметах порождает представление об их всегда-бытии и вечности (это уже выход в собственно онтологию). Оно поддерживается нестандартным употреблением таких слов, как навсегда, всегда, навек: эти слова встречаются там, где с семантической точки зрения являются избыточными, ср.: ...всегда и ежеминутно они [травы] живут под ударами и навалом тяжестей; Могилы без крестов были еще лучше — в их глубине лежали люди, ставшие навеки сиротами; Саша смотрел на ... знакомые постройки, ... и ему было жалко их, что они ... когда-нибудь навсегда умрут (Ч.).

Нестандартным у Платонова является также употребление слов вечно и вечный. В обычном языке слово вечно может обозначать действительно "вечные" процессы, т.е. такие, "бытие" которых выходит за рамки существования одного поколения в бесконечное будущее (сказуемое при этом обязательно должно стоять в будущем времени), ср.: Над землей будут вечно светить звезды; Народ будет вечно помнить своих героев, но *Народ вечно помнит/помнил своих героев. Однако в стандартном языке слово вечно чаще всего используется как гипербола — для обозначения частных, повторяющихся событий в

в жизни человека. При этом оно несет в себе отрицательную оценку и является коммуникативно выделенным при помощи интонации или при помощи порядка слов (выносится в предложении на первое место), ср.: Он вечно опаздывает; Вечно он ссорится со всеми. У Платонова встречается употребление слова вечно по отношению к "конечным" действиям, которое начисто лишено отрицательной оценочности, - при этом слово вечно тяготеет не к всегда или к постоянно, а к непрерывности, вечности, ср.: Но мать ... боялась опять возвращаться в Сары-Камыш и снова там вечно жить (Дж.); Куда бы ни уходил из дома маленький Захар Павлович, он знал, что есть мать, которая его вечно ждет и ничего не боится; Он специально выходил ночью глядеть на звезды - просторен ли мир, хватит ли места колесам вечно жить и вращаться? (Ч.). Употребление прилагательного вечный тоже выходит за рамки обычного. В стандартном языке слово вечный может быть как оценочным (в полных номинализациях, напр. вечные ссоры), так и обозначать действительное бесконечное бытие некоторых явлений: вечная слава, память; вечное движение. Употребление слова вечный с предметными именами блокируется "конечной" природой обозначаемых этими именами вещей. Действительно, что бы могли описывать такие выражения, как, скажем, вечный дом, вечное пальто, а также вечное эхо, вечный дождь (здесь имена уже событийные, но нейтральные с точки зрения оценки)? Поэтому, когда в стандартном языке прилагательное вечный все-таки употребляется с указанными типами слов, то полученные словосочетания переосмысливаются: они становятся или аналогами имен собственных (вечный город - Рим, вечная книга - Библия), или же метафорическими обозначениями существенно более узкого класса предметов (вечное перо - авторучка, вечные вопросы - вопросы о смысле жизни). У Платонова слово вечный легко соединяется с обозначениями "конечных" субстанций и предметов, ср.: Они [мальчики] не знали, что происходит революция и считали картофельные шкурки вечной едой; Всадники доехали до массивной вечной двери, ведущей в полуподвал разрушенного дома; "Скажу этому человеку слово, - судил себя сторож, - человек пройдет версту и не оставит меня в вечной памяти своей (Ч.); ... ветер все прошедшие годы сдувал его то вперед, то назад, и песок стал старым от пребывания в вечном месте (Дж.); Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне (К.). Здесь осуществляется переход от реальности к мифу.

Вечность как онтологическая характеристика мира включает в себя

два момента: бесконечность существования мира во времени и непод-
верженность его изменениям, стабильность.

3.2. От онтологии мира к миро-ощущению

А теперь поставим вопрос так: что в устройстве самого мира Платонова заставляет его героев и читателей воспринимать мир именно так, а не иначе?

Мир дан у Платонова как космос. Два основных параметра его устройства - пространство и время - теснейшим образом взаимосвязаны. Пространство, как и время, тоже бесконечно и пусто, его, как и время, тоже характеризует долгота, ср.: ...до луны этот свет доходил уже процеженным через мертвую долготу пространства (Ч.). Человек не сливается с космосом, а противостоит ему. Пустоте и долготе времени и пространства соответствует чистая длительность индивидуального сознания, его здесь-бытие.

Другая важная характеристика мира - повторяемость совершающихся в нем событий; если в мире и бывают какие-то изменения, то все потом возвращается на круги своя. Сама природа являет собой пример бесконечного повторения. В природе действует "тихая равнодушная жизнь", "равномерные силы", "которые всю землю держат в оцепенении", так что "ничего не изменяется к лучшему". "Все одно и то же"; думают герои Платонова.

Описания природы в произведениях Платонова занимают немного места, но роль их огромна. Собственно говоря, природы в привычном смысле слова почти нет, - вместо нее описание смены времени суток, когда вслед за ночью приходит рассвет, затем наступает день, потом он переходит в сумерки, и снова наступает ночь, - идет бесконечный круговорот времени, ср.: Последний сумеречный свет погас над оврагом - наступила очередная ночь (Ч.). Все описания природы строятся практически одинаково: отмечается время суток, освещение, ветер и, если есть, дождь. Платоновский пейзаж статичен - в нем ничего не происходит. В замершем, застывшем свете луны, солнца или звезд все тоже замирает, ср.: ...с высоты крыльца он видел мутную чистоту далекого масштаба, печальность замершего света и покорный сон всего мира; ...бескорыстно светили звезды над снежной чистотой земли (К.); Великоорусское скромное небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Совети существовали исстари, и небо совершенно соответствовало им (Ч.). Ощущение повто-

ряемости в природе обеспечивается также использованием одних и тех же глаголов: настать, наступить (о времени суток, о явлениях природы), замереть (о ветре, свете, звуке, времени суток):...ночь замерла рассветом (К.); Вдали замерли преждевременные сумерки над темной грустной долиной (Ч.). Особенно часто встречаются стативные предикаты стоять, лежать, висеть, находиться, простираться, ср.: Ночь стояла смутно над людьми (К.); Над болотами уже стояла ночная тоска; ...внизу стояла прохладная чистота; Глубокая революционная ночь лежала над обреченным лесом (Ч.).

Предлагая проект памятника революции, Саша Дванов рисует стоячую двухконечную стрелу, символизирующую бесконечность пространства, и лежащую восьмерку, означающую вечность времени. Итак, время, как и пространство, тоже бесконечно, но его бесконечность иного свойства: оно замкнуто в себе. А замкнувшись, время останавливается, исчезает, превращается в вечный нуль (перекрутив нуль по середине, мы и получим восьмерку). Сознание человека и окружающий его мир становятся данными, существующими от века, всегда тождественными себе. Миро-ощущение, точнее, миро-чувствование смыкается с самим устройством мира.

ЛИТЕРАТУРА

Августин. Исповедь Блаженного Августина, Епископа Иппонийского, в 13-ти книгах. М., 1914.

Бергсон А. Восприятие изменчивости. Лекции, читанные в Оксфордском университете 26 и 27 мая 1911 г. Спб., 1913.

Бергсон А. Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна). Пб., 1923.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

Платон. Сочинения в 3-х томах. Том 2. М., 1970.

Сартр Ж.П. Объяснение "Постороннего". // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М., 1986.

Стефляева М.И. Романтический элемент в прозе А.Платонова. // Творчество А.Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж, 1970.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х томах. Том 22. Дневники: 1895-1910. М., 1985.

Хайдеггер М. Время картины мира. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

В последние годы в лингвистике заметно возрос интерес к языку науки. Объясняется этот интерес, вероятно тем, что обогащение словарного состава практически любого литературно развитого языка происходит сейчас в основном за счет терминологии. Прогресс науки вызывает к жизни огромное количество новых слов и значений. Значительная роль в терминологизации общелитературной лексики принадлежит метафоре, которая явилась непосредственным предметом нашего исследования.

Очевидно, что процесс терминообразования наиболее активно протекает сейчас в молодых науках, нуждающихся в наименованиях для новых понятий и методов исследований. К молодым наукам принадлежит и гляциология – одна из областей географии, изучающая лед, снег и ледники.

Льды и ледники уже очень давно привлекают к себе внимание человека. В Исландских сагах XIII века встречаются многочисленные образы, связанные с этими явлениями природы. Так, выхватывая меч, один из героев "Саги о Гисли" восклицает: "Острой льдине сражений должно покинуть ножи" (2).

Однако ни прямые упоминания о ледниках, ни подобные метафоры не следует рассматривать, как зарождение гляциологической науки в столь давние времена. Такие понятия, как "снег", "иней", "изморозь", "град", "ледник" прошли очень долгий путь от явлений, помеченных человеком, до понятий научных. И поныне, упомянутые выше и многие другие термины гляциологии являются одновременно словами общеупотребительного языка, которые относятся к явлениям повседневной жизни, и имеют тот же референт, что и термины. В этом – источник многих сложностей в исследованиях гляциологической, и в целом, географической терминологии. Разграничительным критерием терминов и "не-терминов" в данном случае можно считать определения в специальных словарях или научных статьях соответствующей области знаний (см.(1)).

Первые исследования ледников были начаты в Швейцарии в XVIII столетии, преимущественно местными учеными: О.Соссуром, Л.Агассицом, Х.Тиндалем. Это были естествоиспытатели широкого профиля, которые, путешествуя по горам, описывали среди прочих объектов и ледники, не выделяя этих исследований из геологических изысканий в целом. Как следствие, в течение почти двух столетий гляциология традиционно считалась составной частью геологии, что отразилось в трактовке многих её терминов.

Ещё сложнее были отношения гляциологии с другими науками о Земле: лед в атмосфере и снежный покров издавна изучались метеорологией и климатологией, а лед в гидросфере — гидрологией. Контакты гляциологии с этими науками всегда зависели от уровня природных систем, которые она изучала. Поэтому в течение долгого времени границы этих дисциплин, размытые в самой природе, оставались неясными и в науке, и в её языке.

Лишь в середине XX в. расширившиеся исследования Антарктиды, применение геофизических и геохимических методов, а затем и исследования ледников из космоса, позволили гляциологии выделиться в самостоятельную науку из сферы смежных наук о Земле и обрести свой собственный предмет.

Начиная наше исследование, мы не хотели ограничиться лишь метафорой в гляциологической терминологии, но наблюдая, как крупные события в жизни этой науки, новые теории и методы влекли за собой радикальные перемены в системе понятий и соответствующей терминологии, мы заметили, что во все моменты перестроек, особенно в периоды выделения новых классов явлений, метафорический перенос значения становился наиболее продуктивным средством терминообразования. Приведем несколько примеров.

В середине XIX в. исследователем Савойских Альп, монахом Рандю, была впервые выдвинута, так называемая "гидродинамическая теория", полностью уподоблявшая ледники вязким жидкостям. До того они считались неподвижными. "Между ледяным морем и рекою, — писал Рандю в 1841 г., — существует такое полное сходство, что невозможно найти в последней особенности, которая не представлялась бы и первым" (12). При кажущейся наивности этого утверждения, многое в концепции Рандю было признано верным уже в гидродинамике XX в. И всё же, стопроцентного сходства между ледником и рекою не существует.

Рандю не был автором метафорических терминов, пришедших в язык вскоре после выдвижения этой теории. Более того, для него не существовало осознанного переноса значения, настолько абсолютным представлялось тождество между ледником и рекой. Однако эта концепция, поддержанная многими представителями альпийской гляциологической школы, очень вскоре сказала и терминологически. В гляциологию влилось большое количество "водных" метафорических терминов, таких как "ледник истечения", "разжижение льда", "ледяные моря" и географическое название "Mer de glace" (букв. ледяное море), "ледяные реки", "волны на поверхности ледника", "слияние ледников", "ледники — притоки" и т.д., многие из которых суще-

ствуют до сих пор.

На начальных этапах развития гляциологии большое внимание уделялось внешней стороне явлений, да и сами исследования носили чисто описательный характер. Поэтому метафорические термины, появившиеся в этот период, подчеркивали лишь внешнюю сторону объектов. Так возникли термины: ледниковые купола, ice domes, ледниковые щиты, ледниковые шапки, ice caps, огивы (т.е. готические арки) на поверхности ледника, ice lobes (ледниковые лопасти), язык ледника, glacier tongue, плечо трога и т.д. Постепенно интерес к внешнему виду явлений сменился интересом к причинно-следственным связям, что отразилось и на метафорических терминах. Внимание стало уделяться климатическим условиям, вызывающим к жизни те или иные формы оледенения, уклоны поверхности, процессам в толще ледников.

Развитие инструментальных исследований и, особенно, применение геофизических методов показало, что в ледниках стран умеренного климата под промерзающим слоем лежит слой, который всегда находится на точке плавления льда. Эта более высокая, по сравнению с другими ледниками, температура льда, вызванная внутренним трением и просачиванием талых вод, позволила ученым назвать их "теплыми ледниками", хотя сам этот термин несет внутреннее противоречие и может быть отнесен к оксюмору. Английская гляциологическая терминология относит такие ледники к "умеренным" (temperate glaciers), так как они существуют в умеренном климате. В данном случае во внешнюю форму термина выносятся причинность явления: климат и умеренные широты, в которых они расположены.

Американский исследователь Х.Хоббс, реконструировав древнее оледенение Аляски выдвинул гипотетический тип "древовидных" ледников и ледников в форме подков (horse-shoe glaciers). В дальнейшем следы этих ледников были обнаружены в природе. Уже при облете ледников в процессе аэровизуальных наблюдений, ученые убедились, что многие из них, действительно, напоминают в плане деревья или подковы. В данном случае, можно говорить об определенной прогностической роли, которую способна играть метафора в научной терминологии.

До недавнего времени борьба уже на стыке наук велась вокруг метафорического термина "граница питания". Это - осредненный показатель, требующий определенной идеализации, хотя видимым его проявлением является та линия в горах, с которой начинаются вечные снега, покрывающие вершины. Каждая из смежных наук: гляциология, климатология и гидрология - до недавнего времени рассматривала

этот показатель в рамках своей концепции, трактовала его по-своему и вводила свои абстрагирующие условия. Климатология исключала затененность поверхности, т.е. воздействие рельефа, гидрология абстрагировалась от выхолаживающего влияния самого ледника на окружающую среду, а гляциология – от зависимости высоты границы питания от климатических условий. Один и тот же термин трактовался очень противоречиво и был как бы "разорван" изнутри. Разные подходы требовали вынесения их во внешнюю форму термина. И тогда родились новые метафоры уже в пределах каждой из наук: "Уровень-365" (т.е. уровень, на котором снег сохраняется 365 дней в году) – в климатологии; "снеговая линия", "граница питания" и "линия равновесия" в гляциологии, "граница особого рода стока" – в гидрологии.

Многообразие научных ракурсов при рассмотрении одного и того же явления, – категория не только историческая, она проявляется также синхронически и зависит от различных интересов исследователей. Выделение наиболее существенного – момент субъективный. Например, три наиболее разработанных классификации ледников и соответствующие термины принадлежат одному и тому же исследователю – Хансу Альману. Он классифицировал их в зависимости от своих многочисленных научных интересов по форме: 1 – ледниковые щиты, 2 – ледниковые шапки, 3 – ледники в форме плит (плавающие языки), по динамике: 1 – активные, 2 – пассивные и 3 – мертвые; по температуре в толще льда: теплые и холодные ледники (4, 5). Заметим, что все выделенные классы носят метафорические наименования.

Следует отметить большое сходство между понятием метафоры и моделью, на которое указывает М.Блэк в работе "Ещё о метафоре" (6). По его мнению, и метафора, и модель выделяют суть явления, главное в нем (how things are), абстрагируясь от второстепенного, не ищут внешнего подобия или аналогии, включают элемент "как если бы". В целом, процесс познания можно представить как процесс моделирования окружающей действительности, в котором модель всегда не тождественна оригиналу, хотя бы потому, что представляет конечный для каждого этапа срез знаний о бесконечно сложном окружающем мире. Поэтому Блэк справедливо полагает, что метафора является лишь видимой верхушкой погруженной в воду модели. В процессе нашего исследования мы убедились, что терминологическая метафора существует лишь в рамках определенной научной концепции или модели явления, которую можно представить себе как "мета-метафору".

Сама динамика научного процесса такова, что трактовка метафорических терминов не остается неизменной. По мнению С.Куна, высказанному в работе "Метафора в науке" (10), "законы и теории вторгаются в установление референтов метафорических высказываний". И, действительно, перераспределение денотатов между классами явлений с последующим изменением параметров, существенных для референции, и может быть отнесено к научной революции. Так, изменения в представлениях о событиях четвертичного периода, явившиеся результатом применения новых методов изучения стратиграфии ледниковых отложений, были причиной пересмотра существовавших классификаций этих отложений. Показательна судьба термина "drift" (буквально: течение, дрейф, тенденция), получившего распространение задолго до теории великих оледенений, в значении валунного материала и обломков, принесенных реками или айсбергами, но никак не ледниками. Этот термин лег в основу "дрифтовой теории" Чарльза Лайеля, противопоставленной ледниковой и полностью отрицающей рельефообразующую деятельность ледников. Однако впоследствии, когда было доказано, что именно ледники сыграли основную роль при транспортировке валунов, термин "drift" стал трактоваться как обломочный материал, переносимый ледниками, и все отложения, ими образованные (?).

Принято считать, что для метафорических терминов в географии характерны эмпиризм и описательность, что они затрагивают лишь внешнюю сторону явлений и в значительной степени основаны на внешнем подобии или аналогии. Однако по мере углубления методов гляциологических исследований и в этой науке наметился переход от метафоры эмпирической к метафоре когнитивной. И в гляциологии речь зашла о явлениях не наблюдаемых глазом, иногда чисто абстрактных. К таким когнитивным метафорам можно отнести термин "деятельный слой" в леднике - слой сезонных колебаний температуры льда, толщиной 20-22 м. Перед нами, по определению М.Блэка, - "открытая метафора" (open-ended metaphor), не основанная на зримом сходстве деятельности и колебаний температур, а скорее характеризующая внутреннюю суть явлений. Сюда же можно отнести термин "энергия оледенения", который определяется как сумма градиентов годового прироста и убыли льда.

По мнению Блэка, живая и сильная метафора допускает много прочтений, так как не основана на внешнем подобии объектов, и поэтому не применима в науке. Действительно, по внешней форме термина "гостеприимный лед" (англ. friendly ice), нельзя судить, о каком льде идет речь и для кого он благоприятен. Налицо

лишь один семантический компонент – безопасность. Нам представляется, что научные термины при всей допустимости и даже желательности их яркой образности, требуют договора между носителями данной терминологии, т.е. их канонизированной трактовки. Обычно формой и средством достижения единого понимания терминов являются специальные словари.

Традиционно считалось, что термины эмоционально нейтральны и лишены образности. Справедливое требование однозначности, без которой не может существовать ни одна терминосистема, подразумевало и отсутствие коннотативных значений в терминах. Однако достаточно часто можно наблюдать : эмоциональная окраска общепотребительных слов становится количественным компонентом в семантической структуре этих же слов после их терминологизации. Это можно сказать о метафорических терминах "полочки кружев" (семантические компоненты: небольшой размер + форма вытаивания), исполиновые котлы (большой размер + форма мезорельефа), юность ледника (верховья ледника, где снег не тает), молодой снег (семантический компонент : небольшой возраст).

Гляциология особенно нуждалась в образных терминах на начальных этапах своего развития, когда отсутствие фотографии и дистанционных методов наблюдений, а также недостаточно развитое картирование явлений делали столь важной наглядность в языке. В отличие от физики, которая часто изучает ненаблюдаемые явления, гляциология имеет дело с труднодоступными или совсем недоступными объектами. Поэтому так велика была и остается нужда в ярких метафорах, несущих сжатую информацию и вызывающих быструю ответную реакцию у тех, кому они адресованы. Неслучайно, большое внимание терминотворчеству и изданию специальных словарей по снегу и льду уделяет Всемирная Метеорологическая Организация в целях обеспечения безопасности плавания судов в акваториях, покрытых морскими льдами. Ведь именно в этой области, так важна быстрая и точная передача сведений о ледовой обстановке.

В современной гляциологической терминологии существует много ярких, "ещё живых" метафор. Это "кающиеся грешники" – остроконечные образования на поверхности снега и льда в горах Шамира и в Андах, направленные в сторону полуденного солнца и напоминающие коленопреклоненных людей; "дикий снег" – беспорядочно летающие снежинки, "пьяный лес" – лес, наклоненный в одну сторону из-за постоянно дующих ветров определенного направления; русский термин "негостеприимный лед" и его английский эквивалент "hostile ice" (букв. враждебный лед) – т.е. ледяной покров, не позволяющий под-

водной лодке быстро всплыть на поверхность; "ледяные кружева" - формы вытаивания льда на солнце, а также термины "зебровый ландшафт", "тертый лед", "ледяное сало", "бараньи лбы" (франц. roche moutonnée) и их скопления - "курчавые скалы", "белая тьма", "роза метелей" и многие другие.

Наиболее яркие метафоры еще имеют кавычки, например термин "шепот звезд" - слабый звуковой фон, создающийся при кристаллизации капель воды (при дыхании, выхлопе) в безоблачную, морозную ночь, а также термин "швы сварки" - линии соединения соседних тектонических структур льда, образующих антиклинали, в языках сложных ледников.

Можно лишь удивляться сходству в функционировании человеческой психики при параллельном возникновении метафорических терминов в разных языках. Так, английский гляциолог Грэсвелл сравнивает высокогорные углубления, кары, с "креслами великанов": "великан сидит на дне кара, а ноги его опираются на дно главной долины" (8, стр.18), что очень сходно с русским термином "кресловина".

Еще более поразительным было независимое возникновение в русском, английском и поморском языках терминов "отёл", "calving" и "щёнка" в едином значении откалывания айсберга. Прямое значение слова "calving" (отёл) - рождение телёнка, а поморского "щёнка" - рождение щенков. Термин "calving" был впервые зафиксирован в 1837 г. в сообщении о наблюдениях за ледовыми отблесками на облачном небе при разединении их на отдельные блики. В 1900 г. в словаре Милля (II) этот термин имеет уже значение "откалывания айсберга". "Calf", буквально, - телёнок, детёныш кита. Производное его значение - маленький остров. Например, географическое название, "Calf of Man" - небольшой остров, лежащий недалеко от острова Мэн в Ирландском море. "Calf" (Calva) - в значении небольшого островка уходит корнями в древнескандинавский язык.

Еще совсем недавно употребление русского термина "отёл" в значении айсбергообразования вызывало обвинения в некоторой языковой фривольности. Однако в настоящий момент это значение термина зафиксировано во всех словарях и справочниках по гляциологии, в частности, по морским льдам. Однако в "Номенклатуре морских льдов" (3), изданной в 1974 г., этот термин еще приводится в кавычках.

В английском языке этот термин употребляется очень широко и, как следствие, не обладает такой метафорической новизной, как его русский аналог. Хочется при этом отметить, что при значении айсбергообразования у терминов: "отёл" и "calving" - ни англий-

172

ское "calf" , ни русское "телёнок" не имеют значения айсберга, как такового. Очевидно, что доминирует здесь семантический компонент "разъединения". Однако поморское слово "щёнок" имеет значение небольшого айсберга.

Заслуживают внимания понятийные сферы, из которых заимствует названия гляциология. Это, прежде всего, архитектура: снежные мосты, ледниковые купола, ледниковые ворота, аркады, каровые лестницы, моренные амфитеатры и многие другие термины.

Большое место принадлежит антропоморфным метафорам: язык ледника, плечо трога, морщины и шрамы на поверхности ледника, ледяные желваки.

Распространены поведенческие переносы значений, когда функционирование ледника уподобляется поведению человека. Ещё в XIX в. швейцарский врач и гляциолог Форель выделял при исследованиях Ронского ледника в Альпах "детство ледника, т.е. его верхнюю область, "развившийся" и, наконец, "состарившийся ледник" (т.е. нижнюю область ледника, где происходит убывание льда). В современной русской терминологии находим: "новорожденный ледник", "поведение ледников", "питание ледников" и т.д. В целом, английский и французский (лежащий за пределами нашего исследования) языки гораздо чаще переносят поведенческие и социальные категории на неживые объекты, чем русский. Так русскому "реки сливаются" соответствует английское - "rivers merry" (букв. реки женятся). Таких примеров можно привести очень много. Хотя и в русской номенклатуре ветров зафиксирован "женатый ветер" - ветер, дующий на оз.Селигер и затихающий на ночь.

Далее по продуктивности можно выделить:

Интерьер: огно во льду, ледяной потолок, ледниковый стол.

Продукты питания: ледяное сало, снежная крупа, ледниковое молоко, блинчатый лед, bergy s^etzer (звук, возникающий при таянии айсбергов и похожий на шипение сельтерской воды), ice cake (букв. ледяной пирожок) в значении небольшой льдины и т.д.

Ботанические сравнения: ледяные цветы, ледяные стебельки, дендрит или древовидный ледник, ствол ледника, ледниковый гриб.

Зоо - метафоры: honeycomb ice и русский аналог - сотовый лед, swan ice (лебединый лед), glacier snout (букв. морда ледника), муравьиные кучи - пирамиды на поверхности ледника, прикрытые каменным или земляным чехлом.

Природные явления, отличные от гляциальных: снежная дна, снежный бархан, ледяной цемент, антарктические оазисы, антарктическая пустыня, водяное небо, ледяное небо, ледяной пляж.

Геометрические фигуры: ледяные призмы, пирамиды, конусы.

Предметы обихода: ледяная склянка, snow blanket (снежное одеяло), washboard moraine (морена в форме стиральной доски).

Прослеживается определенная логическая связь между понятийными сферами, из которых заимствуются наименования для гляциологических понятий и теми областями, в которые они попадают. Так, архитектурные термины используются для обозначения форм мезорельефа, т.е. холмов и гряд высотой до нескольких десятков метров: ниши, амфи-театры, камовые террасы; а для форм микрорельефа и дифференциального вытаивания льда на солнце из общеразговорного языка заимствуются, в основном, названия предметов обихода и интерьера, ботанические и зоо-сравнения.

Терминологические метафоры обладают большой внутренней дефинитивностью, а иногда содержат и количественные параметры. Приведем несколько примеров:

Молодик - молодой лед, возраст которого 1 год и толщина 10-30 см;

Ледяной колодец - вертикальное цилиндрическое отверстие на леднике, диаметром 1-2 м и неограниченной глубины. Образуется в трещинах путем разрушения льда;

Ледниковый стакан - вертикальное цилиндрическое углубление шириной 3-5 см и глубиной 10-40 см, уже упоминавшийся термин "исподиновы котлы" - полусферические углубления, 10 м в поперечнике (син. эвразионные ванны);

Ледниковый стол - крупная каменная глыба на тонкой ледяной ножке. Высота 1-1,5 м.

Наряду с терминологизацией общеупотребительной лексики заметен обратный процесс: проникновение гляциологических терминов в повседневную речь. Так, в современном английском языке термин "айсберг" употребляется в значении холодного или скрытного человека (his iceberg of a wife) (9), в русском языке он тоже существует, но пока в сопоставительной конструкции "холодный, как айсберг".

В художественной литературе и публицистике, как русской, так и англоязычной, "айсберг" широко употребляется в значении явления, большая часть которого скрыта от людских глаз, а также в значении чего-то подразумеваемого, но не высказанного. Это значение восходит к широкоизвестному ныне факту, что 70-90% объема подлинного айсберга находится под водой, и лишь небольшая его часть видна. Эта, уже утратившая новизну, метафора имеет авторство. Характеризуя свою раннюю манеру письма, Э.Хемингуэй отмечал: "Если писатель хорошо знает то, о чем он пишет, он может опустить многое из то-

го, что знает, и если он пишет правдиво, читатель почувствует все опущенное так же сильно, как если бы писатель сказал об этом. Величавость движения айсберга в том, что он только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды". Эта мысль в расширившемся и несколько видоизмененном виде и породила поток "айсберговых" метафор, двинувшийся из терминологии в общеразговорный язык.

Термин "ice-break" - вскрытие льда, ледоход, употребляется сейчас и в значении небольшого приема, который устраивается в первый день работы международных симпозиумов для того, чтобы участники познакомились друг с другом. Вероятно, это его значение восходит к фразеологизму "to break the ice" - положить начало чему-либо, проложить путь для других. Однако, не исключено, что такое употребление термина связано и с целью таких мероприятий - сблизить людей, растопить лед отчуждения.

В целом, образование терминов путем метафоризации очень продуктивно и для английской, и для русской гляциологической терминологии. Статистический анализ Иллюстрированного Восьмязычного Словаря Снега и Льда (Illustrated Glossary of Snow and Ice, Cambridge, 1966) показал, что метафоры составляют 38% от общего числа английских и 30% от общего числа русских гляциологических терминов. Соотнесенность этих терминов с общеупотребительными значениями слов и образ, существующий в сознании носителей языка, повышают их информативность.

Для английского языка более свойственна активная терминологизация разговорной лексики и обратный процесс попадания научных терминов в общелитературную речь и даже жаргон, чем для русского. Одной из причин свободного движения терминов из разговорного языка в научный, является большая продуктивность конверсии в английском словообразовании и терминообразовании, в частности. Термины типа "horse-shoe glacier" (подковообразный ледник) или "thumb-print snow" (снег, напоминающий отпечатки пальцев) более компактны и образуются легче, чем их русские аналоги, которые обязательно включают компоненты "-образный", "-видный" или имеют описательную конструкцию "в виде...", "в форме", "напоминающий..."

В заключение, хочется отметить, что пути развития метафоры в русской и английской гляциологической терминологии достаточно типичны и для терминологий других естественных наук, особенно наук о Земле.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Даниленко В.П. Русская терминология: - М.: "Наука", 1977.
2. Исландские саги. Ирландский эпос. Библиотека Всемирной литературы. - М.: "Художественная литература", 1973.
3. Номенклатура морских льдов. Условные обозначения для ледовых карт. - Л.: "Гидрометеоиздат", 1974.
4. Ahlmann H.W. Scientific results of the Swedish-Norwegian Arctic Expedition in the summer of 1931. Part VIII. Glaciology. - Geogr. Annaler, 1933.
5. Ahlmann H.W. Glaciological research in the North Atlantic coasts. - London, R.G.S. Research series № 1, 1948.
6. Black M. More about metaphor. In: Metaphor and thought. Ed. by A.Ortony. - Cambridge, 1980.
7. A glossary of Geographical Terms. Edited by L.Dudley Stamp. - London, 1961.
8. Gresswell R.K. The physical geography of glaciers and glaciation. - Andover, 1958.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Oxford University Press, Oxford, 1982.
10. Kuhn S.T. Metaphor in Science. In: Metaphor and thought. Ed. by A.Ortony. - Cambridge, 1980.
11. Mill, Dictionary - Неопубликованный словарь географических терминов, составленный в 1900-1910 гг. Х.Р.Миллем по заказу Королевского Географического общества.
12. Rendu, l'Abbé. Theorie des glaciers de la Savoi. - Mémoires de l'Académie Savoi, 1841, vol.10.

Н.К.Рябцева

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ: ПРЕДЕЛЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

В обыденном сознании знание и мнение не принято смешивать, ср. Ты это точно знаешь, или только так думаешь (предполагаешь)? Это твое мнение или у тебя есть факты?

Считается, что научное знание и мнение гораздо слабее дифференцированы (Поппер, Полани, Фейерабенд и др.). Поскольку проблема знания является главной для науки, то такая нейтрализация кажется парадоксальной.

Контексты нейтрализации знания и мнения сводятся к прогнозам, оценкам и обобщениям, верификация которых в реальном мире затруднена (Арутюнова, 1988). В науке прогнозы ассоциируются с гипотезами, а обобщения - с теориями. При этом считается, что теория - это "зрелая форма научного знания", а гипотеза - это "научное предположение, нуждающееся в проверке (подтверждении)", т.е. некоторое мнение (Гусев, Семенов, Никитин и др.), ср. ньютоновское "гипотез не измышляю".

Очевидно, что теориями и гипотезами не исчерпываются формы репрезентации элементов научного познания. Менее очевидно, но достаточно ясно, что связь между теорией и гипотезой более тесная, чем между теорией и "естественным законом" (законом природы), установить которые - также задача науки. Целью нашего анализа будет установить способы выражения знания и мнения в научном тексте и условий нейтрализации, взаимоперехода и контраста научного знания и мнения, и определить их сходство и различия, как они зафиксированы в научном дискурсе.

Суждения в научном дискурсе вводятся интенциональными переменными (и-переменными): взгляд, точка зрения, мнение, высказывание, идея, гипотеза, предположение, соображение, рассуждение, мысль, подход, представление, суждение, утверждение, посылка, интерпретация, теория, концепция, знание, доказательство, вывод, заключение (и т.п.), что Р.

Несмотря на то, что все эти слова имеют собственные значения, в идеале не сводимые друг к другу (ср. теория - идея, вывод - взгляд), их роднит одно общее свойство - они обозначают объективированное в высказывании (я) мыслительное содер-

жание. Точно квалифицировать прагматическое содержание этих суждений не всегда удается в силу того, что мысли не даны субъекту "в ощущениях", а формы их выражения часто совпадают. Иначе говоря, одно и то же высказывание, например,

(I) Указание на процессуальность в толкование перформативов не входит,

может интерпретироваться и как предположение, и как утверждение, и как соображение, и как посылка или вывод и т.п. Особенно если сам автор свое суждение не квалифицирует. Суждение (I) было введено автором "миропорождающим" предикатом:

(Ia) Допустим, что указание на процессуальность в толкование перформативов не входит (Апресян).

Поэтому при ссылке на него оно будет квалифицироваться как допущение или предположение. Но такая однозначная интерпретация довольно редкий случай. Этим объясняется тот факт, что при ссылке на чужие высказывания можно с одинаковым успехом называть их содержанием и мыслью, и соображением, и точкой зрения, и суждением, и мнением.

Толчком к познавательному процессу служит знание некоторого факта и отсутствие его объяснения, т.е. "незнание". Обозначим исходный пункт познания как "знание₁ + незнание". Он соответствует вопросу, проблеме, задаче. Поиск ответа на поставленный вопрос выводится из разнообразных соображений, подкрепляемых аргументами (фактами, данными) и формулируется в виде некоторого (условного, вероятностного) знания₂, способного заменить "незнание". Эволюция знания₂ в дальнейшем состоит в том, что оно будет считаться знанием до тех пор, пока не будет фальсифицировано. В этом случае оно будет признано (ошибочным) мнением. При этом происходит определенная нейтрализация различий между научным знанием и мнением:

1). Различия между интенциональными переменными нейтрализуются благодаря тому, что все они способны "помечать" и начальный, и конечный "пункты" рассуждения, ср.:

исходить из гипотезы (мысли, предположения, идеи, теории, концепции); положить в основание теории идею (мысль) о том, что P - прийти к мысли (выводу), построить теорию (доказательство, концепцию), выдвинуть гипотезу (предположение).

2). Различия между интенциональными переменными нейтрализуются

ются тем обстоятельством, что все они, равно как и выводное знание (Витгенштейн), нуждаются в обосновании, ср.:

привести факты (аргументы, соображения) в поддержку теории (мнения, гипотезы, мысли, вывода).

Теорию, концепцию, гипотезу, идею, подобно мнению, выдвигают, обосновывают, доказывают, отвергают; их же, подобно знанию, кладут в основу рассуждений, ими руководствуются; они имеют источник и характеризуются способом получения (ср.: сформулированная в результате исследования теория, гипотеза).

3). Различия между интенциональными переменными нейтрализуются также в виду недискретности поля их референции: их значения, в зависимости от контекста, способны пробегать недискретную шкалу от "истинного знания" до "ложного предположения"; ср. значения выражений "точка зрения", "взгляд":

- наши взгляды углубляются и расширяются ('знания');
- сторонники противоположной точки зрения (материалистических взглядов); принять (разделять) взгляды ('убеждения');
- распространенный взгляд (точка зрения); пересмотреть (изменить) взгляд, точку зрения ('мнение'), ср.: С точки зрения X, P = 'X считает, что P' = 'По мнению X, P';
- высказать свою точку зрения, взгляды; изложить альтернативную точку зрения; правильный взгляд на вещи ('суждение');
- выработать новый взгляд; совпадение точек зрения; совершенствовать взгляды ('позиция');
- Данная точка зрения подтверждается ('прогноз');
- Этот взгляд игнорирует вопрос о ценности информации ('подход').

4). Употребление слова "теория" в научном дискурсе свидетельствует о том, что теории не противопоставляются другим видам интенциональных переменных. Значение этого слова также представляет собой континуум слабодифференцированных значений:

теория \approx 'мнение', 'предположение': соперничающие теории, отказаться от теории, выдвинуть теорию, с позиций этой теории;

теория \approx 'идея': трактовать теорию, господство теории T, развивать теорию;

теория \approx 'интерпретация': Теория T объясняет специфику закона C, свести теорию к описанию;

теория \approx 'ответ на вопрос': теория T способна дать ответ, Теория T служит решению лишь определенных задач;

теория = 'содержание': данная теория пересекается с содержанием других дисциплин, теория Т может быть представлена в виде наглядных моделей;

теория = 'рассуждение': выводы теории, теория противоречит фактам, логика развития теории;

теория = 'знание': приложение (использование) теории на практике, теоретический базис, Теория - это зрелая форма знания;

теория = 'наука': ср. *теория и наука, научные выводы = теоретические выводы.

Слабая дифференцированность значений и-переменных отражает возможность "обращения" мнения в знание и наоборот. Мнение, предположение, гипотеза, теория будут считаться знанием до тех пор, пока это знание не будет осознано как мнение, ср.: подвергнуть теорию проверке новыми фактами, подвергнуть критике теорию (гипотезу, мысль, концепцию, идею) о том, что Р; Концепция К оставляет без ответа целый ряд вопросов (не объясняет новые факты).

Но пока мнения, идея, мысль и т.п. не фальсифицированы, они операционально пригодны для рассуждений, выводов, аргументов; на них можно опираться, из них можно исходить, т.е. они подобны знанию.

И-переменные обозначают идеальные по происхождению сущности, которые квалифицируются, как правило, качественно: интересная, перспективная, необычная, новая, свежая, гениальная, плоская, тривиальная мысль (идея, гипотеза). "Количественные" оценки характеризуют их также скорее с качественной стороны, ср.: глубокая/поверхностная мысль, пространное рассуждение, *большая/маленькая идея. Тем не менее, различия между и-переменными в большой степени "количественные", а не качественные: гипотеза нуждается в проверке фактами и потому ее проще фальсифицировать, чем теорию, которая, по определению, более аргументирована. Они различаются также степенью контроля: мнения, впечатления, предположения складываются; взгляды, точки зрения формируются, мысли, идеи, гипотезы выдвигаются; теории, концепции строятся. Нельзя *построить мнение, взгляд, идею; *выразить (высказать) теорию, концепцию, т.к. теория не складывается сама по себе, а строится осознанными усилиями субъекта.

Однако мнение, идея, гипотеза, теория, концепция и др. интенциональные переменные – находятся "по одну сторону". Между ними гораздо больше общего, чем отличного. Все и-переменные выражают более или менее аргументированное мнение субъекта об объективном мире, они верны по отношению к миру с большей или меньшей вероятностью и потому подразумевают обоснование. Операциональное знание, содержащееся в них, это вероятностное (субъективное) знание. Оно выводится индуктивно: через обобщение верифицированных относительно отдельных элементов множества M пропозиций P , и предполагает вероятную истинность вывода относительно остальных элементов множества M . Поэтому обобщение описывает возможный мир, в нем фиксируется знание, недостаточное в отношении "будущих" элементов множества M ; это правило, терпящее исключения.

Выявленная слабая дифференцированность научного знания и мнения кажется странной, ведь знание играет в жизни человека очень важную роль, а его отсутствие – незнание – сопряжено с проблемами и трудностями.

Компонент "незнание" входит в представление о том, что такое вопрос, а сами вопросы, появляющиеся в жизни человека, влекут для него разнообразные неудобства именно потому, что при помощи вопросов он осознает свое незнание: вопросы – это реакция на незнание. Вопросы поэтому озадачивают, вызывают трудности, преследуют, мучают, волнуют, не дают покоя и могут выйти из-под контроля. То, что с вопросами связаны нестандартные, "неправильные", "отрицательные" ситуации, следует из того смысла, который вкладывается в выражения, содержащие слово "вопрос", ср.:

вопрос \approx 'сомнение, неуверенность': поставить под вопрос, оставить вопрос открытым (= 'без ответа'), Вопрос не в том, что P/ не в этом, ср.: остаться под вопросом – remain undecided;

вопрос \approx 'противоречие': спорный вопрос, дать ответ на очевидное противоречие, Этот вопрос волнует философов, Вокруг этого вопроса разгорелись споры;

вопрос \approx 'невыявленное содержание': толковать вопросы, вопрос заключается в том, чтобы..., задаться вопросом, выяснить вопрос;

вопрос \approx 'незаконченное дело': заниматься вопросами экономики, вопрос требует анализа ситуации, работать над вопросом, справиться с вопросом;

181

вопрос = 'препятствие, трудность': вопрос упирается в поиск выхода из сложившейся ситуации, встал вопрос о выборе P, вопрос возникает, снять вопрос (= 'преодолеть препятствие'); столкнуться с вопросом, подойти к вопросу, это другой вопрос;

вопрос = 'нерешенная задача': решить вопрос, возвратиться к вопросу (= 'решить снова'), вопрос ждет решения, насущный вопрос;

вопрос = 'неясное изображение, картина, силуэт': неясность вопроса, осветить вопрос, рассмотреть вопрос, взглянуть на вопрос иначе, прояснить вопрос, пролить свет на вопрос;

вопрос = 'груз, тяжесть, предмет, находящийся не на (своем) месте / не в естественном положении': оставить / поставить / поднять вопрос, оставить вопрос открытым, снять вопрос;

вопрос = 'несорванный плод': вопрос созрел, назревший вопрос, ср.: *несозревший/неназревший вопрос.

Таким образом, вопросы, как воплощающие незнание, представляются как нечто, препятствующее нормальному ходу событий. Для его "восстановления" необходимо знание (а не мнение). Поэтому знание для человека очень важно: оно делает его сильным и независимым от обстоятельств. Отсутствие знаний чревато серьезными последствиями, поэтому приобретение и накопление знаний - обязательный компонент жизнедеятельности человека. Приложение знаний предполагает некоторое соответствие его формы той онтологической ситуации, в которой оно используется. В противном случае необходима трансформация или модификация знания. В практической деятельности происходит материализация знания, и наоборот: в знаниях отражаются результаты практической деятельности. Знания добывают, получают, развивают, накапливают, углубляют, расширяют и т.п. Представления о знании, которые вкладываются в описания соответствующих ситуаций, говорят о его значимости, ср.:

обогащать знания, преобразовывать знания, концентрировать знания ('содержание'); борьба истинного знания и ошибочных построений, мобилизовать знания, злоупотреблять знаниями, вооружить знаниями ('сила'); сумма знаний, совокупность знаний, добывать знания, присвоение знания, накапливать знания ('капитал, резерв, ресурс'); фиксировать знания, развивать знания ('суждение'); передавать знания, усваивать знания ('информация'); использовать, применять знания на практике ('инструмент, средство'), материализация, воплощение знания ('идеи'); выражение знания ('смысл').

Примеры можно было бы продолжить, но, видимо, и из приведенных ясно, что знание и незнание играют большое значение для человека, а неразличение знания и мнения в теоретических построениях выглядит нелогичным.

Картина прояснится, если допустить, что в науке релевантно противопоставление не столько знания и мнения, сколько вероятностного знания и необходимого знания.

Вероятностное знание субъективно, временно, т.е. изменчиво, гипотетично, оно эквивалентно, но не идентично мнению, и не тождественно ему (ср. Dilworth, 1988). Вероятностному знанию противопоставлено необходимое знание. Его содержание – "естественные законы", предсказывающие и объясняющие (будущие) события не с некоторой вероятностью, а с необходимостью: Всякий (любой) ягуар – (с необходимостью) хищное животное; Любой (всякий) человек смертен. Необходимое знание устанавливается дедуктивно и потому не зависит от объема гипотетического множества элементов М (ягуаров, людей), относительно которого оно верно.

В отличие от гипотез, теорий и концепций, закон действует, он независим от субъекта и потому объективен, он не может быть предан забвению и уйти в прошлое, он диктует развитие явлений и не может быть изменен по воле субъекта. Это "экстенциональная константа", которой подчиняются события, и ход которых не может быть приостановлен субъективным образом.

Концептуализация представлений о теории и законе разительно несхожа и отражает их принципиальную противопоставленность по крайней мере по следующим параметрам.

1. Начальная точка. Теории и идеи возникают, зарождаются, высказываются, выдвигаются, т.е. имеют начальную точку своего существования. Естественный закон не возникает, это константа.

2. Связь с субъектом. Теории и идеи зарождаются в интеллекте субъекта. Содержание вероятностного знания поддается его воздействию: теорию, гипотезу, мысль субъект может развить, преобразовать, изменить, обогатить, "породить", выдвинуть, обосновать, потому что мир идей принадлежит субъекту и подчинен его воле. Закон и объективная необходимость действуют независимо от воли и интеллекта субъекта. Закон нельзя обогатить, выдвинуть, присвоить, ср.: Мысль (гипотеза), принадлежащая Дарвину – *Закон, принадлежащий Дарвину. Показатели принадлежности субъекту характерны для и-переменных, но не для независимых от него сущностей: собственный взгляд на вещи, личное мнение, высказать свою гипотезу, ср.:

*собственный (свой) закон; *моя тенденция, *его необходимость. Идеи и теории, напротив, подобно головной боли, принадлежат субъекту.

3. Целенаправленность. Зависимость от субъекта связывает теории и мысли с целеполаганием: выдвинуть теорию с целью объяснить явление Р, развить гипотезу Т с целью распространить ее на более широкий класс явлений. Целенаправленность субъекта отражена в каузативном компоненте в значении глагола, "констатирующего" воздействие на идеальные сущности. Этот компонент можно интерпретировать как "Подвергнуть и-переменную воздействию \neq с целью У":

распространить гипотезу \approx 'подвергнуть гипотезу распространению (с целью У);

развить теорию \approx 'подвергнуть теорию развитию (с целью У)'.

Закон не связан с целеполаганием и его нельзя подвергнуть какому-либо воздействию, он не подконтролен субъекту, ср.: *направить закон X на объяснение Т, *развить закон. Естественным законом нельзя управлять, ср.: *управлять законами магнетизма/всемирного тяготения.

4. Функционирование. Теории и идеи "антропоцентричны": они сталкиваются, противоборствуют, уживаются друг с другом или конкурируют, сменяют друг друга; они могут устареть, развиваться, уйти в прошлое. Борьба законов природы, напротив, невозможна; законы не приходят и уходят, и не вступают в конфликты друг с другом.

5. Отношение к высказыванию (и языку): Теории, гипотезы и мысли возникают и существуют благодаря языку. Невысказанные теории и мысли не могут стать фактом действительности. Теории и мысли коррелятивны суждению (утверждению): их высказывают, оспаривают, аргументируют, они имеют референцию к категориям ментального плана: Эта мысль (гипотеза, теория, концепция) убедительна (нелепа, сомнительна), ср.: *закон всемирного тяготения недеп. Мысли и теории не описывают, а излагают, поскольку они являются результатом концептуализации и структурирования действительности по модели суждения (ср. Арутюнова 1988, с.155). Законы природы действуют независимо от существования языка и от утверждений, их описывающих. Открытие законов сопровождается их фиксированием в виде естественноречевых или искусственноречевых (формальных) выражений.

Мысли и теории фиксируют погружение интеллекта в мир действительности. Законы фиксируют погружение действительности в мир интеллекта. Они существуют безотносительно к суждению. Если суждение задает факт, мысль, гипотезу, то открытие закона задает суждение.

6. Отношение к реальности. Законы управляют явлениями и принадлежат реальности, поэтому их открывают (подобно месторождениям) или обнаруживают, подобно предметам, или устанавливают, подобно истине. Теории и мысли сливаются с реальностью и оценивают их соответствие. Они могут быть верными и неверными, правильными и неправильными, истинными и ложными.

7. Конечная точка. Идея может оказаться "живучей" или, наоборот, скоро устареть и подвергнуться забвению. Мысль можно похоронить, гипотезу отвергнуть, теорию отместить, взгляды объявить отсталыми. Все они могут уйти в прошлое. Естественный закон, как константа, не подвержен изменениям, старению, отмиранию. Ему неизвестны точки возникновения, роста, расцвета, зрелости, упадка. Мыслям же свойственны слабости субъекта – зарождение, расцвет, борьба, отмирание.

Вероятностное знание противопоставлено необходимому знанию как синтетическое суждение – аналитическому (Кант). Но как бы ни были они контрастны, они не могут существовать независимо и раздельно. Без предположений, гипотез, теорий нельзя открыть закон, не открыв закон, нельзя объяснить развитие событий. Без знания нет мнения, а без мнения не получить знания.

Для научного поиска релевантно разграничение вероятностного знания и необходимого знания потому, что научные суждения должны обобщать, предсказывать и объяснять. Вероятностное знание интенционально, субъективно ("субъектно"), гипотетично, изменчиво. Его содержание фиксируется и-переменными, подчиняющими синтетические суждения. Необходимое знание объективно, постоянно, не зависит от целей субъекта и его ментальных состояний, его содержание фиксируется "экстенциональными константами" (закон, необходимо, всегда, всякий). Стимулом развития необходимого знания является вероятностное знание. Поэтому научное знание, с одной стороны, гипотетично, теоретично, динамично, относительно, обоснованно, а с другой – содержательно, необходимо, объективно, абсолютно, кумулятивно.

Сказанное в полной мере относится только к законам природы. Законы общества не могут быть столь же безапелляционными по той причине, что на ход событий в социальной сфере накладывает отпечаток воля, разум и психика субъекта, т.е. его интенциональность (Searle 1984, Itkonen 1983).

Таким образом, нейтрализация знания и мнения в научном познании отражена в понятиях идея, мысль, гипотеза, теория, концепция и т.п. В них содержится установка на вероятностное знание, которая проявляется во взаимопереходах значений, в которых употребляются эти интенциональные переменные. Контраст вероятностного знания и необходимого знания фиксируется константами закон, необходимо, всегда. Поэтому отношения между научным знанием и мнением могут проявляться в их (1) нейтрализации, (2) взаимопереходе, (3) контрасте.

Литература

- Н.Д.Арутюнова. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
- Dilworth, C. Identity, Equality, and Equivalence // Dialectica. Vienna, 1988, v 42, N 2.
- Е.Итконен. Causality in Linguistic Theory. Bloomington, 1983.
- J.R.Searle. Minds, Brains, and Science. Harvard, 1984.

ТОЖДЕСТВО ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ И ВОПРОСО-ОТВЕТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

В гносеологическом аспекте вопрос и ответ являются разными сущностями. В вопросе представлено два или несколько возможных миров¹, которые эпистемологически понимаются как другие варианты видения реального мира². Спрашивающий соотносит эти возможные миры не с действительностью, реальным миром, а один возможный мир с другим или целым рядом возможных миров, эксплицированных в вопросе (Павел уехал или остался дома?; Каковы должны быть мои первые слова? Товарищи? Граждане? Друзья?) или не эксплицированных (Существуют ли единороги?, существуют или не существуют?); Каковы должны быть мои первые слова?)³.

Отсутствии необходимости соотнести с реальным миром "построенные" спрашивающим возможные миры приводит к тому, что в вопросе может идти речь практически о любых, даже самых необычных возможных мирах. Таковы, например, вопросы-софизмы древнегреческих философов Мегарской школы типа Перестал ли ты бить своего отца?, Перестал ли ты носить рога?

Необязательная тождественность возможных миров вопроса реальному миру лежит в основе особой роли вопросов в человеческом познании вообще и в научном познании, в частности. Этот феномен наилучшим образом отразил Кант в первых строках "Предисловия к I-му изданию "Критики чистого разума": "На долю человеческого разума ... выпала странная судьба: его озадачивают вопро-

¹ Применительно к вопросу-ответной последовательности понятия "возможный мир" Лейбница, "положение дел" Витгенштейна, "состояния" Карнапа могут считаться тождественными.

² См. о таком понимании возможных миров, отличном от онтологического их понимания, в (Целищев, с.28).

³ См. в (Смирнова, с.72): "'Возможные миры' моделируют перебор обстоятельств, альтернативных положений дел... Одно дело - реально существующее в мире положение дел, другое - положения дел, допустимые в соответствии с нашим знанием или концептуальным аппаратом, законами логики, принимаемыми гипотезами, нормами и т.д. Особое место занимают положения дел, согласующиеся с нашими установками - желанием, верой, мнением, полаганием, с этическими установками и, наконец, даже с мирами мечты или фантазий". См. о семантике вопросов в свете понятия возможных миров в (Иванов, с.16-18).

сы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума". В этом же, по существу, состоит "герменевтическое первенство" вопроса: "Открытость, заключенная в сущности опыта, есть с логической точки зрения... открытость для "так или этак". Она обладает структурой вопроса. И подобно тому как диалектическая негативность опыта обретает законченность в идее завершения опыта, в которой мы сознаем свою собственную конечность и ограниченность, — точно так же логическая форма вопроса и заложенная в ней негативность обретают завершенность в некоей радикальной негативности: в знании незнания.(...)... всякое знание проходит через вопрос"(Гадамер, с.426-427).

Как представляется, именно это гносеологическое свойство вопросов, предопределяющее практически все остальные их свойства, позволяет создавать т.н. интеррогативные теории исследования и, в частности, утверждать, что "любой этап науки задается определенным набором вопросов" (Сорина, с.34). Не случайным в этой связи кажется и то, что исследование вопросов было начато именно философами: вопрос как вид речи выделен Протагором, с помощью вопросов искал истину Сократ, вопрос изучался Платоном (Лимантов, с.19-23).

Соотнесение представленных в вопросе возможных миров с реальным миром производится отвечающим, который выбирает один из миров спрашивающего (С. Павел уехал или остался дома? О. Уехал.; С. Существуют ли единороги? О. Не существуют.). Думается, что именно в ответе происходит то сравнение действительности с предложением, о котором писал Витгенштейн; именно в ответе (в пределах вопроса-ответной последовательности) говорящий мысленно "привязывает" пропозицию к реальному миру (см. *Van dererveken*, p.87). Сходство с нашим пониманием гносеологической роли ответа видится и в следующем высказывании: "...если вы спросите меня: "Идет ли дождь?", то я, посмотрев в окно, могу ответить "да" или "нет", и оба ответа будут... на одном уровне. В этом случае я имею дело, во-первых, с предложением, а во-вторых, из-за него с метеорологическим фактом, который дает мне возможность сказать "да" или "нет". Если я говорю "да", то я говорю не "дождь идет", а " предложение "идет дождь" ис-

тинно"; ибо то, что поставлено передо мной в вашем вопросе, есть предложение, а не метеорологический факт. Если я отвечаю "нет", я говорю: "Предложение "идет дождь" ложно". При этом остается возможность истолковать предложение: "Дождь не идет в смысле: "Предложение "идет дождь" ложно"(Рассел, с.155).

Разная гносеологическая сущность вопроса и ответа приводит к разному подходу при решении проблем истинности вопроса и истинности ответа. Почти общепризнанна непродуктивность самой постановки проблемы истинности вопроса (Падучева, с.90; Белнап, Стил, с.16, II9), и это объясняется, по-видимому, именно несоотнесенностью возможных миров вопроса с действительным миром⁴. Проблема истинности ответа решается тривиальным соотношением положения дел в мире отвечающего с положением дел в мире объективном, мире всех потенциальных отвечающих. При тождестве этих миров ответ истинен, при отсутствии тождества — ложен. Так, ответ Павел уехал. истинен, если Павел действительно уехал, и ложен, если, например, Павла нет и не было в том месте, о котором идет речь.

Отвечающий более ограничен в выборе положения дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров для вопроса. Ограничения спрашивающего обусловлены преимущественно тем комплексом факторов, которые, по Ю.Д.Апресяну, формируют т.н. личную сферу говорящего. Отвечающему же, кроме ограничений своей личной сферы, "навязываются" возможные миры спрашивающего, которые в той или иной мере предопределены личной сферой последнего⁵. Кроме того, отвечающий в силу своей позиции в диалоге имеет четкие "гносеологические обязанности", состоящие в соотношении выбранного положения дел с действительностью.

Отвечающий может выбрать не только один из возможных миров, предложенных спрашивающим (С.В каком году вы родились?

⁴ Хотя проблема истинности в возможном мире решается, например, в том случае, когда речь идет об истинности пропозиции: "...пропозиция истинна в каком-то возможном мире, если положение дел, представленное этой пропозицией, существовало бы при условии реальности этого мира, и ... она ложна в этом возможном мире в противоположном случае" (Vanderweken, p.85).

⁵ См. в (Токоучава, р.43-72) об "импозиции", навязывании своего знания говорящим адресату, который обычно это навязанное знание принимает.

О. В 1914.), но по тем или иным причинам представить положение дел, не тождественное ни одному из возможных миров вопроса (С. В каком году вы родились? О. Сегодня светит солнце.). Отвечающий может также "построить" свои, не соотнесенные с действительностью возможные миры (С. В каком году вы родились? О. А почему вы хотите об этом знать?). Последнее нередко воспринимается как нарушение коммуникативных конвенций - извещен запрет типа "Нельзя (неприлично) отвечать вопросом на вопрос". Этот запрет, однако, применим лишь к собственно-вопросам, где возможные миры не соотносятся с реальным миром. Что касается несобственно-вопросов, то, будучи соотнесены с действительностью, они прекрасно функционируют в качестве ответов. Это - несобственно-вопросы, констатирующие положение дел противоположное (С. Вернулись холостые? О. На ком жениться мне?' мне не на ком (было) жениться') или данное и передающие отношение говорящего к этому положению дел (С. Почему Павел уехал? О. Неужели (разве) ты этого не понимаешь? 'я (очень) удивлен(а), что ты этого не понимаешь'), вопросы, побуждающие к действию или запрещающие действие (С. А единороги существуют? О. Почему ты задаешь глупые вопросы?' не задавай глупых вопросов').

Рассмотрение вопроса-ответной

последовательности показывает, что противоречивость вопроса может считаться "доантиномической" - в вопросе лишь фиксируется

⁶ Среди несобственно-вопросов наиболее очевидно соотнесены с реальностью вопросы-констатации данного положения вещей - они образуются на основе суждения (Павел, конечно, уехал?) и умозаключений (Следовательно, он уже уехал?). Вопросы-констатации противоположного положения дел также построены на основе умозаключений (Кто себе зла желает? 'никто себе зла не может желать/ не желает')/ логико-семантический анализ т.н. риторических вопросов см. в (Оськина, с.344-347). Вопросы-побуждения предписывают или запрещают обусловленные самой действительностью действия (Ты открыл форточку? 'открыл или не открыл - если не открыл, то открой'). Соотнесены с реальным миром также и вопросы-контактные формы, нередко используемые в ответах (С. Неужели он так куда и не уезжал? О. Представляешь?) - эти вопросы устанавливают или поддерживают контакт между реально существующими и обычно присутствующими в одном месте говорящими.

различие между возможными мирами (Павел уехал или не уехал?). В ответе же эта противоречивость либо полностью снимается (С. Павел уехал или не уехал? О. Уехал.), либо сохраняется и становится логическим противоречием, антиномией (С. Павел уехал или не уехал? О. *Уехал или не уехал.). Эта антиномия, однако, преодолима с помощью специальных языковых средств (С. Павел уехал или не уехал? О. Не знаю. 'не знаю, уехал он или не уехал').

На наш взгляд, соотнесение выбранного отвечающим положения дел с действительностью происходит на основе общеязыкового метонимического принципа представления целого по части. При этом целым является заданная спрашивающим совокупность возможных положения дел (миров), частью – положение дел, выбранное отвечающим. Например, это имеет место в собственно-ответах, подтверждающих представленное в вопросе положение дел (т.е. один из возможных миров спрашивающего) (С. Углы квадрата прямые, тупые или острые? О. Углы квадрата прямые.) или его опровергающих (С. Ну, а ты что ничего не делаешь? О. Я делаю...).

По-видимому, именно действием метонимического "механизма" обусловлено то, что построенные спрашивающим возможные миры вербализованы в большей степени, чем положение дел, выбранное отвечающим – в ответе наряду с т.н. полными и неполными (эллиптическими) предложениями широко используются слова-символы да и нет (см. о них: Голубева-Монаткина, с. II и след.), такие невербальные средства как жест, "бессловесные притом кратчайшие интонации", "из которых мой собеседник сразу поймет, пойду ли я гулять или не пойду (речь идет об ответе на вопрос Пойду ли я гулять?–Н.Г.–М.). И в этом звуке м... (...) вы сразу услышите "Да, я пойду", или "Нет, я не пойду", или "Я еще подумаю", или "Это зависит не от меня", или "Мне хочется пойти, но я не пойду", "Я не пойду, но мне хочется пойти", или "Мне некогда", или "Я пойду завтра", или "Я вообще с вами не хочу ходить", или "Я с удовольствием пошел бы, но меша-

⁷Быть может, именно это имел в виду Гегель, когда при анализе ответа мегарика Менедема на вопрос Перестал ли ты бить своего отца? отметил: "Когда появляется сознание противоположностей, представление их не дает противоречию соединиться; на самом деле это противоречие встречается в чувственных вещах, как, например, в пространстве, времени..." (Гегель, с. 99).

ют дела", или "Как же мы пойдем, если идет дождь?", или "Какой бы дождь не шел, я все равно с вами пойду гулять", или "Дело не в прогулке, но в нашей дружбе", или "Уйдите, вы мне надоели!" и т.д. и т.д." (Лосев, с. 22).

Оказывается, однако, что метонимический принцип "работает" в вопросе-ответной последовательности в том случае, когда выбранное отвечающим положение дел тождественно положению дел, представленному в виде возможного мира в вопросе (С. В каком году вы родились? О. В 1914.), и "бездействует" при отсутствии такой тождественности (С. В каком году вы родились? О. Сегодня светит солнце. при невозможности ответов на этот вопрос типа *Солнце. или *Воску светит.; ср. "нормальные" вопросо-ответные последовательности С. Сегодня у вас солнце? О. Воску светит., С. У вас сегодня дождь? О. Солнце.). При "бездействии" метонимического принципа отвечающий четко вербализирует выбранное им положение дел (С. А единороги существуют? О. Почему ты постоянно задаешь глупые вопросы?).

Думается, что тождество положений дел (возможных миров), представленных в вопросе и ответе, делает нормой использование в ответах кодифицированного литературного языка и неполных предложений и слов-символов да и нет. Если в мире отвечающего сын бьет своего отца, Павел уехал и существуют единороги, то на вопросы Перестал ли ты бить своего отца?, Павел уехал? и А единороги существуют? последуют вполне кодифицированные ответные предложения Да. ('я перестал бить отца', 'Павел уехал;', 'единороги существуют') или Не перестал. ('я не перестал бить отца'), Не уехал. ('Павел не уехал'), Только на гобелене "Дама с единорогом". ('они существуют только на гобелене "Дама с единорогом"').

"Плохие", или аномальные, повествовательные предложения, употребленные в вопросе-ответной последовательности, могут сделаться "хорошими" ответными предложениями. Необходимым условием для этого также является тождество положений дел (возможных миров), представленных в вопросе и ответе. Например, аномальное повествовательное предложение За этот год добыча угля не возросла на 10 миллионов тонн. (Богуславский, с. 32) нормально в качестве ответного на вопрос типа Скажите же мне, наконец: за этот год добыча угля возросла или не возросла на

10 миллионов тонн? Подобная закономерность является, на наш взгляд, также результатом "работы" метонимического "механизма" в вопросе-ответной последовательности: важны не те средства выражения, которые использует отвечающий (это могут быть предложения полные и неполные, "хорошие" и аномальные, жесты, "бессловесные и притом кратчайшие интонации", архиважно лишь то, чтобы имела место ясная символизация выбранного отвечающим положения дел. Существуют, конечно, и ограничения в выборе средств для ответа, накладываемые на носителей данного языка разного рода конвенциями (грамматическими, прагматическими и другими)...

ЛИТЕРАТУРА

1. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. - М., 1981.
2. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. - М., 1985.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. - М., 1988.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии // Соч.-Т.10.Кн.2. XXXIV.-М., 1932.
5. Голубева-Монаткина Н.И. Синонимические конструкции в русском диалоге // РЯШ.- 1988.-№12.
6. Иванов Вяч.Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики 1980.- М., 1982.
7. Лимантов Ф.С. Лекции по логике вопросов. - Л., 1975.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. -М.,1982.
9. Оськина И.В. Риторический вопрос и его роль в выражении логических умозаключений // Риторика и синтаксические структуры. Краевая научно-техническая конференция: Тезисы докладов и сообщений. - Красноярск, 1988.
10. Падучева Е.В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка.- Новосибирск, 1981.
11. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы.-М., 1957.
12. Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. - М., 1986.
13. Сорина Г.В. К вопросу о построении интеррогативной методологии научного исследования // Проблемы логики и методологии научного познания. - М., 1988.
14. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. -М., 1977.
15. Vanderweken D. Les actes de discours: Essai de philosophie du langage et de l'esprit sur la signification des énonciations. - Liège: Bruxelles, 1988.
16. Yokoyama C.T. Discourse and word order.-Amsterdam etc, 1986.

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СХОДСТВА НЕЙТРАЛЬНОГО И КОНТРАСТИВНОГО ОТРИЦАНИЯ

1. Вводные замечания. Как известно, сложившаяся к настоящему времени методология семантической интерпретации отрицания исходит из положения о том, что в общем случае его можно трактовать как негативную оценку истинности (ОИ) [1,2] некоторой информации, в той или иной модальности уже актуализованной в общем поле зрения говорящего и слушающего. При таком подходе отрицание естественно рассматривать как динамический процесс, функция которого состоит в исправлении, коррекции того или иного фрагмента информации, которой располагает слушающий. В качестве имманентных характеристик такого динамического преобразования естественно выделяются следующие:

1) актуализация в сознании слушающего некоторой "готовой" смысловой порции - пропозиции, в которой определенная рема уже сопоставлена некоторой теме. Такую смысловую порцию, подлежащую в дальнейшем коррекции, назовем "стартовой информацией" (СИ). Например, в (1) Мешок не весит 50 кг в качестве СИ выступает значение 'вес мешка равен 50 кг или больше', а в (2) Пальто не стоит 100 руб. - 'стоимость пальто равна 100 руб. или больше';

2) опровержение СИ, т.е. помещение ее в сферу действия негативной ОИ, указывающей на "неправомерность сопоставления данной ремы соответствующей теме"[2]: 'то, что мешок весит 50 кг или больше, неверно'; 'то, что пальто стоит 50 руб. или больше, неверно';

3) формирование новой, "финишной" информации (ФИ) в результате сопоставления данной теме другой, "правильной", ремы. При этом степень конкретизации ФИ может варьироваться. Так, ФИ для (1) будет иметь вид 'вес мешка меньше 50 кг', а для (2) - 'стоимость пальто меньше 100 руб.'

В работе [2] для адекватного описания коммуникативной функции контрастивного отрицания И.М.Богуславским была предложена структурно-семантическая модель вида 'X не есть P, а есть Q'. В то же время представляется, что на глубинном уровне данная модель может быть с успехом использована для интерпретации любой негативной ОИ, независимо от того, какой тип отрицания - "нейтральный" или противопоставительный - использован для ее поверхностной реализации. При этом позиции компонента P должна соответствовать СИ, а компоненту Q - ФИ. Тогда семантическая интерпретация приме-

194

ра (I) будет представлена следующим образом: (I) \approx 'Можно было полагать (некто считает...), что вес мешка равен 50 кг или больше. Вес мешка равен не 50 кг или больше, а меньше 50 кг'. Подобные описания, в частности, эксплицируют противопоставление модальностей СИ и ФИ. Так, СИ 'вес мешка равен 50 кг или больше' никак не может соответствовать реальной, фактивной модальности — это всегда некоторое мнение, содержание которого не может иметь референтный статус (в смысле работ [3,4]) — ведь именно оно и опровергается. При этом виды нереферентных модальностей существования СИ могут быть достаточно разнообразными: предположение, возможность, ожидание, долженствование, чья-то (но не говорящего!) уверенность и т.д. И наоборот, содержание ФИ (по крайней мере в однозначных негативных ОИ) характеризуется референтной соотнесенностью — ведь в ФИ теме уже сопоставлена "правильная" рема, соответствующая, по убеждению говорящего, реальной действительности.

Приведем еще ряд примеров СемП негативных ОИ, в которых проводится единообразная дифференциация СИ и ФИ. Представляет интерес сопоставление таких отрицательных предложений, которые характеризуются одной и той же СИ, но разными ФИ. Ср. высказывания, построенные на базе предиката n -ного порядка "во-время $R(x)$ ", различия в интерпретации которых связаны с позицией отрицания — не $R(x)$ во-время или же $R(x)$ не во-время: (3) Он не пришел во-время \approx 'Можно было полагать, что временем его прихода было "во-время"'. Временем его прихода было не "во-время", а позже, чем "во-время"'. Ср. в связи с этим предикат опаздывать, который допускает эксплицитное выражение меры девиации [5] и на глубинном уровне также может быть представлен как негативная ОИ: (4) Он опоздал на час = '...Временем его прибытия было не "во-время", а на час позже, чем "во-время"'. С другой стороны, (5) Он пришел не во-время \approx '... Временем его прихода было не "во-время", а раньше или позже, чем "во-время"'.

Случаи так. наз. "сильного" и "слабого" отрицания [6] могут рассматриваться как разные варианты опровержения одной и той же СИ. Ср.: (6) Не все спали = 'Можно было полагать, что количество спавших из обсуждаемого множества лиц равно количеству лиц, образующих данное множество.' * Количество спавших из данного множества

*Здесь используется толкование значений местоимений типа все, каждый, предложенное в работе [7]. В более строгой формулировке содержание данной презумптивной предпосылки может быть представлено следующим образом: ' $R(x_i)$ ($x_i \in \{\text{обсуждаемое множество лиц}\}$) Количество случаев типа СПАТЬ(x_i) равно количеству лиц, образующих данное множество'.

равно не количеству лиц, образующих данное множество, а меньше этого количества. В то же время (7) Все не спали = Никто не спал ≈ '...Количество спавших из данного множества лиц равно не количеству лиц, образующих данное множество, а равно нулю'.

Сопоставление же примера (1) с формально подобным (8) обнаруживает расхождение как в СИ, так и в ФИ: (8) Мешок весит не 50 кг ≈ 'Можно было полагать, что вес мешка равен 50 кг. Вес мешка равен не 50 кг, а определен на шкале параметра "вес" за вычетом значения 50 кг'.

2. Область определения значений СИ и ФИ. Область определения значений СИ и ФИ — это некоторое абстрактное ассоциативное множество, способы формирования которого могут быть различными. Типом данного множества, в частности, предопределяется вид той темы, которой сопоставляется рема СИ или ФИ. Такая тема представляет собой некоторый обобщенный (недоопределенный) показатель, нуждающийся в уточнении, а ремой, собственно, и является его конкретизация, степень детальности которой в ФИ не всегда оказывается для слушающего достаточной. Примеры: Пришел не Коля (тема — 'тот, кто пришел...'); Коля (сейчас) не пишет (тема — 'то, что можно сказать о Коле в данном временном интервале...'); Мешок не весит 50 кг (тема — 'то, что можно сказать о весе мешка...'); Не все спали (тема — 'то, что можно сказать о количестве спавших...'). При этом выделяется по крайней мере два основных типа областей определения СИ и ФИ: 1) область образует подмножество некоторого открытого или закрытого неупорядоченного множества произвольной природы, либо часть упорядоченного множества — шкалы произвольной природы; 2) область представляет собой некоторый числовой показатель, отсылающий к количеству элементов того или иного множества и одновременно равный СИ — ср. примеры (6)–(7).

При нейтральном отрицании определяющими факторами в формировании представления об области определения СИ и ФИ являются: 1) свойственное данному опровергаемому предикату (ОП) членение на презумпцию и утверждение (поскольку в подобных случаях сфера действия отрицания однозначно закреплена за ассертивной частью значения предиката; 2) семантический тип ОП [8]. Так, в примерах (1)–(2) в качестве ОП используется параметрический предикат. Функция подобных глаголов состоит в указании значения на шкале того или иного параметра, изначально свойственного объекту, который выражен его первым аргументом. Специфика этих предикатов — в том, что в контексте отрицания (нейтрального или противопоставительного) в ка-

честве СИ и ФИ всегда будут выступать значения одной и той же шкалы. В (I) – это шкала параметра "вес", а в (2) – шкала параметра "стоимость".

При противопоставительном же отрицании область определения СИ и ФИ регламентируется мерой сходства значений ОП и противопоставительного предиката (ПП). Соответствующее множество "конструируется" путем обнаружения такой "ближайшей" совокупности, которая могла бы максимально естественно включать значения и ОП и ПП, или какие-либо компоненты их значений. В случаях, когда мера сходства данных значений достаточно мала (а тем самым степень общности такого ассоциативного множества достаточно велика), сфера действия противопоставительного отрицания может совпадать со сферой действия нейтрального: ср. (9) Коля не спит ≈ 'То, что Коля делает, не есть "спит"...' и (10) Коля не спит, а ходит ≈ 'То, что Коля делает, не есть "спит", а есть "ходит"'. Важно подчеркнуть, что в (10) прочтение противопоставительной части никак не меняет представления о теме СИ и ФИ. И в (9) и в (10) эта тема может быть представлена как 'то, что делает Коля...'. Таким образом, здесь и при нейтральном и при контрастивном отрицании область определения значений СИ и ФИ является 'множество возможных занятий Коли в обсуждаемом временном интервале'.

В других случаях, при больших степени сходства семантики ОП и ПП сфера действия отрицания может игнорировать свойственное ОП членение на презумпцию и утверждение и, как справедливо отмечается в [2], "позволяет высветить, поставить в фокус контраста любой компонент значения, на какой бы периферии значения он ни находился и сколь бы не был недоступен для нейтрального отрицания". Ср. (11) Коля не спит, а дремлет, где прочтение противопоставительной части приводит к противоречию с ранее воспринятой, заставляет переосмыслить фразу, меняя представление о теме СИ и ФИ. Если вначале кажется, что такой темой является компонент 'то, что делает Коля', то теперь в результате сопоставления значений ОП и ПП формируется другое представление о ней, которое и обеспечивает непротиворечивое прочтение фразы: 'то, что можно сказать о степени релаксации Коли...'. Таким образом, (11) ≈ 'То, что можно сказать о степени релаксации Коли, не есть оптимальная степень (спит), а есть меньше оптимума (дремлет)'. В качестве области определения значений СИ и ФИ выступает одна и та же шкала "степень релаксации, поскольку и сон и дремота соотносятся с разными значениями именно этой общей для них шкалы. Ср. в связи с этим непротивопо-

ставительное, но интонационно маркированное предложение (12) Коля не спит (например, в ситуации, когда слушающему достоверно известно, что Коля лег спать) ≈ 'Степень релаксации Коли является не оптимальной (спит), а нулевой (не спит)', т.е. попытка уснуть (пока) не дала результата.

Более сложные случаи поиска области определения СИ и ФИ можно продемонстрировать на примерах интерпретации отрицательных предложений с глаголами контакта типа касаться, упираться. Предлагаемая ниже трактовка подобных высказываний несколько отличается от описания аналогичных примеров, приведенных в [2]. Вначале дадим приближенную экспликацию семантики фраз с утвердительными формами соответствующих глаголов:

(13) Ветка касалась окна ≈ 'а) между веткой и окном имелся контакт (т.е. расстояние между веткой и окном равно нулю); б) величина силового воздействия ветки на окно равна нулю (либо настолько незначительна, что ее можно пренебречь)'.

(14) Ветка упиралась в окно ≈ 'а) между веткой и окном имелся контакт; б) величина силового воздействия ветки на окно была достаточно велика'.

Приведенная семантическая трактовка предикатов контакта эксплицирует, в частности, тот факт, что первое утверждение (а), будучи в рамках толкования безусловно ассертивным, в то же время выступает в качестве презумпции второго компонента. Действительно, в подобных ситуациях необходимым условием силового взаимодействия между объектами является наличие контакта между ними (каким бы силовым ресурсом ветка ни обладала, без контактирования с окном она никак не смогла бы на него воздействовать). Тогда становится понятным, почему при нейтральном отрицании в (15) второй компонент исчезает. Действительно, частица не, воздействуя на первый компонент, превращает его в ложную презумпцию второго. А по правилу, восходящему еще к Г.Фреге [9], смысл, презумпция которого является ложной, вообще теряет истинностное значение. Таким образом:

(15) Ветка не касалась окна ≈ 'Мнение о том, что между веткой и окном был контакт, причем силовое воздействие ветки на окно равно нулю, неверно, т.е. расстояние между веткой и окном равно не нулю, а больше нуля'. Рассмотрим теперь пример (16) Ветка не касалась окна, а упиралась в него. Когда в поле зрения слушающего попадает противопоставление упиралась в окно, он обнаруживает, что оно входит в конфликт с ранее воспринятой частью высказывания - противоречит ФИ нейтрального отрицания. С одной стороны получает-

ся, что между веткой и окном нет контакта, а с другой стороны контакт имеет место, поскольку величина силового воздействия ветки на окно достаточно велика. Для непротиворечивого прочтения фразы следует обратиться к контрастному сопоставлению значений ОП и ПП и за счет этого сформировать новое представление об области определения СИ и ФИ, переосмыслив их тему — теперь это будет степень силового воздействия ветки на окно. Но важно, что в этом случае речь идет о сопоставлении контрастных значений такого параметра (силового взаимодействия), о существовании которого правомерно говорить лишь в силу выполнения презумптивного условия — наличия контакта между веткой и окном. Таким образом, (16) «При контакте ветки с окном величина силового воздействия ветки на окно была равна не нулю, как можно было полагать, а достаточно большой».

Одним из квазисинонимичных способов выражения противопоставительного отрицания служат некоторые конструкции, образуемые союзом но. Значение соответствующих высказываний включает значение противопоставления, но не исчерпывается им. Дополнительным семантическим компонентом при этом выступает аксиологический контраст связываемых пропозиций, а общая аксиологическая оценка ситуации определяется оценочным знаком второй пропозиции [10]. Функциональный параллелизм конструкций типа не Р, но Q и обычных контрастных конструкций не Р, а Q проявляется в том, что вторая важность союза но (Q) конкретизирует ФИ отрицания, сфера действия которого определяется всей конструкцией не Р, но Q. Важно подчеркнуть, что противопоставительная но-конструкция, подобно обычному противопоставлению, предусматривает модель сопоставления, объектами которого являются компоненты 'Р' и 'Q'. В то же время в "обычных" но-конструкциях сопоставляются компоненты 'не Р' и 'Q'. Дополнительные условия, необходимые для противопоставительной интерпретации соответствующих высказываний, состоят в том, что пропозиции Р и Q по своей семантике должны соотноситься с разными значениями одних и тех же шкал, причем значение Р должно аксиологически оцениваться выше, чем значение Q. Рассмотрим примеры:

- (17а) Я не обедал, но (17б) Я перекусил в буфете,
перекусил в буфете; но не обедал
 (18а) Он не спит, но дремлет; (18б) Он дремлет, но не спит,

где компоненты Р и Q соответствуют разным значениям одних и тех же шкал: степень полноценности потребляемой пищи (17а-17б), сте-

пень релаксации (I8a-I8б), причем обед является более полноценным питанием, чем закуска в буфете, а сон обеспечивает более эффективную релаксацию, чем дремота. Создано всегда "вынуждает" аксиологический контраст связываемых пропозиций. В (I7a) и (I8a) соответственно негативно оцениваются первые пропозиции. На их фоне положительно оцениваются конкретизации ФИ, которые выражены вторыми пропозициями - ввиду того, что эти конкретизации, несомненно, предпочтительнее нулевых значений на рассматриваемых шкалах. В примерах (I7б-I8б), где изменены позиции P и Q, контрастное соотношение между ними сохраняется, однако теперь вторые пропозиции на фоне первых приобретают противоположную оценку, в связи с чем меняется и знак общей оценки. Если же компонент P в но-конструкции соотносится со значением, которое на данной шкале ценится меньше, чем Q, то подобные высказывания становятся сомнительными:

?(I9a) Я не перекусил в буфете, но обедал;

?(I9б) Я обедал, но не перекусил в буфете;

?(20a) Он не дремлет, но спит

?(20б) Он спит, но не дремлет.

Причина странности примеров (I9a-20б) - в том, что в них нельзя усмотреть аксиологическую контрастивность связываемых пропозиций: в (I9a) и (I9б) неперекус в буфете не может быть оценен как ущерб на фоне имевшего места обеда, а в (20a) и (20б) отсутствие дремоты более чем уравновешивается полноценным сном. Тем самым пропозиции неP теряют статус аксиологического минуса. Попытка же осмыслить подобные высказывания в непротивопоставительном смысле согласно модели сопоставления 'не P' и 'Q' (а не 'P' и 'Q') сразу же приводит к противоречию. Действительно, в этом случае в качестве одного из противочленов союза но выступает ФИ от нейтрального отрицания 'не P'. Тогда в (I9a)-(I9б) ему соответствует фактически нулевое потребление пищи (т.е. съел не количество пищи, измеряемое перекусом в буфете, а не съел ничего), а в (20a)-(20б) - нулевая релаксация, т.е. бодрствование. Таким образом, получается, что в (I9a-I9б) говорящий ничего не ел и обедал, а в (20a-20б) субъект одновременно бодрствует и спит.

Можно полагать, что по крайней мере в относительно простых случаях как средство формального моделирования поиска общей "родовой шапки" для ОП и ИП может быть использован тезаурус. Действительно, информация, содержащаяся в тезаурусе, должна, например, обеспечивать возможность обнаружения для элементов спать и дремать общей родовой шапки типа "отключение сознания" или другого

обобщающего наименования соответствующей шкалы. С другой стороны, на основании данных тезауруса, пусть и за существенно большее число шагов, для элементов спать и ходить может быть обнаружена "родовая шапка" типа "вид занятий", "вид времяпрепровождения". Ср. также приводимый в работе [11] пример (21) Джон не считает, что поезда ходят, у него назначено свидание на платформе, интерпретация которого требует достаточно нетривиального подбора нужного обобщающего наименования: (21) "Причина поведения Джона не в том, что он считает, что поезда ходят, а в том, что у него назначено свидание на платформе". Если же значение ОП и ПП в принципе не удастся подвести под какую-либо общую для них категорию, то такая фраза становится либо аномальной (ср. *(22) Ветка не касалась окна, а была черного цвета), либо не воспринимается как противопоставительная: (23) Мешок не весит 50 кг, а стоит 100 руб.

3. Область определения значений ФИ. Ввиду дифференциации двух типов областей определения СИ и ФИ следует в свою очередь разграничивать и два типа областей определения ФИ. В первом случае - это множество, которое может быть построено из области определения значений СИ и ФИ в результате исключения из него значения СИ. Во втором случае - это область, определенная на множестве чисел, каждое из которых заведомо меньше числового показателя, равного СИ. Естественно, что качественная определенность множеств, соотносимых с областью определения ФИ первого типа, может сколь угодно варьироваться. Они могут представлять собой: 1) множество объектов - ср. (24) Она любит не Колю, где область определения ФИ является некоторое множество мужчин за вычетом Коли; 2) множество разнообразных ситуаций - так, в (9) и (10) ему соответствует множество способов времяпрепровождения Коли за исключением сна; 3) упорядоченное множество шкального типа: в (1) и (2) ему соответствуют участки шкал параметров "вес" и "стоимость", охватывающие множества значений "меньше 50 кг" и "меньше 100 руб.", в (11) и (12) - это участок шкалы "степень релаксации" за вычетом участка "оптимальная релаксация" (сон); в (3), (4) и (5) - это отрезки временной оси, причем в (3) и (4) область определения ФИ является временной отрезок, удовлетворяющий следующим ограничениям: а) в него не входит точка, соответствующая моменту "во-время; б) данный отрезок располагается на временной оси справа от данной точки. В примере же (5) на область определения ФИ накладывалась только первое из указанных ограни-

чений; 4) одноэлементное множество, т.е. область определения ФИ тождественна самой ФИ. Так, многочисленны случаи, когда в сфере действия нейтрального отрицания попадают события [8] ОП. При этом в качестве единственной альтернативы СИ выступает ФИ вида 'продолжение состояния, которое прерывается каузативом, описываемым ОП'. Ср.: (25) Иванов не уехал из Киева — 'Как известно, ожидалось, что в Тi Иванов наземным транспортом покинет Киев, т.е. его местонахождение перестанет быть Киев. В Тi и позже Иванов продолжал находиться в Киеве'.

4. Степень конкретизации ФИ. Она допускает как однозначное выражение ФИ, так и ее указание только с точностью до области определения. Нормативным средством конкретизации ФИ является противопоставление. В связи с этим естественно различаются следующие типы противопоставлений:

1) Факультативное противопоставление, сфера действия которого совпадает со сферой действия нейтрального отрицания. В этих случаях его основная функция сводится к экспликации ФИ — ср. (10). При нереализации такого противопоставления конкретизация ФИ ограничивается лишь указанием ее области определения — ср. (8) и (9).

2) Обязательное противопоставление, выполняющее одновременно две функции: а) задание реальной сферы действия отрицания, отличной от сферы действия нейтрального отрицания; б) конкретизация ФИ — ср. (11), а также (26) Иванов не уехал из Киева, а уплыл — 'Способом отбытия Иванова из Киева было использование не наземного транспорта, а водного', где ФИ соответствует значению 'Иванов покинул Киев водным транспортом'.

3) Факультативное противопоставление, которое не выполняет ни одной из указанных выше функций — не меняет сферу действия нейтрального отрицания и никак не конкретизирует ФИ. Имеется в виду случаи, когда в качестве ШИ используются предикаты, являющиеся лексикализованными вариантами значения 'не + ОП': (27) Он не присутствовал, а отсутствовал; Он не пьяный, а трезвый; Он не спит, а бодрствует; Он не уехал, а остался и т.д., которые возможны только с использованием маркированной интонации. Функция подобных высказываний состоит в "эмоциональном" опровержении актуализованной уверенности слушающего в истинности ситуации, выраженной ОП.

В других случаях однозначная конкретизация ФИ может достигаться без противопоставления, которое становится недопустимым. Ср. (25), где ФИ однозначно задана семантикой событийного ОП и

ее дальнейшая конкретизация становится избыточной. Похожую ситуацию применительно к шкальному типу области определения ФИ иллюстрирует пример (12), в котором синкретично выражены и значение СИ ("спит"), т.е. степень релаксации Коли является оптимальной, и значение ФИ ("не спит"), т.е. величина соответствующего значения равна нулю. Поэтому дальнейшая конкретизация ФИ становится избыточной.

В то же время возможны и такие ситуации, когда неоднозначная конкретизация ФИ не может быть уточнена посредством противопоставления, которое оказывается несовместимым с синтаксическим контекстом предложения. Так, в (1) и (2) препозиция частицы не при параметрическом предикате делает невозможным присоединение противопоставления без нарушения синтаксической правильности. Важно подчеркнуть, что в подобных случаях неполная детализация ФИ не создает ощущения недостаточной информативности высказывания. Так, в (1) и (2) имеется в виду, что слушающий будет удовлетворен и приближенным значением соответствующего параметра (меньше 50 кг, меньше 100 руб.). Ведь и СИ в этих примерах выражены неоднозначно: 50 кг или больше, 100 руб. или больше. В то же время во фразах типа (8), где не находится в препозиции к параметрическому актанту, значение ФИ попадает в коммуникативный фокус и ее неполная конкретизация делает высказывание недостаточно информативным ввиду разной степени детализации СИ и ФИ. Тем самым предложение как бы приобретает незаполненную сильную валентность, требующую уточняющего противопоставления [2]. Ср. также примеры (28) и (29) с "локативным процессным" [12] значением глагола быть: (28) Отца не было на море и (29) Отец был не на море, которые тождественны в денотативно-логическом плане и оба могут быть описаны моделью типа: 'Местонахождение отца было не морское побережье, о котором идет речь, а было определено на множестве мест за вычетом данного побережья'. При этом (29), в отличие от (28), воспринимается как незавершенное, требующее уточнения - ср.: (30) Отец был не на море, а в столовой. Дело в том, что в (29) неполная конкретизация ФИ попадает в коммуникативный фокус. В (28) же в коммуникативном фокусе находится только факт возможности предположения о том, что отец на море. В нем нет инпликации осведомленности говорящего о местонахождении отца. (29) же подразумевает, что говорящему известно, где находился отец.

Совершенно иначе трактуются непротивопоставительные отрица-

тельные предложения с "локативным общефактическим" [12] значением глагола быть типа (31) Отец не бывал на море (заметим, что в (31) обстоятельство море утрачивает конкретно-референтный статус). Здесь значение ФИ задается вполне однозначно: (31) ≈ 'Можно было полагать, что в состав множества М мест, в которых бывал отец, входят и морские побережья, т.е. что М тождественно {Mi & "морские побережья"}'. Множество М тождественно не {Mi & "морские побережья"}, а {Mi}' (т.е. морские побережья в это множество не входят).

Литература.

1. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. - М., Изд-во "Наука", 1974.
2. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. - М., Изд-во "Наука", 1985.
3. Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Денотативный статус отглагольных имен// НТИ, сер.2, 1981, №12.
4. Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением// НТИ, сер.2, 1981, №12.
5. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой "картины мира")// ВЯ, 1987, №3.
6. Коссек Н.В., Костюк В.Н. Сильное и слабое отрицание в русском языке// "Проблемы структурной лингвистики 1980. - Изд-во "Наука", М., 1982.
7. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа все и типа кто-нибудь// ВЯ, 1964, №4.
8. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке// Семантические типы предикатов. М., 1982.
9. Фреге Г. Смысл и денотат// "Семиотика и информатика", вып. №8, Изд-во ВИНТИ, М., 1977.
10. Санников В.З. Значение союза но: нарушение "нормального" положения вещей// Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. - 1986, №5.
11. Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Подъем отрицания: синтаксис, семантика или прагматика? // НТИ, Сер.2, 1987, №8.
12. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл — Текст" // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband I. - Wien. - 1980.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ПРОСТРАНСТВА, ЗАДАВАЕМАЯ НАРЕЧИЯМИ
С СЕМАНТИКОЙ "ДАЛЕКО"/"БЛИЗКО"

0. Предварительные замечания. В Словаре синонимов (5) наречию близко сопоставляются такие слова, как вблизи, поблизости, недалеко, неподалеку, рядом. Наречие далеко задает синонимический ряд: вдали, вдалеке, в отдалении. Часто считается, что в пределах каждого из этих синонимических рядов наречия взаимозаменяемы (см., напр., (3)). Языковая практика, однако же, показывает, что каждое из наречий по своему описывает характер удаленности объекта и вследствие этого в большинстве случаев не поддается синонимической замене в тексте. Так, можно сказать: Если будете неподалеку, поблизости/рядом, заходите и нельзя: *Если будете невдалеке/вблизи, заходите.

Цель работы состоит в выявлении системных отношений между данными наречиями, позволяющими объяснить особенности их употребления.

Материалом для анализа послужили высказывания, в которых пространственные наречия отвечают на вопрос где?. Иными словами, из анализа исключались высказывания типа Иду я далеко, поскольку в них наречия на -о не сопоставимы с другими дистанционными показателями, не способными в предложении отвечать на вопрос куда?

Кроме того, в работе рассматривалось только эгоцентрическое употребление наречий. Поясним, что имеется в виду.

2-я валентность у данных наречий может заполняться по-разному: эксплицитно - предлогом, управляющим косвенным падежом имени объекта (далеко от дома), и имплицитно, так сказать, по умолчанию, когда предлог с косвенным падежом имени в тексте отсутствует. Как отмечается в (4), возможны два варианта истолкования "нулевого синтаксического знака": анафорическое - наречие соотносится с ранее упомянутым объектом (Иван сел в первом ряду, и Маша расположилась неподалеку) и дейктическое, эгоцентрическое - наречие подразумевает, что пространственным ориентиром, относительно которого ведется описание, является говорящий (Маша неподалеку).

Таким образом, эгоцентрическое употребление подразумевает, что 2-я валентность наречия - явно или неявно - заполняется говорящим (Иван далеко/далеко от меня). Анализ ограничивается им, поскольку именно в этом случае наречия образуют целостную систему противопоставлений, составляющих в совокупности законченный фрагмент пространственной картины мира говорящего.

1. Непосредственное восприятие, "наблюдение" в семантике наречий. Важным фактором, регулирующим употребление рассматриваемых слов, является наличие/отсутствие в их семантике точки зрения наблюдателя (на этот факт обратил внимание Б.Д.Агресян (1)). Семантика наблюдения передается наречиями вдалеке, недалеко, вблизи, вдали в том случае, когда, как пишет Б.Д.Агресян, у них "не реализована 2-я валентность" (с.19).

Наречия с семантикой наблюдения противопоставлены не отмеченным этим признаком словам далеко, недалеко, неподалеку, рядом, поблизости, близко.

"Наблюдение" в семантике слова подразумевает наличие взгляда со стороны на предмет описания. У эгоцентрических наречий "взгляд" этот исходит от говорящего. Естественно, слова с семантикой наблюдения всегда описывают предмет речи относительно говорящего. Напр.: Вдалеке замирает твой голос (А.Фет). Не отмеченные этим признаком слова способны описывать и говорящего относительно какого-либо объекта, напр.: Скоро придем, мы уже близко. Ср. некорректность фраз: *Я вблизи..; *Мы недалеко..

Если рассмотреть пространственные наречия в аспекте эпистемической модальности - задавшись целью установить, на основе какой информации было сформировано высказывание, - то выяснятся следующие различия. В отличие от слов вдали, недалеко и под., всегда указывающих, что высказывание сформировано на основе непосредственного восприятия, остальные наречия неподалеку, поблизости и др. - не несут соответствующих указаний, они употребимы как в том, так и в другом случае. Ср. Недалеке сидит Иван - восприятие есть; Иван сидит неподалеку - восприятия может и не быть. Ср. еще: Рядом сидит Иван и смотрит на меня и Совсем рядом, за углом, находится большой университетам.

Наличие непосредственного восприятия в семантике наречий однозначно предопределяет их связь с реальным модальным планом высказывания - они в принципе исключены в контексте ирреальных наклонений, гипотезы. Ср. некорректность фраз: *Будьте недалеко/вблизи/вдали; *Вот если бы он был вблизи! Между тем, в подобных контекстах вполне употребимы наречия, не отмеченные признаком "непосредственное восприятие", ср.: Будьте недалеко/неподалеку/рядом/поблизости; Вот если бы он был рядом/неподалеку!

Наличие/отсутствие непосредственного восприятия в семантике наречий влияет и на выбор предикатов для описания местоположения/проявления объектов. Если у наречий неподалеку, поблизости объект может быть расположен, он может находиться, то у наречий недалеко и

др. объект виднеется, поблескивает, высится. Ср.: Успенский собор находится неподалеку (при невозможности ³находится недалеке) и Вдали, над пылью переулочной, // Над скукой загородных дач // Чуть золотится край булочной... (А.Блок). Выборочное отношение к предикатам определяется здесь тем, что в одном случае (находится) они представляют локализацию абстрактно, в самых общих чертах, безотносительно к моменту речи, что не допускает употребления наречий недалеке и под., задающих конкретность восприятия. В другом случае (золотится) предикаты, напротив, описывают конкретные перцептивные проявления объектов, прямо спроецированные на момент речи, что хорошо согласуется с семантикой пространственных показателей типа недалеке. По Т.В.Булыгиной (2), предикаты такого рода противопоставлены по признаку "актуальность", "временная локализованность": вторые (высится, золотится) являются актуальными, а первые (находится) - нет.

Таким образом, помимо употребления в высказываниях с реальной модальностью, для наречий с семантикой "наблюдения" характерно использование в актуальных высказываниях.

2. Противопоставленность дистанционных оценок по линии "абсолютность/относительность". Анализ показал, что наречия близко, недалеко, далеко являются относительными оценками удаленности объекта от говорящего, а остальные наречия (недалеке, вдали, неподалеку, вблизи, поблизости..) выражают абсолютные оценки. Поясним суть этого противопоставления. Во фразе Смотри, вон вдали показался Иван слово вдали указывает, что Иван находится на максимальном расстоянии от говорящего, при котором он все же доступен визуальному восприятию (можно сказать, что Иван где-то у линии горизонта). В этой ситуации высказывание Иван поблизости будет некорректно. Однако высказывание Смотри, Иван близко вполне допустимо, если оно характеризует расстояние до Ивана не само по себе, а в сравнении с предшествующим, гораздо большим расстоянием (скажем, Иван приближается к финишу марафонской дистанции). Аналогично, высказывание Магазин поблизости всеми потенциальными адресатами будет понято более или менее одинаково (на расстоянии нескольких минут ходьбы). Фраза же Магазин близко не задает дислокацию объекта столь однозначно. Для девушки, любящей ходить по магазинам, расстояние до магазина в несколько кварталов - близко, а для старика - нет (для него близко - это в соседнем доме).

Абсолютные оценки действуют только в пределах некоей условной "окрестности говорящего". Так, показатели непосредственного восприятия недалеке, вблизи и др. "работают" во вполне определенных пространствен-

ных зонах. Они достаточно однозначно задают дистанционные характеристики объекта относительно говорящего. И их положение в иерархии дистанционных показателей непосредственного восприятия фиксировано: то, что находится на линии горизонта, не может быть недалеке, вблизи; то, что не вдалеке, исключает характеристики вдали и вблизи и т.д. Сфера действия рассматриваемых слов, естественно, ограничивается возможностями непосредственного восприятия говорящего. "Пограничным" показателем "окрестности говорящего" является слово вдали, оно "работает" на пределе визуального восприятия, т.е. может описывать объекты где-то, условно говоря, у линии горизонта: Померк багряный свет заката, // Громада туч росла вдали... (Л.Мартынов).

Но среди показателей абсолютных оценок есть и свободные от указанного условия - наречия поблизости и неподалеку. Как правило, эти слова подчеркивают функциональную доступность предмета описания, до него можно быстро добраться. Не связанные семантикой непосредственного восприятия эти показатели обладают некоторой "свободой передвижения" по "окрестности говорящего", т.е. реально могут задавать разные дистанции. Например: Поблизости сидит Иван и Иван живет поблизости. Но и эти пространственные показатели абсолютны в том смысле, что они не способны к описанию объектов за пределами "окрестности говорящего". Находясь, например, в Смоленске, мы не скажем Москва неподалеку/поблизости; сказать же Москва недалеко/близко в этой ситуации можно.¹⁾

Абсолютные оценки основаны на некоторых общенормативных представлениях о близости/дальности и в этом смысле они более объективны. Относительные же оценки субъективны - они передают мнение конкретного говорящего о характере расстояния, их выбор связан с индивидуальной мерой дальности и потому не может быть оспорен с объективных позиций, т.е. всегда корректен. Так, находясь на одном диване с "объектом описания", можно подумать: Иван сидит далеко, однако нельзя употребить в этом случае, скажем, наречие неподалеку. Мера дальности у относительных оценок часто зависит от сравнения описываемого расстояния с предшествующим. Например: В прошлом году Иван был далеко - на Кубе, а нынче он близко -

¹⁾ Подчеркнем, что границы "окрестности говорящего" никак не определяются факторами социальной близости/чуждости, государственных рубежей и под., т.е. тем, что может быть существенно для оппозиции здесь/там, которую описывает понятие "личной сферы говорящего" (I). Возможны случаи, когда объект находится поблизости, но по другую сторону какой-либо границы. Например: До Безмянного переулку ездили гвардейские солдаты... за мукой в свои провиантские магазины, которые находились тут же, поблизости, но уже за городом (А.Ахматова). В свою очередь, для оппозиции здесь/там может быть не релевантен фактор конкретных расстояний, протяженности "физического пространства" говорящего, ср.: Мы здесь, в России..., а они там, в Австралии....

в Польше. Высказывание *Нынче Иван поблизости/неподалеку - в Польше некорректно: называя целую страну, мы задаем такой пространственный масштаб, который не могут описывать абсолютные оценки.

Итак, любые относительные оценки применимы как к объекту, который расположен за пределами "окрестности говорящего", так и к объекту, который находится внутри "окрестности", причем в любом ее месте.

3. Горизонтальная ориентация объектов. Принадлежность к "окрестности говорящего" связывает абсолютные показатели и таким условием: они применимы только при описании объектов, расположенных на горизонтальной плоскости (поверхности). Если описываемый объект находится над или под говорящим, о нем нельзя сказать, что он вдалеке/вдали. Сочетания *вдалеке надо мной, *вдали подо мной некорректны.

Показатели же относительных оценок не требуют обязательной горизонтальной ориентации объектов относительно говорящего, поскольку они не связаны с "окрестностью говорящего". Ср.: Близко ты или далеко зате-рялась в вышине? (А.Блок). Сочетания типа далеко внизу/далеко подо мной корректны.

Таким образом, "окрестность говорящего" - это та область пространства, его окружающего, которая лежит по горизонтали от него, приблизительно на одном с ним уровне... и при этом не обязательно совпадает с поверхностью земли. Горизонтальная ориентация задается говорящим где бы он ни был - над или под землей.

Горизонтальное расположение объектов обязательно и для употребления таких наречий, как вперед, позади.

4. Три дистанционных пояса "окрестности говорящего". В соответствии со степенью удаленности предмета описания от говорящего в "окрестности говорящего" выделяются три дистанционных пояса: ближайший (вблизи, поблизости), дальний (вдалеке, вдали), промежуточный (невдалеке, неподалеку). "Территориальная" принадлежность функциональных показателей поблизости и неподалеку к определенным поясам условна.

Дистанционная противопоставленность показателей с семантикой непосредственного восприятия отчетливо ощущается, напр., в контексте предиката виднеться. Хорошо сказать: Вдалеке/невдалеке виднеется церковь и плохо: *Вблизи виднеется церковь; плохо потому, что предикат предполагает взгляд на предмет описания с расстояния большего, чем задает показатель ближайшего пояса.

Как уже говорилось, функциональные показатели не привязаны жестко к какому-либо одному месту в "окрестности". Конкретный характер их дистанционного прочтения может определяться тем, что именно они описыва-

ют: Поблизости сидит Иван ≠ Иван живет поблизости²⁾.

В отличие от остальных дистанционных поясов, ближайший пояс не обязательно предполагает горизонтальную ориентацию объектов. По мере сокращения расстояния между объектом и говорящим признак горизонтальности утрачивается и в непосредственной близости от говорящего допустимо употребление слов поблизости, вблизи относительно сферической окрестности (Поблизости жужжит пчела).

5. "Окрестность говорящего" и признак геоцентрической ориентации. Важно учитывать, что в применении к "окрестности" признак "горизонтальности" выступает в совокупности с эгоцентрической ориентацией объектов, и поэтому понятие "окрестности говорящего" не соотносится прямо с такой характеристикой, как геоцентрическая ориентация. Покажем это на примерах.

Каноническими геоцентрическими ориентирами являются наречия высоко/низко. При этом низко - это не обязательно близко к говорящему, но это всегда относительно близко к поверхности земли (или тому, что условно принимается за эту поверхность: Лампа висит низко). Потому возможны примеры: Смотри туда, как низко летают птицы. Характеристики высоко/низко релевантны для тех объектов, у которых нормой их "обитания" является положение над землей (ведь не только высоко над.., но и низко над..). К объектам, для которых норма - положение на земле, характеристика низко не приложима, поэтому фразы типа Он сегодня низко прыгнул некорректны (надо: невысоко). Корректность употребления наречия низко относительно "надземных" объектов может зависеть и от выбранной наблюдателем позиции. Так, находясь на "земной плоскости", "равнине", можно сказать: Облака плывут низко/низко летают птицы. В горах же, когда облака и птицы так же близко к наблюдателю, соответствующие высказывания некорректны. Это еще одно из проявлений геоцентричности характеристики низко.

Рассмотренные факты, как нам кажется, позволяют предположить, что "категория дистанции" в русском языке тесно связана с горизонтальной

²⁾ Отсутствие у говорящего непосредственного восприятия может способствовать "приближению" к нему предметов описания. Во фразе У нас лес неподалеку до леса может быть реально дальше, чем в такой, скажем, фразе: Неподалеку мы увидели лес. Эффект "приближения" в данном случае объясняется тем, что в первой фразе речь идет о функциональной близости, а во втором случае просто констатируется визуальное восприятие.

ориентацией пространства, т.е. в этой области языковой семантики находит отражение, так сказать, "плоскостное", "равнинное" мышление и восприятие говорящих. Иными словами, есть основание предположить, что язык отразил наиболее типичный ландшафт своих носителей. Картина в принципе может быть и другой, скажем, для дагестанских языков. Так, в (4) отмечается, что в будухском языке "стратификация по вертикальной оси... накладывается на дистанционные значения" (с.140).

6. Синтаксис абсолютных и относительных пространственных оценок.

Показатели относительных оценок тяготеют в высказывании к позиции ремы, часто они выступают в роли предикатов, что исключено для тех абсолютных оценок, которые отмечены признаком "непосредственное восприятие". Если мы сравним, напр., слова недалеко и недалеке, то мы увидим, что последнее - слово с семантикой "наблюдение" - как правило, занимает в высказывании позицию "кулис": Недалеке сидит Иван. Наречие же недалеко, напротив, находится в высказывании в фокусе внимания, ср.: Иван сидит недалеко. В тематической позиции "кулис" недалеко не используется. Некорректна будет фраза *Недалеко сидит Иван, равно как и фраза *Иван сидит недалеко³⁾.

Абсолютные показатели с семантикой непосредственного восприятия тематичны, поскольку они являются простыми пространственными "фиксаторами" того места "окрестности", в котором разворачивается соответствующее действие. Выбирая тот или иной "фиксатор", ориентир, говорящий не занимается, в сущности, оценкой расстояния между собой и предметом описания. Ср.: Вдали показался Иван; Поблизости шумит река. Выбор абсолютных показателей более или менее объективен, предопределен, не зависит от личности конкретного говорящего.

Картина иная для относительных оценок. Их выбор субъективен, связан с индивидуальными представлениями о мере дальности, и поэтому именно здесь актуализируется вопрос об оценке расстояния. Расстояние не просто констатируется как у абсолютных показателей, но и оценивается. А для оценки характерна в высказывании позиция ремы, предиката сообщения

В этом смысле интересно "синтаксическое поведение" слова рядом.

³⁾ Наречия, не отмеченные семантикой непосредственного восприятия, описывающие функциональную близость неподалеку, поблизости, свободны от указанного условия - они употребимы как в пре-, так и в постпозиции. При этом в препозиции они, как правило, передают непосредственно воспринятую информацию и поэтому редки во фразах типа Неподалеку/поблизости живет Иван. В постпозиции они, напротив, почти не способны к описанию непосредственного восприятия, ср.: Иван величественно прошагал неподалеку. Лучше: Неподалеку величественно прошагал Иван и Иван живет неподалеку. Интересно, что и в ирреальных конструкциях, где заведомо исключено непосредственное восприятие, данные наречия используются только в постпозициях.

Это наречие способно описывать как непосредственную близость (Рядом сидит Иван), так и относительную, т.е. соответствовать смыслу "очень близко", напр.: (В устах жителя Смоленска или Ярославля) Москва рядом. Первое рядом может быть как в реме, так и в теме высказывания, второе же рядом - оценочное, субъективное - может быть только в реме, в постпозиции. Рядом₂ не вполне тождественно и относительной оценке близко, поскольку последняя может использоваться в нейтральном контексте, а рядом₂ как бы заведомо обладает модальной рамкой, авторской оценкой. Поэтому можно сказать Вряд ли это близко; спросить: Это близко? и невозможно использовать в этой ситуации рядом₂.

Относительные пространственные показатели оценочны и в прагматическом, утилитарном смысле. Так, в высказывании На концерте Иван сидел близко/далеко наречия могут задавать и ориентацию относительно сцены, именно она в этом случае служит приоритетным функциональным ориентиром пространства, а не говорящий. Ср.: На концерте Иван сидел неподалеку - высказывание однозначно прочитывается: неподалеку от говорящего. Сидеть близко - это значит, скажем, хорошо видеть, слышать... Поэтому в такой явно оценочно отмеченной ситуации плохо сказать неподалеку. Это тот случай, когда вопрос Где ты сидел? может подразумевать Как?. По этой же причине в ситуации непосредственного восприятия возможны (не избыточны) фразы Ты сидишь далеко/близко при невозможности *Ты сидишь поблизости. Первые информативны именно благодаря оценке, которая побуждает к действию. Оценочно индифферентное поблизости не несет соответствующей информации, поэтому высказывание избыточно.

7. Особенности употребления показателей относительных оценок. Начнем с наречий далеко, недалеко, близко наречий на -о.

1) Данные наречия легко поддаются градуированию, напр., Очень/сравнительно/слишком/относительно близко (при невозможности *очень поблизости). Еще пример: Он так далеко/близко (ср.: *так поблизости, *вдали).

2) Наречия на -о свободно употребляются в "динамических" описаниях, где в фокусе внимания указание на изменение расстояния уже/еще далеко. Ведь именно вследствие своей "динамичности" эти наречия способны выражать относительные оценки: близко - по сравнению с предыдущим, далеко - по отношению к норме и т.д.

3) Отсутствие связи с "окрестностью говорящего" (так сказать, с конкретным физическим пространством) и динамичность позволяет наречиям на -о описывать и временные расстояния, напр.: Начало было так далеко, // Так робок первый интерес (В.Пастернак). Ср. Праздники близко/недалеко.

при невозможности ^{*}Праздники поблизости/неподалеку. Вообще, употребление наречий на -о выходит и за рамки описания чисто временных отношений, напр.: И что ж? Глаза его читали, но мысли были далеко (А.Пушкин).

4) В отличие от остальных локализаторов, тесно связанных с "окрестностью говорящего", и потому конкретно-референтных, наречия на -о способны к нереферентному употреблению. Напр.: Москва далеко, а начальник близко (ср.: ^{*}поблизости, ^{*}неподалеку). Нереферентно может употребляться и рядом, напр.: Хорошо, когда рядом друг; Рядом пропадает очарование близости.

Рядом выделяется из остальных дистанционных показателей тем, что это слово способно описывать "близость", сосуществование двух миров: поскостороннего и потустороннего. Так, во фразах Я чувствую твое присутствие рядом; Я чувствую, что ты рядом речь идет о близости душ и поэтому их смысл не тождествен фразам Я чувствую, что ты поблизости/неподалеку, в которых описывается объект в одном физическом, пространственном измерении с говорящим. Ср. еще: Я вижу рядом героев Эллады и Я вижу поблизости героев Эллады. В первом случае рядом является границей между реальным и воображаемым миром, а во втором поблизости указывает, что герои Эллады находятся в реальном пространстве говорящего. Ср. у А.Ахматовой: (Наше будущее)...стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. Вряд ли бодлеровский Париж мог бы притаиться поблизости или неподалеку.

Абсолютные показатели, в силу своей привязанности к конкретному "физическому" пространству, сугубо "реалистичны" - способны к описанию только конкретных физических объектов и не применимы к каким-либо потусторонним, не материальным сущностям.

Нужно сказать, что и наречия близко/далеко "работают" с объектами, обладающими конкретной пространственно-временной протяженностью, давая их точные координаты. Только рядом не подвластно законам физического мира и способно описывать то, о чем у В.Высоцкого сказано Удивительное рядом, но нам оно запрещено. Возможность такого употребления определяется, по-видимому, наличием у рядом латентного семантического компонента "сосуществование", который в этих случаях и проявляется.

Рядом, в свою очередь, не способно описывать временную близость, т.к. оно не "динамично", ср. некорректность фраз ^{*}Экзамены рядом; ^{*}Праздники рядом.

8. Характеристики места или характеристики объекта? Пространственные наречия различаются и по возможности выбора предмета описания. Рас-

смотрим пример: Хотя вблизи никого не было, но он... считал своим долгом играть роль до конца (А.Аверченко). Здесь предметом описания является, собственно, его отсутствие (вблизи никого не было). В подобных ситуациях, при констатации отсутствия чего бы то ни было, возможно только употребление наречий рядом, поблизости, вблизи. Можно сказать: Рядом нет ни одного магазина; Поблизости/вблизи все тихо. И нельзя: *Неподалеку/невдалеке нет ни одного магазина; *Вдалеке все тихо, никого нет...⁴⁾

Как нам кажется, объяснить эту особенность наречий - одни способны описывать место, в котором ничего нет, а другие не способны - можно с философско-онтологической точки зрения. В столь различном поведении наречий можно видеть языковое отражение архаического понимания пространства. Поясним, что имеется в виду. В.Н.Топоров в работе "Пространство и текст" (6) пишет: "Архаическое понимание пространства... заключается в том, что оно не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими" (с.234). В какой-то степени опираясь на тезис Хайдеггера о том, что "вещи сами суть места, а не только принадлежат определенному месту" (цит. по (6)), В.Н.Топоров делает утверждение: "...не существует такого пространства, которое было бы независимо от вещей... свойство быть вещью есть функция пространства" (с.234).

В применении к нашему материалу приведенные мысли преломляются следующим образом.

Наречия рядом, вблизи, поблизости показывают, что пространство определяется через говорящего - это тот объект, та "вещь", которая в нем находится. Иными словами, в этом случае говорящий конституирует "пространство говорящего". Остальные же наречия - неподалеку, невдалеке, вдали, вдалеке - являются характеристиками пространства, внешнего по отношению к говорящему, - пространства объектов. Без объектов внешнее пространство как бы не существует. Поэтому наречия невдалеке и под. можно считать показателями объектов. Становится ясно, почему первые - поблизости, рядом, вблизи - могут использоваться при констатации отсутствия в соответствующем месте (= месте говорящего!) объекта, а вторые - нет. Ведь они характеризуют сам объект, в их семантику "встроено" указание на объект, они имплицитно указывают на его наличие.

По признаку "способность указания на отсутствие чего-либо с пока-

⁴⁾ Относительные показатели не участвуют в этом противопоставлении, поскольку в принципе не употребимы в тематической позиции - одинаково плохо сказать: *Близко сидит Иван и *Близко никого нет.

зателями "места говорящего" сходны такие координатные слова, как сзади, впереди, слева, справа, вверху, внизу. Интересно, что и они могут описывать только "близлежащее отсутствие". Ср.: Впереди никого нет; Далеко впереди виднеются огни большого города при невозможности *далеко впереди никого нет, ничего не видно.

Таким образом, для употребления рассматриваемых слов релевантно наличие в описываемом ими пространстве какого-либо объекта. У слов рядом и под. этим "объектом" является сам говорящий, слова же невдалеке, вдали и под. описывают локальное пространство, конституируемое внешними объектами. Доказательством "конституирующей силы" объекта для описания пространства может служить следующий эксперимент: как только мы в "пространственную зону" слов вдалеке, вдали и под. вводим объект, запрет на употребление в контексте "отсутствия вещей" снимается. Ср.: *Вдалеке никого нет и Вдалеке, у подножия горы, никого нет.

9. Как итог работы перечислим те признаки, по которым наречия с семантикой "далеко" / "близко" противопоставлены.

1) Отмеченность/неотмеченность семантикой "наблюдения": вблизи, недалеко, вдалеке, вдали/поблизости, рядом, неподалеку, далеко, близко.

2) Абсолютность/относительность пространственной оценки: вблизи, поблизости, недалеко, неподалеку, вдали, вдалеке/далеко, близко, недалеко.

3) Обязательность/необязательность горизонтальной ориентации объектов относительно говорящего: вдали, вдалеке, неподалеку, поблизости, вблизи/далеко, близко, недалеко, рядом.

4) Градуируемость/неградуируемость: далеко, близко, недалеко/рядом, поблизости, неподалеку и др.

5) Место в коммуникативной структуре высказывания. Невдалеке, вдали, вблизи, вдалеке тематичны; далеко, близко, недалеко рематичны; поблизости, неподалеку, рядом могут быть и темой и ремой высказывания.

10. В порядке "послесловия" к данной работе скажем несколько слов о том, к чему приводит снятие "фактора эгоцентричности". А происходит это при заполнении 2-ой валентности наречия объектом, отличным от говорящего. Перестав быть эгоцентричным, наречие выходит за пределы "окрестности говорящего", т.е. получает возможность соотнесения с самыми различными ориентирами. Вследствие этого:

1) становится возможным употребление наречий в нереферентных высказываниях, напр.: Обычно магазины строятся неподалеку от центра города (ср.: Магазины строятся неподалеку);

2) появляется возможность у таких наречий, как невдалеке, участ-

воват в самоописании, ср.: Я был недалеко от дома, когда услышал выстрелы;

3) тот факт, что говорящий перестает быть наблюдателем, снимает и необходимость наличия у него непосредственного восприятия. Как следствие, становится не обязательным соотнесение наречий типа недалеке с реальным модальным планом высказывания, ср.: Хорошо бы оказаться сейчас где-нибудь недалеко от экватора;

4) отсутствие эгоцентрической ориентации снимает необходимость согласования пространственных показателей по признаку "ближнее"/"дальнее", ср.: Там, вблизи от больших городов, вам будет лучше; Здесь, вдали от больших городов, живется спокойнее;

5) возможность соотнесения дистанционного показателя с самыми различными ориентирами фактически делает нерелевантным пространственный масштаб "окрестности говорящего". Становятся возможны сочетания недалеке от Земли; от России. С исчезновением "окрестности" редуцируется и условие горизонтальной ориентации объектов относительно говорящего у абсолютных показателей. Да и в самой оппозиции абсолютность/относительность происходит переориентация, напр., осуществляется частичный обмен функциями между некоторыми показателями абсолютных и относительных оценок. Так, для описания близости/дальности с названиями абстрактных понятий (не обладающих конкретными пространственными характеристиками) легче употребляются такие показатели крайних точек "окрестности говорящего", как вблизи/вдали, и практически неупотребимы выразители относительных оценок далеко/близко. Напр.: Вдали/вблизи от цивилизации при невозможности *далеко/близко от цивилизации; вдали от природы, от населенных мест, от суетной молвы... Ср. у Ф.Тютчева /Русской женщине/ Вдали от солнца и природы, // Вдали от света и искусства, // Вдали от жизни и любви // Мелькнут твои младые чувства, // Мечты развеются твои.

По линии описания "абстрактной близости" с наречием вблизи "соперничает" слово рядом. При этом каждое из наречий описывает свою ситуацию. Ср.: Лучше жить вблизи от цивилизации (здесь плохо сказать: рядом с...) и Рядом с цивилизацией может соседствовать отсталость (здесь плохо: вблизи от...). Рядом "высвечивает" сопоставительный момент описания (ср. наряду), поэтому, если у понятия, названного творительным падежом имени, нет объекта противопоставления, рядом неупотребимо. Ср.: *рядом с родиной (нужно: вблизи от родины); *рядом с домашним очагом (нужно: вблизи от домашнего очага).

Наречия по-разному описывают близость и в такой ситуации: Жить рядом с любимым человеком ≠ Жить вблизи (от) любимого человека. В пер-

вом случае "срабатывает" признак социативности, совместности: жить рядом - это жить вместе, в контакте, на равных правах. Во втором случае - жить вблизи - это все-таки не вместе. Данное противопоставление нивелируется при описании чисто пространственной близости, ср.: Жить рядом с городом и Жить вблизи от города.

У конкретно-пространственного рядом есть такой квазисиноним, как возле (данное наречие без 2-ой валентности практически не употребляется). Для корректного использования возле нужен ряд дополнительных условий. Во-первых, возле описывает объект только в статическом положении, ср.: Возле меня сидит Иван, но не *Возле меня идет Иван (здесь возле аналогично предлогу около). Для рядом это условие не обязательно, ср.: По берегу пледя больной человек. // С ним рядом ползла вереница телег (А.Блок). Кроме того, объект, названный родительным падежом, у возле должен быть обозрим. Нельзя сказать: *Я живу возле Москвы, но можно: Я живу возле Большого театра. И наконец, субъект возле иерархически должен быть ниже его объекта: менее заметен, менее важен, может быть, зависим от объекта. Маша сидит возле Ивана ≠ Иван сидит возле Маши. Важность этого условия хорошо иллюстрирует следующий пример: Тульская губернская тюрьма высилась на въезде рядом с кладбищем (О.Волков). Нельзя сказать *Х высится возле У-а, поскольку X в данном случае более заметен.

Как видим, не связанные "фактором эгоцентричности", пространственные наречия приобретают новые смысловые нюансы, вследствие чего вырисовываются и новые системные противопоставления между ними.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира// Семиотика и информатика, вып.28, М., 1986.
2. Бульпина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке// Семантические типы предикатов. М., 1982.
3. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
4. Крылов С.А. К типологии дейктических систем// Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч.1, М., 1984.
5. Словарь синонимов под ред. Евгеньевой А.П. Л., 1976.
6. Топоров В.Н. Пространство и текст// Текст: семантика и структура. М., 1983.

Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам

0. Постановка задачи. Главным средством экспериментального изучения частных видовых значений всегда был контекст (1 - 5). Идея контекстного анализа базируется на следующем наблюдении: корректное употребление глагола в тексте требует, среди прочего, согласования его аспектуального значения со значениями некоторых других языковых единиц текста. Тем самым открывается возможность подобрать так называемые диагностические контексты (в которых можно употребить только глаголы с данным аспектуальным значением) и проверить на них объяснительную силу предлагаемого описания.

В настоящей статье представлена попытка применить другой метод экспериментального изучения аспектуального значения - референциальный анализ. Обращаясь к рассмотрению референциального аспекта языковой деятельности человека и, в частности, к глагольной референции - соотносению глагольного высказывания с конкретной ситуацией действительности (с референтной ситуацией) - нетрудно обнаружить наличие чувствительных к аспектуальному значению (диагностических) референтных ситуаций, аналогичных по своей роли диагностическим контекстам. Иначе говоря, можно подобрать такие ситуации, с которыми соотносимы только глаголы с данным аспектуальным значением. А это значит, что при образовании глагольной референции осуществляется проверка согласованности (соответствия) аспектуального значения и каких-то свойств ситуации действительности. В связи с этим кажется разумным стремиться к формированию референтно адекватного описания - описания, которое могло бы служить основой для объяснения глагольной (аспектуальной) референции.

Непосредственным объектом исследования будут употребления процессных глаголов в настоящем времени типа пьёт, несет, едет, цветет, указывающие на развертывание процесса или действия в окрестности (малой или большой) момента речи. Непроцессные глаголы типа знать, любить, иметь будут привлекаться к анализу лишь в той мере, в какой они необходимы для уяснения сущности процессного значения.

При формировании референциальных описаний процессных значений мы будем стремиться к максимальной эксплицитности и, в частности, 218

к тому, чтобы эти описания были полезны не только носителю языка (для объяснения механизма референции), но и автомату, скажем, человекоподобному роботу, обладающему аналогичными человеку энциклопедическими знаниями и перцептивным аппаратом.

1. Проиллюстрируем возможности референциального подхода на примере анализа актуально-длительного значения. Оно фиксируется классическим контекстом Миклошича-Кошмидера Что ты делаешь?, неявно подразумевающим действие, определенное на интервале времени T средней продолжительности - от нескольких минут до нескольких часов. Корректные ответы типа Пью чай; Читаю; Стою в очереди за билетом; Ношу воду дают примеры актуально-длительного (далее просто а к т у а л ь н о г о) значения. Некорректные ответы типа Переворачиваю страницу книги/Руковожу аспирантами, указывающие на действие, заданное на слишком малом/большом интервале времени, свидетельствуют о существовании других процессных значений. Некорректные же ответы типа Стою у окна указывают уже не на процесс, а на состояние.

Имеется несколько описаний актуального значения: "действие, имеющее конкретную временную локализованность", "действие, длящееся в момент наблюдения", "действие, воспринимаемое наблюдателем в срединной фазе его протекания", "действие, допускающее ряд моментов восприятия" и др. Все они с точки зрения поставленных выше целей недостаточно эксплицитно выражают содержание актуального значения - присущий актуальным процессам-референтам "характер протекания действия и его распределения во времени".

1.1. Условимся далее называть процесс текущим ("идет" тек, "пьет" тек, "горит" тек), если он доступен практически мгновенной чувственной идентификации на основе лексического значения соответствующего глагола. Используем введенное понятие для описания актуального процесса. Рассмотрим в качестве примера высказывание

(I) Иван пьет чай,

отнесенное к реальной ситуации чаепития и характеризующее ее на достаточно протяженном (скажем, 10-20 минут) интервале времени T. Референт этого высказывания - актуальный процесс "пьет" - представлен наблюдателю в виде более или менее регулярной последовательности текущих процессов "пьет" тек , перемежающейся довольно продолжительными паузами, во время которых Иван

не "пьет"_{тек} (разговаривает, ест, подливает чай и т.п.). Однако, несмотря на такую прерывистость, эта последовательность трактуется нами как целостный, непрерывно длящийся процесс "пьет"_{акт}. Именно поэтому говорящий (далее - Г) вполне может образовать референцию (I) в момент наблюдаемого отсутствия "пьет"_{тек}, например, когда Иван помешивает ложечкой чай.

Зададимся вопросом: что же в таком случае выражает актуальное значение? Напрашивается такой ответ: уверенность Г-го, что процесс "пьет"_{тек} имел место в ближайшем прошлом и возобновится в ближайшем будущем, или, что на Т имеет место последовательность таких процессов. Чтобы показать его недостаточность, представим себе такую ситуацию: человек несет тяжелый чемодан, периодически останавливаясь на 2-3 минуты для отдыха. В этой ситуации к последовательности локальных процессов "несет"_{тек} вполне приложимо высказывание

(2) Иван несет чемодан.

В то же время к последовательности локальных процессов "отдыхает"_{тек} аналогичное высказывание (2') Иван отдыхает уже не приложимо.

Как видим, далеко не всякая последовательность локальных процессов может стать референтом актуального значения глагола. Покажем, что для этого она должна допускать следующую интерпретацию: каждый текущий процесс 1) своевременно (без задержки) порождается очередной только что возникшей локальной целью субъекта и реализует ее и 2) приближает реализацию соответствующей глобальной цели субъекта - цели, постоянно действующей на Т. Ясно, что процессы "несет"_{тек} допускают такую интерпретацию. Они удовлетворяют как первому условию - своевременно порождаются периодически возникающей целью продолжить движение, - так и второму условию - приближают достижение глобальной цели принести чемодан в пункт назначения. Столь же очевидно, что процессы "отдыхает"_{тек} не допускают целевой интерпретации. Они удовлетворяют условию 1), но не удовлетворяют условию 2), т.к. в данной ситуации неестественно полагать, что у субъекта имеется глобальная цель отдохнуть. Предположим теперь, что на пути Ивана возникло неожиданное препятствие, скажем, он вынужден ждать открытия временно закрытого перехода. В этой ситуации уже референция (2) некорректна: условие 2) сохраняется, а условие 1) - нет.

Аналогично объясняется и пример (I). Здесь глобальная цель Ивана, условно говоря, - напиток чаю. Она периодически порождает локальную цель - отпить несколько глотков. Реализация этой цели

посредством очередного процесса "пьет"_{тек} удовлетворяет на ближайшее время желание Ивана пить чай (условие 1)) и приближает удовлетворение глобальной цели (условие 2)). Нарушение любого из этих условий означает прекращение актуального процесса. Референция (I) станет некорректной, если, скажем, к моменту речи Иван начал убирать со стола посуду (утрата глобальной цели) или кончился чай (утрата возможности ее реализовать).

Изменим теперь ситуацию чаепития таким образом, чтобы последовательность процессов "пьет"_{тек} утратила свойства актуального процесса. Предположим, что Иван смотрит по телевизору футбольный матч и периодически, когда игра приостанавливается (мяч выходит за пределы поля и т.п.), забегает на кухню, наливает себе немного чаю, выпивает его и возвращается назад. При этом на интервале T возникает последовательность текущих процессов "Иван пьет чай". Однако высказывание (I) с ней уже несоотносимо. Дело в том, что здесь появилась новая глобальная цель - посмотреть матч, которая вызывает своевременное разворачивание локальных процессов "смотрит"_{тек} и обеспечивает тем самым корректность референции (I'). Иван смотрит акт матч. Указанная цель не исключает наличие на T прежней глобальной цели - напиться чаю. Однако в таких условиях порождаемые ею локальные цели уже не могут своевременно удовлетворяться. А это значит, что условие I) не выполняется. Сместим акценты в этой ситуации. Предположим, что Иван из соображений вежливости вынужден сидеть с гостями на кухне и пить чай во время трансляции футбольного матча и лишь иногда на несколько минут заглядывает в комнату, где его сын смотрит футбол. Теперь по аналогичным причинам референция (I') становится некорректной, а (I) - корректной.

Подчеркнем, что сам по себе факт эпизодичности и краткости отдельных процессов "смотрит"_{тек} не сказывается на запрете референции (I'). В другой ситуации, когда матч неинтересный, Иван вполне может сидеть перед включенным телевизором и читать газету, лишь изредка бросая взгляд на экран (когда, скажем, слышит оживление болельщиков). Здесь совокупная длительность наблюдения за матчем может быть даже меньше, чем в предыдущей ситуации, однако референция (I') вполне допустима, потому что каждый процесс "смотрит"_{тек} сразу же порождается возникшей локальной целью и полностью ее удовлетворяет.

Наконец, если перенести чаепитие в комнату, то обе референции станут корректными, поскольку теперь оказывается возможной своевре-

менная реализация обеих глобальных целей.

Итак, референция каузативного глагола с актуальным значением корректна, если последовательность текущих процессов (наблюдаемая составляющая актуального процесса) допускает следующую интерпретацию (диагностическая составляющая актуального процесса): она а) порождается единой (глобальной) целью агента, действующей на всём Т, и б) постепенно реализует эту цель на Т. Некаузативный актуальный процесс имеет аналогичную структуру, только в роли фактора, порождающего последовательность локальных процессов здесь выступает не цель, а сила, энергия, постоянно действующая на протяжении всего Т. Локальные процессы трактуются как манифестанты этой единой силы. Например, о скачкообразно движущейся минутной стрелке в момент её текущей неподвижности вполне корректно сказать Минутная стрелка движется при условии, что часовой механизм работает. Аналогично, высказывание Вся дорога немилосердно скрипит телега вовсе не означает, что телега скрипит непрерывно. Утверждается лишь, что непрерывно действует фактор, порождающий скрип, скажем, движение телеги.

Сформулируем теперь общее определение актуального значения.

(3) Иван пьёт чай <на Т> = 'В референтной ситуации на интервале Т средней протяжённости а) постоянно сохраняется свойство, порождающее на Т б) регулярную последовательность текущих процессов "пьёт"':

Замечание. Необходимо строго различать роль энциклопедических и языковых знаний в образовании рассмотренных референций. Решение о приложимости интерпретации а) к последовательности б) в каждом конкретном случае обусловлено энциклопедическими знаниями F-го (о мире, о данной ситуации и т.д.). Однако сама по себе характеристика а) является уже компонентом актуального значения глагола, т.е. имеет статус языкового знания. В этом плане глагольная референция вполне аналогична именной. Например, при отнесении слова стул к воспринимаемому объекту мы используем как языковые знания - компоненты 'сиденье', 'спинка' и др., так и энциклопедические знания, позволяющие корректно "приписать" эти компоненты воспринимаемым частям объекта.

2. Применение референциального анализа позволяет нам выявить одно новое аспектуальное значение, которое часто считается вариантом актуального значения. Это новое значение (назовём его текущим) отражает синхронное моменту речи (наблюдения) развёртывание текущего процесса. Например, в высказываниях Смотри, Иван идёт; Оглянувшись, я увидел Ивана, который что-то быстро писал глаголы идёт и писал употреблены в текущем значении. Очевидно, в отличие от акту-

альных, приведенные референции будут некорректны, если в момент речи/наблюдения текущие процессы "идёт", "пишет" отсутствовали. Специфику текущего значения выявляет и критерий Миклошича-Кошмидера. Представим себе такую ситуацию. Иван, читающий книгу, непроизвольно посмотрел в окно и в этот момент из соседней комнаты услышал вопрос: Что ты там делаешь? Разумеется, эстетсвенным будет ответ Читаю, а не Смотрю в окно. Последний уместен лишь в случае, когда Иван действительно отвлекся от чтения, заинтересовавшись чем-то, происходящим на улице. Тогда этот ответ выражает уже актуальное, а не текущее значение глагола смотрю.

2.1. Канонической областью применения текущего значения являются ситуации репортажного типа, когда требуется синхронное описание быстротекущих процессов на очень коротких временных интервалах микро-Т. Например, Иван бежит с мячом ...; Мария поднесла чашку ко рту и пьёт мелкими глотками чай ... Медленные процессы типа "рост дерева", "пожелтение листьев" не могут быть референтами текущих значений, так как они не проявляются в пределах микро-Т. Высказывание Смотри, как быстро растёт яблоня фиксирует не синхронный (моменту речи), а диахронный процесс, далеко выходящий за пределы микро-Т. К указанной области употребления относятся и ситуации обучения языковой референции, например, когда мать называет воспринимаемое или выполняемое ребёнком действие. Если Г хочет подчеркнуть продолжительность текущего действия, он обычно повторяет глагольную референцию. Ср. повторы в прямых описаниях типа Шёл он шёл; Мышь грызла и грызла, назойливо и деловито, в буфете старую корку сыра (М.Булгаков); Мы едем, едем, едем ...

2.2. Покажем, что текущее значение имеет ту же структуру, что и актуальное значение (см.(3)). Отличие лишь в том, что оно задаёт процесс-референт на существенно меньшем, чем Т, интервале времени микро-Т, соизмеримом с моментом наблюдения/речи (порядка нескольких секунд) и что на этом интервале оно непосредственно идентифицируется F-м и потому имеет объективный статус. Рассмотрим высказывание Мальчик пьёт лимонад, отнесённое к реальной ситуации. Здесь наблюдаемый процесс "пьёт" тек вполне может прерываться короткими паузами, если порождающее свойство при этом сохраняется, например, если F видит, что пауза вызвана желанием мальчика перевести дыхание. Стоит однако мальчику поставить стакан с недопитым лимонадом на стол (мгновенное действие) и Г сразу же воспримет эту паузу как окончание референта "пьёт" тек, поскольку этот жест свидетельствует (энциклопедическая информация) об исчезновении локального порождаю-

щего свойства. При этом глобальное свойство (желание мальчика пить лимонад) может сохраняться. Так, мальчик мог поставить стакан с лимонадом на стол, чтобы ему ещё подлили лимонаду. В этом случае "пьёт" тек кончился, а "пьёт" акт продолжается. Точно так же интерпретируются и некаузативные процессы, например, процесс "гореть" тек. Если порыв ветра погасил свечу (фитиль ещё тлеет), мы моментально воспринимаем это как окончание процесса "горит" тек, поскольку нам ясно, что с исчезновением огня утрачивается и порождающее его свойство - достаточно высокая температура на конце фитиля. Даже если в следующую секунду мы вновь зажём свечу, всё равно это уже будет новый текущий процесс. В то же время, если порыв ветра задул пламя костра, но тлеющий хворост раскалён и вот-вот вспыхнет снова, мы вовсе не считаем, что "горит" тек кончился.

Дадим по аналогии с (3) определение текущего значения. Условимся называть фазой наблюдаемого процесса минимальный фрагмент, достаточный для лексической идентификации процесса. Например, фазой текущего движения секундной стрелки будет, скажем, перемещение её на одно деление шкалы, фазой процесса "пьёт" тек один глоток и т.п.

(4) Мальчик пьёт лимонад \langle на микро-Т \rangle = 'В референтной ситуации на интервале микро-Т а) постоянно сохраняется свойство, порождающее на микро-Т б) регулярную последовательность фаз процесса "пьёт"'

3. Введём в рассмотрение ещё одно аспектуальное процессное значение, которое далее будем называть фоновым. Примеры употребления глаголов в этом значении дают следующие высказывания: Иван строит дачу/пьёт отвар из шиповника/уже несколько дней читает "Войну и мир". Каждое из них вполне соотносимо с Иваном, который в момент речи, скажем, спит и, следовательно, не участвует не только в текущем, но даже и в актуальном процессе "строит", "пьёт", "читает". Отличие фонового значения от актуального очевидным образом подтверждает и критерий Миклошича-Кошмидера. Фоновый процесс - референт этого значения - имеет ту же структуру, что и актуальный процесс, но находится с ним примерно в таком же отношении, в каком находятся актуальный и текущий процессы. Во-первых, фоновый процесс определён на существенно большем, чем Т, интервале времени макро-Т. Во-вторых, поверхностный уровень (компонент б) структуры) этого процесса представляет собой последовательность актуальных процессов. Легко видеть, что референтная ситуация каждого из приведенных высказываний содержит непрерывно существующее на макро-Т свойство (желание иметь дачу/подлечиться/прочитать роман), которое и порождает более или менее регулярную на макро-Т последовательность процессов "строит" акт,

"пѣёт" акт, "читает" акт. Дадим описание фонового значения.

(5) Иван пѣёт отвар шиповника <на макро-Т> = 'В референтной ситуации на интервале макро-Т а) постоянно сохраняется свойство, порождающее на этом интервале б) регулярную последовательность актуальных процессов "пѣёт" '.

4. Проиллюстрируем кратко все три аспектуальных процессных значения на примере глагола ехать. 1) Текущее значение реализуется в высказывании Иван едет к перекрёстку, отнесённом к Ивану, едущему в момент речи. 2) Актуальное значение реализуется в высказывании Иван едет домой (с работы), отнесённом к Ивану, остановившемуся в момент речи у газетного киоска/табачного ларька и т.п. 3) Фоновое значение реализуется в высказывании Иван едет домой из отпуска, отнесённом к Ивану, который остановился в кемпинге и в момент речи, скажем, собирается лечь спать. Обратим внимание на строгую отделённость этих значений от лексического значения глагола ехать ~ 'целенаправленно перемещаться определённым способом', которое в каждом из приведенных употреблений обретает соответствующую временную конкретизацию. Вместе с тем, существуют глаголы, обладающие только одним процессным значением, например, текущим (уплетать) или фоновым (воспитывать), см. (I, с. 29, 54).

Введенные значения позволяют объяснять логическую непротиворечивость употребления процессных предикатов, отнесённых к одному объекту. Так, высказывание Иван несёт чемодан и отдыхает противоречиво на Т, хотя на этом интервале указанные процессы "физически" могут выполняться поочерёдно и в целом одновременно. (см. анализ высказываний (2) и (2') в п. I). По аналогичным причинам некорректно высказывание Я оглянулся и увидел, что за мной стоит женщина, идущая к кассе, тогда как высказывание За мной стоит вон та женщина, идущая к кассе вполне корректно. Здесь в первом случае оба предиката употреблены в текущем значении и противоречивы на микро-Т, поскольку на нём не совместимы порождающие свойства процессов. Во втором случае предикаты употреблены соответственно в актуальном (стоит) и текущем (идущая) значении, что снимает указанное противоречие.

5. Проведенный анализ позволяет дать общее описание процессного значения глагола: 'В референтной ситуации в течение некоторого интервала времени а) существует свойство, которое порождает на этом интервале б) последовательность лексически однотипных изменений'. Основная трудность при определении процесса заключается в объяснении его целостности. В отличие от свойств и состояний, про-

цессы "существуют пофазно, т.е. в каждый момент времени существует только отдельная фаза действия или процесса, а не действие, процесс в целом. Т.о. в каждый следующий момент процесс как бы исчезает и тут же создаётся вновь" (4, с.94). Иначе говоря, даже непрерывно следующие друг за другом фазы процесса напрямую между собой никак не связаны: появление очередной фазы не предопределяется наличием текущей, что и обуславливает возможность паузы между фазами. Поэтому, чтобы говорить о процессе как целостной совокупности фаз, "надо иметь в виду какое-то "иное" время, чем используемое при восприятии внешней действительности, т.е. такое время, в котором фазы существуют не порознь, а объединены, одновременны по отношению ко времени восприятия" (6, с.12). В приведенном определении такое "иное" (интегральное) время и построено: на "время восприятия", которое само существует пофазно (скажем, посекундно) накладывается порождающее свойство (состояние), которое как и всякое свойство "представлено как целое в каждый момент существования" (Хётл, цит. по (4, с.95)). Т.о. оказывается, что последовательность фаз порождается интегральным (семантизированным) интервалом времени, через посредство которого она и получает статус целостной совокупности фаз, т.е. становится текущим процессом. Аналогично, последовательность текущих процессов становится актуальным процессом благодаря наложению на интервал Т порождающего их свойства, а последовательность актуальных процессов - фоновым процессом.

Выражаю глубокую благодарность М.И.Козлову и Н.В.Перцову за ценные обсуждения результатов работы и полезные советы.

Л и т е р а т у р а

1. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке// Семантические типы предикатов. М., 1982.
2. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
3. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчёта// Изв. АН СССР Сер. лит. и яз. 1986, т. 45, №5.
4. Селивёрстова О.Н. Описание некоторых предикатных типов русского языка// Семантические типы предикатов. М., 1982.
5. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 1987.
6. Козлов М.И., Пружинин Б.И. Замечания к фазовому представлению движения в лингвистической семантике// Предв. публ. ИРЯ АН СССР М., 1986, вып. 176.

Подписано к печати 12.04.90
Объем 14,25 п.л. Печать офсетная
Тираж 800 экз. Зак. 119. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ СЕБЕ И НЕИЗМЕННОСТЬ: МИР И ЧЕЛОВЕК
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

"Все течет, все изменяется, и в одну и ту же реку нельзя войти дважды", — утверждал Гераклит, абсолютизируя изменчивость, нетождественность вещи самой себе в каждом новом месте и в каждый новый момент времени. Этот подход — свидетельство внимания к вещной стороне предметов и явлений. Существует и диаметрально противоположный подход, при котором внимание оказывается привлеченным к тому, что поддерживает единство мира, а именно — к его идеальной стороне. Люди могут войти в реку в разных местах, но это будет одна и та же река, если мы входим в реку во второй раз, она остается той же самой рекой, хотя в ней и произошли какие-то изменения: следовательно, с какой-то более общей точки зрения, с точки зрения идеи реки, этими изменениями можно пренебречь. Сократ в диалоге Платона "Парменид" рассуждает о соотношении идеи и вещи следующим образом: "... один и тот же день бывает одновременно во многих местах и при этом несколько не отделяется от самого себя, так и каждая идея, оставаясь единой и тождественной, может в то же время пребывать во всем" (Платон 1970, с.409). При таком подходе мир уже не выглядит изменчивым и становящимся, а является тождественным себе и неизменным. Исчезновение представления о становлении влечет за собой исчезновение понятия времени, исходящего из принципа последовательности. На смену ему приходит другое понятие — понятие вечности.

Таким образом, восприятие мира как тождественного себе будет, с одной стороны, зависеть от способности за явлениями и предметами увидеть "идею" этих предметов и явлений (мир как Единое), с другой стороны, будет связано с особым характером восприятия времени. В произведениях Андрея Платонова конца 20-х-30-х годов присутствуют оба отмеченных подхода. В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением только второго из них, сделав акцент на понятии тождественности себе как неизменности во времени, т.е. вечности.

1. Вечность: вневременное настоящее и застывшая длительность

В художественных произведениях описание мира с точки зрения вечности должно являться следствием чувствования мира таковым. Это значит, что проблема вечности встает как проблема психологическая, проблема жизни души. Это в первую очередь касается инди-

р. 70 к.